

vk.com/kurotranslations

САРА ДАЛТОН

ПРОБУЖДЕНИЕ
ДРАКОНА

ЗЕМЛЯ ОГНЯ И ПЕПЛА

КНИГА 1

В королевстве Эстала волшебники под названием менти вне закона, а королевство охватила религиозная лихорадка.

Когда родителей Ревы Авалон убивают во время мятежа менти, король Давэд из Эсталы забирает ее под опеку. Но он не выдает ее замуж за принца Луку, как обещал, а продает ее строгому генералу Унне.

Принц Лука, второй сын короля, всегда жил в тени любимого старшего брата. Слабый и болезненный Лука боится, что умирает, но оказывается в центре такой силы, что она может поглотить его. Лука должен научиться скрывать силу, но как он скроет ее от своего отца?

Король Давэд считает, что его правление оборвут менти, потому он приказывает убить всех магов. Из этого приказа возникает Орден во главе с его жутким сыном, Стефаном Змеем. Но Орден лишь делает короля Давэда уязвимым перед опасностью и его страхами.

Перевод: Kuromiya Ren

Пролог

Рева хотела победить. Если она выиграет гонку, принц Лука даст ей инжир в меду на ужин. Если он победит, то поцелует ее.

Она пробежала по мраморным ступеням, чуть не запутавшись в платье. Звук ее шагов отскакивал эхом от стен замка, гобелены трепетали, пока она неслась по коридору. Прохладный морской воздух залетал в открытые окна, принося запахи воздуха Реялона. Рыба, соль и пот. Эль, навоз и пряности. Хотя Рева бежала быстро, она все равно думала о шумных рынках и размышляла, будет ли там веселее, чем в крепости.

Лука ее не поймает. Он был не так ловок, как она, и не так силен. Она улыбнулась, думая, как он пыхтит, спеша за ней. Но потом ее улыбка увяла, она замедлилась, вспомнив лихорадку Луки пару дней назад. Она приходила к его кровати и прижимала мокрую ткань к его потному лбу.

— Леди Авалон, — страж, молодой челочек с темной бородой по имени Родриго, кивнул ей, когда она поспешила по ступеням к большим резным дверям.

Рева обернулась, ее волосы закрыли глаза. Она нетерпеливо убрала их пальцами. Все дамы при дворе крепости Несры постоянно говорили ей, как красивы ее волосы, но они раздражали Реву. Прямые и темные, они постоянно оставались на коврах и шкурах. Она хотела обрезать их, но фрейлина не позволила бы. Сказала бы, что король не одобрит. Какое ему дело до ее волос? Наверное, это было потому, что она была помолвлена с его сыном, Лукой. Он хотел, чтобы она выглядела подобающе для его сына. Это злило Реву. Ей хотелось украсть у стражи кортик и обрезать их самой.

Лука появился из-за угла с шумом, и она забыла о волосах. Она подпрыгнула, хлопая в ладоши.

— О, мой принц, ты проиграл! — она не скрывала торжество в голосе.

— Боюсь, так и есть, — улыбнулся Лука. Все при дворе любили принца Луку. Третий из пяти детей короля Давэда был мягким по характеру и красивым, хоть и болезненным. Рева не призналась бы никому даже под пытками, но ей нравилось глядеть в орехово-зеленые глаза Луки. И его светло-каштановые волосы и оливковая кожа были приятным зрелищем. Но больше всего ей нравилось бегать с принцем и побеждать его. Он подошел к двери с хитрым блеском в глазах. — Может, моя суженая поцелует меня в утешение?

Рева подмигнула.

— Хорошая попытка, мой принц.

Лука взглянул на стража справа.

— Приз того стоит, да?

— Полагаю, да, Ваше высочество, — Родриго улыбнулся Луке.

Рева закатила глаза.

— Идем. Мы опаздываем к твоему отцу. Хотя мы поговорим об инжире в меду позже.

— И об утешительном поцелуе.

Рева скрыла лицо волосами, чтобы не было видно, как румяней поднимается с ее шеи. В тринадцать она уже понимала, что ее свадьба с Лукой могла произойти в любой миг. Король Давэд хотел, чтобы они подождали еще немного. Он не хотел спешить, ведь старший брат Луки, Матиас, собирался жениться на аристократке из Ирринтии. Как младший сын и второй в очереди на трон, Лука жил свободнее Матиаса. И все же порой реальность грядущей свадьбы с Лукой ударяла по ней изо всех сил, и бабочки трепетали в ее животе.

Стражи открыли двери, и Рева вошла в тронный зал вместе с Лукой. Как только лорды и леди повернулись к ним, Рева вспомнила о поте на лбу, о том, как к нему прилипли ее волосы. Ей хотелось проверить, не осталось ли пятен на красном платье под руками. Она прижала руки к бокам и старалась с каждым шагом пинать подол платья, как ее учили вести себя леди.

Придворные сидели на скамьях по обе стороны прохода к трону. Рева низко поклонилась королю, стараясь не смотреть в глаза. Несмотря на недавнюю доброту короля, он все еще пугал. А остальные лорды и леди избегали ее взгляда. С тех пор, как ее семью убили в недавнем мятеже менти, они относились к ней с жалостью или подозрением. Рева не знала всех обстоятельств их смерти. Она знала, что менти напали на башни Авалон, пока она пряталась в груди шкур в своей спальне. Солдат короля нашел ее на следующий день, она дрожала и лепетала, как ребенок. Она ничего этого не помнила, была этому даже рада. Но с того дня на нее пялились, за ней шептались, ее постоянно жалели. Лука говорил с ней свободно и даже мог поругать, когда она вела себя плохо. Она уже год как потеряла семью, и теперь солдаты, что помогли победить менти, пришли за наградами короля. Рева пыталась не думать о своей семье, пока занимала место рядом с Лукой. От мыслей о них ее сердце болело.

Рева обрадовалась, что они пришли не последними. Некоторые еще проходили на балкон. Рева задрала голову, чтобы увидеть потолок с фресками, где изображалось, как король Митрин занял трон сотню лет назад, а еще там были Просвещенный бог и братья с сестрами, поклоняющиеся ему. Король Давэд хмуро посмотрел на опоздавших. Его золотая корона сверкала на солнце из окон с витражами. Яркие участки света плясали на темной мозаике пола. Рубины в его короне сияли, как капли крови. Рева уловила, как Лука рядом с ней выпрямил спину и поправил ленту темно-зеленого цвета с золотой нитью. Цвета подходили его глазам.

Двор начался. Короля Давэд назначил трех новых рыцарей и одного лорда. Смельчаки выходили за наградами. Король Давэд постановил много лет назад, что менти нужно изгнать или казнить за использование их сил. Они были неестественными, как он говорил. Их магия была злой. Всех менти нужно было остановить. Рева не думала, что быть менти — зло, но если так говорил король, то так и было. Она была верна королю, и скоро она будет в его семье.

— Я хочу видеть генерала Унну, — приказал король.

Крупный мужчина вышел вперед. Он был на голову выше почти всех мужчин при дворе. Его броня была тускло-серой, не такой красивой, как у некоторых других солдат, но идеально подходящей его телу. На поясе он нес длинный меч, ладонь лежала на рукояти. Его лоб был большим, спускался к кустистым бровям, что скрывали под собой маленькие глазки. Но Рева ощутила его взгляд на своем лице, и волосы на ее шее встали дыбом. Она опустила взгляд на ноги и обрадовалась, когда он повернулся к королю.

— Вы смело сражались, генерал Унна. Вы привели мои силы к победе и спасли Реялон, когда менти пересекли Море королей. Свидетели говорят, что вы убивали оборотней и магов огня.

Мужчина склонил голову неправильной формы.

— Айе. Это так, Ваше величество. Хотя нам очень помог оползень на юге Реялона.

— И все же вы проявили хитрость, храбрость и умения. Это будет вознаграждено. Вы станете лордом, место есть в Ланте, и вы выберете себе жену.

Рева заметила, как лорд Корен чуть подтолкнул вперед свою дочь Мэву. Но генерал Унна не взглянул толком на пухлую Мэву. Он скользнул по ней взглядом и посмотрел на Реву, та побелела, ей показалось, что по рукам бегут насекомые.

— Ваше величество, я бы хотел в жены леди Реву Авалон.

Шепот в зале. Лука выступил вперед.

— Отец, — начал он.

Король поднял руку.

— Генерал Унна, Рева Авалон помолвлена с моим сыном почти год. При дворе есть доступные дамы.

— Ваше величество предоставил мне выбрать самому. Я не хочу выказать неуважение, мой король, но ваш сын может выбрать себе другую. Меня тронуло лицо леди Ревы. Если вы исполните это желание, я буду навеки в долгу перед вами.

— Отец, нельзя...

— Тише, дитя, — приказал король Давэд.

Король размышлял, а Рева смотрела на свои пальцы, они дрожали. Она не осмелилась посмотреть на Луку. Не могла. Слезы были близко. Она подумала о родителях. Они были счастливы. Они были почти одного возраста, поженились примерно в возрасте Ревы сейчас. Хотя их брак был устроен, они любили друг друга до последнего. Она думала, что у них так будет с Лукой. Она уже влюблялась в него. А теперь у нее это заберут. Она не могла смотреть и на генерала Унну. Он был старым. Не меньше сорока. Он был зверем. Она не могла.

— Хорошо, генерал Унна, — вздохнул король Давэд. — Я могу выбрать сыну другую. Можете уезжать сегодня с леди Ревой, если хотите, хотя она, несомненно, захочет помощи от своих служанок.

— Отец, — Лука поспешил к трону, но стража его отца подняла мечи. Лука замер перед королем. — Нельзя так. Мы с Ревой любим друг друга. Мы... — он повернулся к Реве. Она нашла своего принца. Она посмотрела на него. Всклип вырвался из горла, она не успела остановить его.

— Ваше величество, — тихо сказала она. — Ваш сын говорит правду. Мы... мы нашли...

— Довольно, — король поднял руку. — Вы еще юны и можете совершать глупости, но,

Рева, тебе тринадцать, тебе уже можно замуж. Ты поедешь с генералом Унной в Ланту, где будешь послушной женой храброго мужчины. Лука, сын мой, теперь ты знаешь, что принц делает жертвы ради блага королевства. Ты примешь мое решение или покинешь двор сейчас же.

— Нет! — голос Луки дрожал от гнева.

Но король кивнул страже, и двое крупных мужчин в сияющих доспехах утащили Луку из комнаты. Рева смотрела, как он отбивался, но стражи вели его. Она хотела закричать о несправедливости. Но что могли ее слова? Она не была королем. Она была никем без Луки, и даже его слова не слышали. Она не могла дышать. Она видела его в последний раз? Ладонь сжала ее локоть и повела из зала. Никто не смотрел на нее, никто не жалел. Она беспомощно открывала и закрывала рот. Ее ноги ехали по полу, но генерал Унна тащил ее за собой. Стража закрыла двери за ними, и Рева осталась одна с новым суженым.

1

Лука

Цвет был ярко-золотым, как солнце, но сильнее он ощущал жар. Его кожа пылала. Он не мог открыть глаза. Жар давил на его грудь тяжким грузом. Он не мог двигаться. Не хотел. Жар был прекрасным, а цвет — роскошным. Впервые Лука ощущал себя сильным. Впервые в его жизни появилась цель.

А потом он проснулся.

Огонь был сном. И ему не впервые снилось, как огонь лижет его кожу. Каждый раз, когда он просыпался, он ощущал облегчение и разочарование. Лука был третьим ребенком короля Давэда, правителя Эсталы. Он был вторым сыном после его брата Матиаса. Король почти не думал о нем, потому что Лука часто простужался. Матиас был высоким, сильным и широким. Он был хорошим лидером, и король Давэд дал ему армию, которой он управлял вместе с младшим братом Луки Стефаном. Лука ничем не мог управлять из постели.

Из смертного одра.

Потому что время пришло. Он это чувствовал. Ощущал смерть в комнате. Он устал после сна. Хотел пить. Но не было сил пошевелить рукой в сторону кувшина с водой, стоящего на столе у его кровати. Он прижался к мокрым подушкам. Сколько ему осталось? Дни? Часы? Он уже хотел, чтобы страдания прекратились.

Одна часть его сна была правдой. Его кожа пылала. Но ему было и холодно. И он знал, что тает, потому что не мог есть, едва мог пить. Он был худым и слабым. В мышцах не было силы. Во снах он был сильным. Может, бог так шутил над ним.

Дверь открылась со скрипом, и Лука обрадовался Матиасу, вошедшему в комнату. Ему было девятнадцать — на три года старше Луки — но он был с бородой мужчины. У него были черты отца, оливковая кожа и медные пряди в темных волосах. Он был самым красивым из всех принцев. Лука и Матиас были схожи по цвету глаз, на этом сходство заканчивалось. Ореховые глаза. Но у Луки были черты матери: бледная кожа, каштановые волосы. Лука и Матиас были от разных матерей. Король Давэд хотел получить много наследников, так что у него было много жен. Мать Луки, королева София, родила его и умерла от лихорадки полгода спустя.

— Братишка, сегодня выглядишь лучше, — сказал Матиас. Он улыбнулся Луке, но Лука не был дураком, он видел тревогу на лице брата. Он посмотрел на меч Матиаса, на рукояти были вырезаны солнца. Он хотел бы еще раз ощутить солнце на коже, но вряд ли смог бы встать с кровати.

— Брат Аксил с трудом на меня смотрит, когда приходит, — сказал Лука. — Мне мало осталось. Я знаю. Я выгляжу хуже, но спасибо за ложь.

Матиас сел на стул рядом с кроватью и сжал пальцами подлокотник.

— Ты сегодня выглядишь лучше, потому что борешься. Мы с тобой это знаем. Ты не умираешь.

Лука печально покачал головой. Его старший брат никогда не сдавался. Матиас всегда был оптимистом. Может, потому что у него все было. Он не был виноват в том, что родился первым, здоровым и красивым. Но он все получал с рождения. Лука не злился на Матиаса за удачу, но под конец в него пробралось немного горечи. Он отогнал это. Он не должен был думать о таком. Он любил брата больше всех. Матиас заполнил дыру, оставленную его матерью после ее смерти. Он взял Луку под крыло. Он научил его держать меч и правильно говорить перед отцом.

— Что он знает? — сказал Матиас. — Он сказал мне на днях, что большой дракон проснулся и заберет у отца королевство. Он сказал, что призрак старого Несры поет на ухо. Он глупый старик. Где отец его нашел? Серена и Каролина скоро к тебе придут. Они скучают.

Лука подумал о маленькой Каролине, его сердце сжалось. Ей было восемь, она не должна была видеть брата слабым и больным.

— Ты отдашь Каролине мой тренировочный меч, когда меня не станет? — сказал Лука. — Она хочет учиться, но отец вряд ли позволит. И Альберто может взять мои вещи. На него налезут.

— Альберто хватает вещей, а ты никуда не денешься. Тебе потребуются вещи, братишка. Матиас вручил Луке чашку воды, и тот медленно пил.

— Тут сонное зелье, Лука. Будешь?

Лука покачал головой.

— Не хочу спать, — Лука посмотрел на нетронутые сливы в меду. Руки болели от того, что он держал чашку. — Что Рева?

— Я слышал, что она беременна. Но то было раньше, а теперь в замке Унна нет детей.

Лука прикусил губу. Он часто думал о Реве эти три года, его лихорадка в такие моменты ухудшалась. Его глаза пылали, когда он вспоминал, как зверь утащил ее из зала за локоть. Он думал об этом и ощущал давление на локте, вспоминал, как стража отца увела его. Его заперли в комнате, чтобы он не помог девушке, которую любил.

— Хотел бы я ее хоть раз увидеть, — тихо сказал Лука.

— Я могу попытаться связаться с ней, но, если она с ребенком, вряд ли сможет путешествовать.

Лука кивнул.

— Понимаю, — он закрыл глаза, стараясь не думать о том звере с его милой Ревой. Он не простил отца за это.

— Может, позже зайдет Стефан, — Матиас сменил тему. — Он говорил, что придет.

— Стефан не терпит слабости, ты это знаешь. Он так похож на отца. Порой я поражаюсь тому, какие вы разные, хоть у вас одни родители. У меня хотя бы другая мать, потому я и отличаюсь.

— Мы с тобой похожи, братишка, — сказал Матиас с улыбкой, взлохматив волосы Луки. — Ты такой же смелый, как и я. Ты смело борешься с лихорадкой. Ты справишься, Лука. Ты скоро покинешь кровать, будет тренироваться со мной и остальными. Увидишь.

Лука посмотрел на гобелен на дальней стене. Там были рыцари, бегущие в бой. Лука любил верховую езду. Он скучал по лошади, Варин, коричневой кобылице с белым пятном между глаз.

— Не знаю, Матиас. Ты говоришь, что я борюсь, что я сильный. А я это не чувствую. Я не хочу сдаваться, но если это все? А если бог мне больше не выделил? А если его нет? Брат Аксил говорит о Просвещенном боге, что у него есть план на каждого из нас. Но я не могу верить, ведь так не честно. Почему я не могу выбирать свой путь? Почему я не мог жениться на Реве и жить с ней здесь, увидеть, как тебя коронуют, и Эстала будет процветать при твоём правлении? Все не закончится, как я хочу, у меня даже выбора нет, — Лука закашлялся.

Матиас взял мокрую тряпку со стола.

— Ты утомляешь себя, Лука. У тебя красная кожа, ты горишь сильнее. Расслабься. И попробуй сонный настой, он поможет.

Лука откинул меха и заерзал на кровати. Ему было жарче, чем прежде. Кожа чесалась от жара.

— Мне позвать брата Аксила? — спросил Матиас.

Лука покачал головой.

— Воды.

Матиас дал Луке чашку, протер лоб брата тканью, пока Лука пил.

— Больно, брат? — спросил Матиас.

Лука отбросил чашку и впился в ногти в простыни под телом. Было как во сне. Его тело пылало так, что сдавило грудь. Он закашлялся и перекатился на бок, борясь с невыносимым жаром. Он смутно слышал брата, говорящего о пылающей коже. Он слышал, как Матиас зовет брата Аксила. Лука пытался схватить Матиаса за руку, чтобы тот не звал Аксила. Он не хотел тут старика. Он хотел целителя, а не истории.

Лука дотронулся до руки Матиаса, и странное ощущение пронзило его. Оно пронеслось на скорости галопа Варин. Он зажмурился. В голове словно был густой суп, все, что он слышал, искажалось. Жар был не только от лихорадки. Он был как во сне, когда был огонь, когда пылала кожа. Он ощущал запах. Сера и пепел. Он что-то слышал. Словно визжала свинья.

А потом звуки пропали, и он уже не держал руку Матиаса. Он понял, что ему стало лучше. Лихорадка пропала. Руки и грудь больше не болели. В ногах была сила.

А жар остался.

Лука открыл глаза. Он сел и закричал. Комната горела. Гобелен пылал. Кровать загоралась. А Матиас... пропал.

Брат Аксил ворвался в комнату. Он огляделся, его глаза расширились. Он посмотрел на что-то на полу у кровати, Луке показалось, что Аксила чуть не стошнило. Но это было лишь на миг, Аксил взял себя в руки. Он прошел сквозь огонь, схватил Луку и потащил с кровати. Он держал Луку за запястье, снял со своей руки железный браслет. Ничего не говоря, он надел браслет на запястье Луки.

— Нужно уходить, — сказал Аксил.

Лука кивнул. В его ногах снова была сила. Он мог стоять, мог идти. Но почему пропала лихорадка. И где его брат?

Аксил уводил Луку из комнаты, а Лука оглянулся и увидел пепел на земле. Не просто пепел. Там были кости и плоть, горящий шелк. И сверху лежал меч с обгоревшими ножами. На рукояти были вырезаны солнца.

Рева

Она лежала на окровавленных простынях и шкурах. Пот лился под нее, она сжимала простыню и кричала. Рева знала только боль в душной жаркой комнате, она думала, что боль не закончится. Мокрая тряпка лежала на ее горящем лбу. Тихий шепот звучал рядом. Реве было шестнадцать, она думала, что умирает. Даже комната пахла смертью. Запах был металлическим, гнилым и со сладковатой ноткой. Она отклонилась и смотрела на полог кровати. Пора прекратить. Пора.

— Пытайтесь, — сказала ее служанка Эмми, сжимающая тряпку пальцами. — Боритесь.

— Тужься, — настаивала повитуха. Женщина стояла у кровати, прижимала ладони к коленям Ревы, удерживая их разведенными. Она смотрела вперед, хмурясь. — Я что-то вижу.

— Что? Что там? — Рева приподнялась на локтях. Ручьи пота стекали по ее лицу. Все тело затекло, но ей было все равно. Ей нужно было знать.

Это был четвертый. Три года — четыре ребенка, три умерло. Двое умерли так рано, что их едва заметили, но дыры в ее сердце остались. Один прожил шесть месяцев, и она с ужасающей болью родила кроху, совсем не похожего на ребенка. От мысли о том существе желудок сжался. Она отогнала мысль и сосредоточилась на настоящем. Этот ребенок был первым, прожившим в ее утробе полных девять месяцев. Это был мальчик, она была уверена. Она назовет его Люциан в честь принца, которого знала, и матери Изабеллы, по которой она скучала каждый час.

Он будет весь в нее. Так было решено. Она знала, что у него будет смуглая кожа, сияющая на солнце, глубокие карие глаза, почти черные волосы, улыбка матери. Он будет Авалоном, даже если вырастет под именем Унна. Она уже решила, что ее сын не будет похож на ее мужа. У него не будет глубоко посаженных глаз, выпирающего лба. Нет. Он вырастет сильным и здоровым, но не жестоким, как его отец. Он не будет желать боя. Он будет мудрым.

Глупая. Эти мысли не помогали. Разве она не научилась на ошибках? Вязаная одежда и деревянная колыбель не использовались три года. Но она все думала наперед. Планировала. Шептала имя не рожденного ребенка, пока засыпала. Несмотря на страх в первые полгода, у нее были планы, она растила любовь в сердце. Она не смотрела на лицо повитуха.

А теперь посмотрела. И увидела мрачное выражение. Увидела сжатые зубы.

— Что там? — осведомилась Рева.

— Тужься, — сказала повитуха.

— Что видно?

Эмми убрала мокрую прядь волос ей за ухо.

— Тише, миледи. Помогайте всеми силами ребенку.

Почти день крови и толчков. Сил не осталось.

— Я слаба, — призналась Рева. — Вряд ли смогу дальше.

Ногти повитухи впились в колени Ревы.

— Ты можешь. Должна.

Страх вызвал адреналин, а с ним пришла и сила. Рева боролась с болью, тужилась. На ее плече была рука, между ног все сдавило, из нее вырвался крик. А потом она утихла и поняла, что родила. Она это сделала.

Она хотела откинуться на подушки, но холод пробежал по коже. Что-то было не так. Комната была тихой.

Рева села.

— Почему он молчит? Где крик?

Она смотрела, как повитуха укутывает беззвучного ребенка в простыни. Эмми бросилась к повитухе. Рева смотрела, как Эмми прижимает ладонь ко рту и качает головой. И эти движения, рука Эмми у рта, были кошмаром для Ревы. Комната уплывала. Сила пропадала, и она оставалась безжизненной. Она знала без ответов. Знала.

Слезы были в комнате, но не у Ревы. Эмми повернулась к ней, всхлипывая, извиняясь снова и снова. Рева подавила тошноту и головокружение и протянула дрожащие руки.

— Могу я его взять? Поддержать сына?

Повитуха покачала головой.

— Это не сын.

Эмми вытерла слезы и взяла сверток у повитухи.

— Миледи, вам не стоит видеть.

Рева впервые ощутила ужас. Что она родила? Монстра? Он был кривым?

— Скажи, — прошептала она. — Если не покажешь, расскажи.

Эмми и повитуха переглянулись. И от этого слезы выступили на глазах Ревы.

— Как в прошлый раз, — поняла Рева. — Он родился не таким. Мертвым и не таким.

— Мне жаль, миледи, — подтвердила Эмми.

— Ты юна. У тебя будет время для детей, — повитуха прошла к рукомоюнику и принялась мыть оборудование. Она вернулась и тканью и начала вытирать ноги Ревы. — У тебя еще будут.

Рева покачала головой.

— Больше нет.

Эмми шагнула к Реве с маленьким свертком в руках.

— Я... я похороню его. Я должна сделать это, пока лорд Унна...

Рева не могла смотреть на Эмми. Она не могла смотреть на комнату и смотрела на огонь, пока глаза пылали. Удар повитухи вернул ее в реальность, и она вытолкала все, чтобы повитуха залатала ее.

Проблема была в ней, она это знала. Она не подходила для этого. Ее целью было дать мужу наследника. Она не могла. Повитуха сорвала окровавленные простыни, Рева легла на бок и сжала живот. Он еще был опухшим, но ощущался пустым. Она была пустой изнутри, без эмоций, любви. Она лишилась четверых. Скольких еще заберут? Сколько раз ей нужно терпеть эту боль?

«Сил нет, — подумала она. — Я больше так не смогу».

Повитуха дала ей тоник от боли, еду для сил, двери ее комнаты распахнулись, и большие сапоги загремели по каменному полу.

— Где мой сын? — рявкнул Францис Унна.

— Он мертворожденный, милорд, — повитуха не прекратила свои дела, укрыла Реву шкурами и коснулась ее лба. — Ваша жена потеряла много крови и слаба. Ей нужно отдыхать. Это не место для мужчины.

У Ревы не было сил вернуться к мужу, но она знала его гнев. Ему было сорок пять, у него все еще не было наследника, чтобы передать титул, что три года назад ему подарил король. Его волновал только наследник. Он хорошо обходился с ней, пока Рева была беременна. Давал отдыхать в постели. Обеспечивал лучшую еду, лучших целителей для нее. С каждой потерей он становился все холоднее. Когда Рева не была беременна, он был

жесток. Он пил слишком много. Он ругал ее за скуку. Он ходил к другим женщинам.

И бил ее.

Даже вздох не вовремя мог вывести Франциса Унну из себя. Он не собирался унижаться из-за жены. Рева была его вещью, подаренной королем. Ей нельзя было оскорблять его, вздыхая ему в лицо или перечая ему. Рева не отвечала ему два года. Она не хотела избиений. Люди Ланты звали ее «нежной леди» из-за ее тихого и милого поведения. Рева была другой раньше. Она была смелой, дикой и быстрой. Она бегала с принцем Лукой по замку, и волосы были распущенными и спутанными.

Она робко посмотрела на лорда Унну, не понимая, куда пропала та девочка. Рева ощущала себя пустой, избитой, изломанной, и было больно даже дышать.

— Простите, милорд. Я снова вас подвела, — пробормотала Рева.

Францис шагнул к ней, Рева закрыла глаза. Она ощутила, как его лицо оказалось рядом с ней. От него гадко пахло элем.

— Зачем ты мне? Я женился на тебе ради наследника, но ты убила четверых сыновей.

— Лорд Унна... — вмешалась повитуха.

— Тихо!

Рева открыла глаза от его крика. Его лицо исказилось от гнева. Она увидела, как его рука взлетела и сжала ее шею. Ее глаза расширились от шока, он давил на ее горло. Повитуха бросилась к ним, попыталась убрать его руку. Рева смотрела в его гневные глаза.

Он отпустил ее. Рева глубоко вдохнула, а ее муж сжал кулак. Он еще не выплеснул гнев.

— Милорд, вы правы. Я подвела вас, и этот позор будет со мной до конца жизни, — сказала она хриплым шепотом. — Но вам стоило его видеть. Он был прекрасным. У негс были ваша сила, ваши глаза. Он был идеальным, был бы еще лучше, если бы бог дал ему первый вдох. Я рожу вам сына, и он выживет.

Кулак разжался, лорд Унна смотрел на жену. Рева тихо выдохнула с облегчением, муж развернулся и ушел.

— Ложь была умной, миледи, — сказала повитуха.

— Вы не одобряете? — спросила Рева.

— Нет. Мужчине нужно это слышать. Но будет сложнее с родами в следующий раз.

— Да, — сказала Рева. — Будет, — она замолчала. — Мой сын был... кривым?

Повитуха напряглась. Она убирала инструменты в кожаную сумочку. А потом подошла и посмотрела на Реву.

— Да, миледи.

— Его кожа...?

— Да, миледи.

Рева сдерживала слезы, они жгли горло.

— Я могу доверять вам?

— Да, миледи, — старушка не отводила взгляда. У нее было открытое лицо в морщинах возраста. Рева считала это лицо честным. — Я не расскажу, — женщина продолжила убирать инструменты. — Я приду завтра. Отдыхайте, спите, чтобы набраться сил и восстановиться, — она добавила после паузы. — Не стоит так говорить, но я должна, если буду хранить ваш секрет. Я приняла сотни родов. Может, десяток не смогли вдохнуть. Были и кривые. Порой бог выбирает разные пути для ребенка, порой бывает сложно. Но я не видела такого ребенка, как ваш. Жаль это говорить. Простите, что пугаю. Ребенок был монстром. Лучше ему не жить.

Король Давэд

Давэд ненавидел это путешествие. Каждый шаг не радовал. Лестница была долгой, опасной, извивалась в узкой башне. Ее звали Всевидящей башней, хотя Давэд не знал, кто придумал название. Он знал, что в башне раньше были стражи. Потом она стала тюрьмой. Теперь название имело другое значение. Башня была самой высокой из семи башен крепости Несры, вид простирался на мили, было видно Море королей. Хотя житель башни не выглядывал. Она предпочитала окна закрытыми.

Суставы болели от каждого шага. Давэд не был старым, но уже уставал, когда поднимался по башне, но еще помнил силу и ловкость, какие у него были. Давэд был с армией, пока Матиас не подрос, сражался вместе со своими людьми, подавляя мятежи менти. Он никогда не хотел боя, как бывало с некоторыми, но ему хватало сил и воли, чтобы стоять рядом с остальными во время войны. Те сражения оставили отпечаток на его теле, хоть он и не хотел признавать этого.

Он стиснул зубы и поднимался дальше. Не нужно думать о менти. Они были неестественными мерзостями, он ненавидел их каждой клеточкой себя. Из-за них он и шел к вершине башни. Из-за них он держал женщину в этой комнате, хотя ненавидел делать это. Каждый месяц он приходил к ней. Каждый месяц надеялся. Ее слова не менялись, как бы он ни старался.

Он остановился, чтобы отдохнуть, прижал ладонь к холодному камню. Ему было сорок один, он был королем с двадцати лет. Он унаследовал трон от отца, короля Митрина II, которого мало интересовало правление. Митрин почти ничему не научил Давэда, его советники принимали решения, пока он жаловался и хмурился. Давэд помнил день, когда его отец умер. Он посмотрел на сына с постели и сказал:

— Теперь все это твое, сын, а я свободен, — Митрин бросил корону на пол спальни. Давэд смотрел в ужасе, его горло сжималось.

Двадцать один год спустя он так и не тронул ту корону. Он добрался до вершины башни, несмотря на боли. Стражу не требовались указания. Он открыл дверь для короля и отошел, Давэд прошел в комнату. Давэд носил корону только на важных фестивалях, или когда слушал подданных. Он верил, что король, что носил корону постоянно, чтобы вызывать уважение, плохо справлялся. Его не любили все люди Эсталы, но его уважали в крепости.

Он надеялся.

Комната была темной, как он и помнил. Полоска света падала из щели в ставнях, но это было все. Его глаза привыкли к мраку, он увидел странные предметы в комнатке: разбросанные куриные кости, клочки волос на поверхностях, миски в крови, перья на полу. А потом он увидел ее. Она была едва заметной в темноте, только седые волосы выделялись, остальное сливалось с тенями. Она горбилась, была хрупкой, изорванная черная туника доставала до пола. Ее лицо было грязным.

Он не был жесток с ней. Ей позволяли купаться, чисто одеваться, служанка могла убрать у нее, но женщина отказывалась. Так было больше десяти лет, и в этом месте воняло потом, кровью и мочой.

Она была в центре комнаты, смотрела на дверь, словно ждала его прибытия.

— Ты пришел с вопросом, — улыбнулась она, гнилые желтые зубы виднелись за красными губами.

— Да.

Она была гадкой. Казалось, она гнила изнутри. Ее кожа свисала с костей, волосы падали до пояса, ее ногти были в грязи. Она пришла к нему десять лет назад, и даже тогда она была босой и сгорбленной. Он помнил, как она подошла к трону, его стража отвернулась из-за вони. Но он выслушал ее, и его слова испугали его. Он тут же заточил ее, чтобы другие не услышали ее слова. Стражи поклялись молчать. Остальные при дворе не слышали.

— Вопрос тот же, — сказала она. — Тот же после стольких лет.

— Да.

Он звал ее Каргой. Она сказала, что у нее не было имени. Карга ей шла.

Она сняла миску со стола, стряхнула с поверхности перья и волосы. Она убрала их, поставила миску на стол. Ее костлявые волосы потянулись ко рту. Король скривился, грязные пальцы рылись в ее влажном рту. Она дернула, и гнилой зуб выпал. Король отвернулся, она бросила зуб в миску. Его желудок сжался. Он был в бою. Он видел кровь и кишки на полях, но было что-то неестественное в том, как работала Карга.

Кровавая слюна полетела за зубом, а потом она вырвала клочок волос и бросила туда же. Она взяла грязную ложку и смешала это. Комнату заполнила пронзительная песня, король Давэд ощутил холодок, волоски на шее встали дыбом. Он хотел уйти, но ему нужен был ответ как воздух. Желание было отчаянным. Он должен был знать.

Когда песня закончилась, Карга кашлянула и заговорила хриплым шепотом.

— Ответ есть.

— И? — он шагнул вперед.

— Тебя убьют менти. Твою корону заберет менти. Твою жизнь уничтожит менти.

Король выдохнул, опустил голову. Ответ каждый раз был одинаковым. Она сказала ему это и в тронном зале.

— Кто? Мне нужно знать, кто менти! — он сжал кулак. Его лицо гневно пылало.

Карга рассмеялась.

— Это я не вижу.

— Тогда зачем ты? — осведомился он.

— Если я не нужна, выброси меня из башни, и дело с концом, — король не ответил, старуха рассмеялась. — Так и думала. Увидимся через месяц, Ваше величество, — она отвернулась от него.

Давэд выпрямил спину. Он был королем, но гадкая старуха прогоняла его. Но его гнев угас. Что он мог? Она была хрупкой как птенец. Она была древней. Он не знал, сколько ей лет. Могли быть века. Все же она была менти. Он развернулся, чтобы уйти, думая, как он ненавидел менти. Эта ненависть зрела годами, он питал ее, как мать ребенка. О, он проверял Каргу. Он задавал ей много вопросов. Она предсказала смерть Софии и болезнь его сына Луки. Предсказала, что Матиас станет сильнее братьев, вместе взятых, и что Стефана он всегда будет любить меньше всех. Альберто будет светлым, Каролина предпочтет мечи куклам, а Серена будет самой красивой девушкой при дворе. Она все это предсказала. Это означало лишь то, что пророчество было правдой.

Страж захлопнул дверь, звук ключа преследовал Давэда, пока он спускался. Он ненавидел Каргу. Ненавидел то, что запер ее в башне, ненавидел пророчество, ненавидел сильнее всего менти. Он не будет отдыхать, пока они не сгинут, пока его семья не будет в безопасности.

Спуск был проще. Его сердце билось увереннее. Пророчество не исполнится, у него был план.

Но его мысли о планах перебили на последней ступеньке. Страж ждал его, как и было приказано, но с ним был другой, и его лицо было красным, он расхаживал. Король Давэд узнал целителя, приставленного к Луке. Он был в белой тунике и грубых штанах, но туника была в черных пятнах.

— Ваше величество, плохие новости, — сказал целитель. — Ваш сын умер.

— Лука? Как жаль, — это расстраивало, но не удивляло. Мальчик лежал в постели днями, у него была сильная лихорадка, и целители не могли помочь.

— Нет, Ваше величество, не Лука. Был пожар. Похоже, Лука как-то смог уйти, но мы не знаем, где он...

— Кто мертв? — осведомился король Давэд.

— Ваш сын Матиас мертв. Мы нашли его меч среди останков.

Король Давэд прижался к стене. Старший? Как такое возможно? Матиас был сильным. Он был хорошим лидером, хорошим человеком.

— Как это произошло?

— П-пожар, Ваше величество.

— Покажите.

Они поспешили по крепости к покоям Луки. Давэд едва замечал, что задыхался, пока они не добрались до сожженной комнаты. Воняло горелой тканью и плотью. Горелый гобелен упал на пол, когда они вошли. Слуги все еще убрали, но при виде короля поклонились и ушли.

Давэд не мог отвести взгляда от груди ткани и почерневшей плоти. Он вытащил меч из останков. Меч Матиаса, он был уверен. Он узнал солнца на рукояти, потому что сам их вырезал. Меч был сделан для Матиаса, когда он подрос и начал командовать отрядом армии Давэда.

— Солнца для сына, — сказал тогда он.

А теперь его сын погиб. Он выронил меч.

— Найдите Луку, — приказал Давэд. — Не трогайте сына, пока я не поговорю с Лукой. Заприте дверь за нами и никому не говорите об увиденном.

Трое покинули сожженную комнату. Целитель запер дверь, а Давэд шел дальше. Он шагал по коридору, минуя слуг, советников и стражу. Он ни с кем не говорил. Он добрался до своей комнаты и сказал стражу ждать снаружи.

В комнатах пахло морем. Ставни были открыты в теплый день. В Реялоне всегда было ярко и тепло, но сегодня яркость издевалась над ним. Он хотя бы был один в комнате, только здесь он мог быть один. Он прошел к окну с видом на Море королей. Синее море ждало его. Его пальцы сжали железный медальон под лентой на груди. Железо загремело, упав на каменный пол.

Это было просто. Он очистил разум. Это стерло горе, боль и гнев. Он сделал это, успокоился, и одежда упала на пол кучей. Из них поднялся большой величественный сокол с каштановыми перьями. Он издал вопль, расправил крылья и взлетел в небо.

4

Лука

Матиас был мертв. Лука не мог поверить, что его старший брат был мертв, а он был в Порту королей среди рыбаков и капитанов, жался к брату Аксилу, пытаясь избежать взглядов и сбежать вообще. Он хотел быть в другом месте. Он хотел быть кем-то другим. Он хотел вернуться в кровать, понять, что случилось. Он был слишком слаб, чтобы держать чашку с

водой, а потом огонь поглотил брата, и он снова был сильным.

Ему вернули силу, но какой ценой? Разве это он просил?

Они убежали из крепости, брат Аксил прикрыл его голубым плащом, как у него самого, спрятал голову Луки капюшоном. Лука толком ничего не разбирал, но помнил гадко пахнущий туннель, крыс под ногами, брат Аксил вывел его из крепости. Они поспешили к воротам Реялона, стражи выпустили Аксила без вопросов. Конечно, стражи подумали, что Лука — ученик Аксила, тоже из Просвещенных. А потом они доехали до порта и нашли корабль.

Так говорил Аксил. Лука с трудом пытался понять, что происходило. Он слышал слова брата Аксила, но едва понимал их. Он все еще был мыслями в комнате с Матиасом. Он ощущал огонь на коже. Жар растекался по нему, а потом утих.

Матиас был мертв.

Откуда огонь? В его комнате не было ничего такого, только камин в другой стороне. Оттуда пожар? Нет. Так быстро огонь не поглотил бы человека.

— Пять серебряных софьев, и получите каюту, — сказал капитан. — Мы собираемся в Зантос. Предупреждаю, брат, роскоши в каюте нет. Это не то, к чему ты привык.

Лука прислушался. Капитан был низким и толстым, на подбородке была седая щетина. Он улыбался, у него не хватало зуба. Его одежда была грязной, но целой. Он протянул ладонь за монетами, и ладонь была не меньше тарелки для ужина.

— Что мы здесь делаем? — спросил Лука, когда капитан отошел. Он покрутил железный браслет на запястье. — Что стало с Матиасом?

Брат Аксил провел Луку дальше по пристани, ближе к кораблю, на котором они поплывут по Морю королей. Это был крупный грузовой корабль с русалкой на носу. На шее русалки были ракушки, а на голове — водоросли. Луке было не по себе от запаха рыбы с рынков.

— Лука, ты умирал. Это не твоя вина. Стоило раньше увидеть это и помочь тебе, пока не стало поздно.

Лука смотрел на наставника. Брат Аксил был нанят учителем, когда Лука был ребенком. Старик был из Зантоса, и сначала он показался Луке странным. Его голубые ледяные глаза странно сочетались с темной кожей. Цвета его одежды сочетались с глазами. Аксил был Просвещенным братом, знал все. Он любил рассказывать Луке о мире, а еще истории, которые явно выдумал. О призраках королей драконов, об оборотнях, которые могли даже стать кружкой эля. Он рассказывал о Пепельных горах, о Замке солнца в Зантосе.

Лука не всегда слушал Аксила. Он много раз спорил с ним. Брат Аксил как-то рассказал ему, что за эль пил его отец, и Луке стало плохо. Но Лука был упрямым мальчиком, утащил кружку эля в свою комнату и выпил. На следующий день слуги унесли ковер на чистку, а Лука ощущал себя так, словно бился на мечах со Стефаном. Стефан всегда бил по голове. Но теперь Луке нужно было доверять наставнику, он мог рассказать ему, что случилось. Ему нужно было знать, но он не хотел. Желудок сжимался с болью от мысли, что огонь вызвал он. Часть его верила, что это было изнутри, из его снов об огне, где он чувствовал себя сильным. Все было связано, но он не знал, как

— Почему я умирал? — спросил Лука.

Брат Аксил понизил голос, бросив на Луку ледяной взгляд.

— Помнишь, что я говорил тебе о менти?

Он упоминания менти кожу Луки покалывало, словно по рукам пробежали муравьи. Он

почесал кожу и нахмурился. Отец всегда запрещал детям говорить о менти, только ругать их. Отец ненавидел их и их магию.

Брат Аксил ждал, пока Лука не кивнул.

— У менти разная сила. Некоторые меняют облик, другие видят будущее, третьи управляют природой. Они могут вызвать сильный ветер или управлять водой руками. Другие могут создавать шары огня.

Кожа Луки все чесалась. Ему не нравилось упоминание огня.

— Зачем вы мне это рассказываете? — его голос был шепотом, он почти понимал, почему брат Аксил рассказывал это. Но не хотел верить. В горле пересохло, язык не умещался в рот. Он нервно сглотнул.

Брат Аксил коснулся плеча Луки.

— Дышите медленно, принц. Сохраняйте спокойствие. Когда менти обретают силы, перемена дается сложно. Не всегда известно, как или когда это произойдет. Я не должен говорить такое, как брат — наш путь логики, а не магии. Но я должен так говорить, потому что ты, милый Лука, менти. Ты обрел силы, пока лежал с лихорадкой. Ты не можешь ими управлять. Мне так жаль.

Колени Луки ослабели. Брат Аксил удержал его. Лука словно вернулся в кровать, обессилел.

— Я убил Матиаса.

— Это было случайно, Лука. Ты не знал, что твои силы откроются в этот миг. Ты не знал, что будет. У меня есть подозрения, но я не уверен, а говорить об этом опасно. Я никогда не слышал, чтобы огонь исходил из мальчика вот так. Мы думали, ты умрешь. Я уже начал горевать. Не вру, я рад, что ты здесь. И я буду горевать по бедному Матиасу до конца жизни, но я рад, что мне не пришлось попрощаться с тобой.

Лука спотыкался, они шли к кораблю. Его звали Мореход. Лука сдерживал слезы, вспоминая силу в теле, огонь, что покинул его тело. Матиас. Матиас. Его старший брат. Он всегда хотел стать таким. Он научил Луку держать меч. И Лука убил Матиаса.

Он не мог с этим жить.

— А если я наврежу другим, — сказал Лука, — если это повторится? Я... вы сами сказали, я не могу этим управлять... Я не знаю...

— Для того и браслет, — объяснил брат Аксил. — Железо подавляет силу.

Лука посмотрел на браслет на запястье. Только это не давало ему сжечь невинных? Все внутри сжималось. Грудь сдавило, она болела. Он слышал смех Матиаса из детства, он стал смехом Ревы, когда они бегали по коридорам крепости. Они оба были потеряны.

— Идем, — сказал брат Аксил. — Нам нужно на корабль. Нам нужно спешить. Король найдет Матиаса и будет искать нас.

— Отец меня убьет, — сказал Лука. — Он так поступает с такими, как я. Убивает их или сковывает железом. Он управляет ими или казнит их.

— Он их боится, — сообщил Аксил. — Я не знаю, почему он так их боится. Наверное, это привычка королей. Они боятся тех, кто сильнее них. Армия менти пугает. Даже маленькая армия может одолеть много людей. Если у них есть нужные силы.

Лука смотрел на корабль с камнем в груди. Он повернулся к родине. Крепость Несры стояла на холме в уголке Реялона. Большие стены города сияли белизной на солнце. Когда он снова увидит это место? Каким будет Зантос? Он слышал истории. Это было место вулканов и пепла, мрачной долины и золотых шахт у берега. Там не было короля. Ими

правили лорды. У них был замок, там когда-то жил император Эсталы и Зантоса.

Брат Аксил провел Луку на «Мореход». Лука поежился, подумав, как отец найдет Матиаса. Что он наделал?

— Отец найдет нас и убьет, — прошептал Лука.

Брат Аксил прошел по кораблю, словно так уже делал, уводя Луку от матросов.

— Ты — его сын. Ты теперь полноправный наследник престола.

— Я убийца, — с горечью прошептал Лука. — Я заслуживаю смерти.

— Нет. Я не хочу такое слушать, — брат Аксил увел Луку под палубу в поисках их каюты.

Но Лука не думал, что брат Аксил прав. Он был убийцей, и он лишил Эсталу величайшего короля.

5

Стефан

Не печаль ощущал Стефан и не радость. Его эмоции были где-то между, раскачивались в стороны. Он не отрицал, что радовался, глядя на останки старшего брата. Он не был рад, что Матиас мертв, но был рад тому, что это означало. Лука пропал и подозревался в убийстве Матиаса, и Стефан был наследником престола. Он.

Стефан не был самым младшим ребенком короля, так что это было вероятно, но к нему относились как к нежелательному выбору. Он словно родился с недостатком, которого не видел. Стефан не был таким красивым, как его брат Матиас, но он обладал другим сходством с братом. У них была одна мать, и они унаследовали ее темные черты, карие глаза. Стефан быстро понял, что не так привлекателен, как брат, когда мама сказала, что он мог бы быть «красивым как брат, если бы хоть миг удержал взгляд на месте». Матиаса никогда не называли бы змеей. Так его звали за спиной: Стефан Змей.

Он покажет им. Теперь он был их наследником, и его отец поручил ему узнать как можно больше о смерти Матиаса.

— Пожар был сильным и внезапным, — сказал брат Миккел, присев к земле и разглядывая останки. — Это видно по следам на ковре, столе и полу. Ваш брат сгорел быстро.

Стефан посмотрел на наставника. Брат Миккел был худым мужчиной из Ирринтии на севере. Узкое лицо и бледная кожа делали его похожим на призрака. Когда брат Аксил был нанят учителем для королевских детей, Стефан быстро понял, что Аксил любил всех, кроме него. Он молил отца нанять кого-то для него, чтобы учиться так же быстро, как остальные. Король сдался, и в крепость прибыл брат Миккел. Просвещенный брат вскоре стал единственным другом Стефана.

— Может, факел? — предположил Стефан.

Миккел поднял голову и шумно понюхал.

— Вы ощущаете этот запах?

— Горелой плоти? Пепла? Горелых простыней? — спросил Стефан.

— Что еще?

Стефан медленно вдохнул с закрытыми глазами.

— Больше ничего не ощущаю.

— Вот именно, — Миккел выпрямился в полный рост, на половину ладони выше Стефана. — Нет запаха смолы. Вряд ли причиной был факел. Свечей тут нет, да и свеча так не загорелась бы.

— Тогда что? — спросил Стефан.

Глаза Миккела расширились, стало видно белки на его угловатом лице.

— Менти.

Стефан ощутил трепет. Он любил менти. Точнее, ему нравилось гнать их по приказу короля. Менти были неестественными. Они были против. Они поклонялись не тем богам, использовали черную магию. Миккел говорил, что они были мерзостью, бедствием и оскорблением. Стефан соглашался.

— Матиаса убил гадкий огненный менти, и мой брат Лука, что был при смерти, как-то пропал из крепости с этим Аксилем из Зантоса, — Стефан улыбался. — Я всегда знал, что с Лукой что-то не так. Он обманывал весь дворе, но не меня. Никто не может быть таким милым.

— Это все Аксил, — нахмурился Миккел. — Я никогда не доверял людям Зантоса. что он вообще делал среди Просвещенных?

Стефана забавляло мрачное лицо Миккела. Наставники не ладили. Миккел был из маленькой фракции Просвещенных, зовущих себя Орденом Понимания, которые больше всех дорожили словами Аниоса. Они поступали верно, по мнению Стефана, и они убивали или порабощали всех менти, каких встречали. Остальные Просвещенные верили в слабую идею мира. Стефан знал, что между обычными людьми и менти никогда не будет мира, и менти всегда будут подавлять всех силой. Его отец тоже это понимал, потому и дал Стефану батальон. Стефан посмотрел на молнии на рукояти его меча. Они показывали его верность Ордену Понимания.

Почему бы не быть на их стороне? Из всех его семьи и со всего двора брат Миккел всегда был на его стороне, а не против него. Миккел был его союзником, другом, наставником. Орден выслушал его и принял. Они не отгородили от него, как Матиас и Лука, как их противный Аксил. Разве он не был прав? Аксил и Лука убили Матиаса. Все запуталось, но Стефан еще не запачкал руки кровью.

Пока что.

Стефан знал, что должен найти Аксила и Луку, вернуть их в Реялон и заставить ответить за преступления. Он снова улыбнулся.

— Ваше высочество.

Стефан повернулся к двери, высокий мужчина стоял на пороге. Генерал Тика был в кожаной броне и кольчуге. Он вспотел от подъема к комнате Луки, его кожа от этого порозовела. Он был старше всех сыновей короля, но моложе тридцати. Генерал Тика был заместителем в батальоне Стефана, один из его близких советников. Но Стефан ему не доверял. Хотя Стефан никому не доверял. Несмотря на отсутствие доверия, Стефан всегда признавал, что Тика был отличным командиром и исполнял все приказы.

— Что такое, Тика?

— Вы дали мне задание две недели назад, — сказал он. Мужчина не пошел к Стефану, и это Стефан уже заметил. Тика или боялся, или стеснялся принца. Может, все сразу.

— Я это помню, — ответил Стефан. — И исход?

— Как вы и ожидали, — сказал Тика.

Стефан кивнул.

— Хорошо. Тогда присоединись к генералу Барке и его людям и помоги с проблемой. Но у нас есть другое важное дело. Прикажи городской страже обыскать Реялон и окрестности, нужно найти моего брата Луку и брата Аксила. Я хочу стражей в каждом

порту, чтобы они допросили капитанов, плывущих в Зантос. Я хочу поисковые отряды в лесах между нами и Лантой. Я хочу знать, куда делся мой брат. Он не может быть далеко. Он был три часа назад при смерти. Это ясно?

Генерал Тика посмотрел на кости и плоть на полу комнаты.

— Боже, это Матиас?

Стефан нахмурился. Не было смысла врать генералу.

— Да. Брат Миккел, нужно разобраться с останками брата. И пусть это сделает Орден Порядка.

— Конечно, Ваше высочество.

— Но не устраивайте похороны. Отец этого не хочет.

— Да, Ваше высочество, — Тика замешкался, и Стефан уловил напряжение. Его губы сжались, он словно был против. Стефану не хватало терпения, он предпочитал слушать мнения

Стефан вздохнул.

— Что такое, генерал?

— Проблема, с которой вы хотите разобраться. Мы с Баркой... нам не нравится просьба.

Стефан склонился к Тике, выдохнул, и Тика отошел.

— Нам не нравится просьба, Ваше высочество.

— Простите, Ваше высочество, — Тика прищурился, но на его лице было то, что Стефан определил как страх.

— Знаешь, почему я напоминаю, Тика?

Идиот покачал головой.

— Потому что тебе нужно знать свое место, — Стефан сжал липкие ладони, успокоился и продолжил. Его генералы должны следовать за ним. Он должен показать силу. — Ты поклялся мне в верности, как и моему отцу. Я твой лидер. Ты хороший, Тика, и я бы не просил от тебя такого, если бы это не требовалось. Для дела.

Тика кивнул и прикусил губу.

— Конечно, вы правы, Ваше высочество. Я прослежу, чтобы все выполнили.

Стефан увидел блеск одобрения в глазах Миккела и обрадовался. Его грудь раздулась, он ощущал себя выше, чем раньше. Разве есть что-то приятнее, чем люди, выполняющие его приказы? Вряд ли. Однажды он станет королем, и все будут выполнять его приказы, нравится им или нет.

6

Рева

В дни после родов Рева видела только стены своей комнаты и все, что было за окном, а оттуда открывался вид на двор замка Унна. Он был красивым, корзины розовых и лиловых цветов свисали со стен, резная полоса тянулась под крышей и над изогнутыми окнами. Мужчины и женщины работали снаружи, носили вещи в замок. Она с завистью смотрела, как юный кузнец нагружает коня в яблоках и уходит за ворота замка. Куда он направлялся? Она надеялась, туда, где красиво.

Рева ценила красоту. В ее комнате было много красивых и замысловатых вещей, даже кровать была украшена, как и подставки для ламп. На большом шкафу был вырезан огромный дуб в мелких деталях. Но Рева не могла успокоиться, и окружение ей надоело. В комнате было слишком жарко, она пропахла тониками и фруктами. Францис решил, что она должна горевать одна. Он запер ее в комнате, пока Рева не выздоровеет и не оправится от...

бед.

Ее беды.

Она с горечью подумала о слове. Так он думал? Что мертвый сын был чуть неприятнее неудобства? Потому не хотел посещать ее? Она была бедой? Все видели, какой она была, пока приходила в себя. Они видели ее опухшее сломленное тело, знали, что она подвела его.

Эмми всегда приходила к ней вечером с едой. Она часто приносила холодное мясо из погребов, чтобы приложить к опухшему животу Ревы. Рева все еще плохо себя чувствовала после родов. Живот постоянно сводило, груди были опухшими и чувствительными, порой выделялась кровь. Она едва замечала это в первое время, она замечала только, что в ее руках нет ребенка, и что ее живот сдулся.

Рева смотрела из окна на двух мальчиков, играющих деревянными мечами, когда Эмми вошла в комнату с подносом.

— Вам это понравится, моя леди, — бодро сказала она. — Козу убили утром, она свежая, и персики пухлые. Я собрала сегодня оливки сама.

Но Рева все еще смотрела на мальчиков с мечами.

— Думаешь, это могут быть дети Франциса? У одного из них очень похожи глаза.

Эмми фыркнула.

— Зачем о таком думать? Устраивайтесь за столом и наслаждайтесь ужином.

Рева прошла по комнате к служанке. Двигаться уже было проще. Ее рана почти зажила, хоть тело и затекало. Она бросила подушку на стул, а потом села. Эмми не принесла сегодня холодное мясо, может, Рева все же выздоравливала. Почему-то это ее пугало.

— Поешь со мной, Эмми. Тут слишком много еды.

Девушка замешкалась.

— Это не прилично.

— Меня это не волнует. Садись.

— Но мне нужно поменять вам простыни и...

— Садись, Эмми.

Девушка улыбнулась и села. Рева любила ее, как сестру. Эмми была верной. Она врала ради Ревы, прикрывала много секретов. Если бы о выкидышах Ревы узнали в замке, разошлись бы слухи, которые Францис не потерпел бы. Рева знала, что ее муж захочет избавиться от молодой жены и начать сначала. И что тогда делать Реве? Куда идти? Король избавился от нее, у нее не осталось семьи. Но Эмми она доверяла. Для Ревы она была семьей. Это была милая девушка с веснушками на носу и светлыми волосами и рыжеватым отливом. Она была на год старше Ревы, и Рева часто ловила себя на том, что смотрела на Эмми, принимая решение.

— Персики вкусные, — сказала Эмми. — Спасибо, что поделились. Но если лорд Унна узнает...

— От кого? — Рева вскинула бровь. — Он даже не приходит ко мне, пока я восстанавливаюсь от... беды, — Рева с презрением произнесла последнее слово.

Эмми нахмурилась.

— Для мужчин это сложно. Лорд Унна недавно был подавлен. Уверена, он думал о вас, даже если это не показывал, миледи.

Рева надула губы. Она не представляла такую привязанность Франциса к ней. Рева быстро поняла, что Францис выбрал ее за юность и внешность, именно в таком порядке. Он отчаянно хотел наследника, Рева еще не родила ему такого, и о любви речи не шло. Если

лорд Унна и был подавлен, то из-за отсутствия наследника, а не чувств к ней.

— Надеюсь, он не вымещал злость на слугах, — сказала Рева.

Эмми слабо улыбнулась.

— Мы знаем, когда к нему лучше не подходить.

— Умно.

Эмми медленно жевала жареное мясо.

— Вам еще больно, миледи?

Рева чуть заерзала на месте.

— Это скорее неудобство. Боль слабая, все затекает, — она гоняла оливку по тарелке. —

Но есть и боль не от раны.

Рева опустила взгляд на стол, ее удивило, что Эмми сжала ее руку.

— Моя мама потеряла двоих, а потом родила меня. Потеряла еще двоих, а потом родила моего брата. Некоторым женщинам сложнее, вот и все.

Рева подавляла слезы.

— Конечно, — она кашлянула. — Конечно. Я юна, и тело молодое. Надежда еще не потеряна.

Эмми отпустила ее пальцы и принялась за еду. Но Рева задумалась и не ела. Вместо этого она представляла то, что много раз видела в мыслях. Мальчик, бегущий по коридорам замка Унна, его пухлые пальчики касались стен и железных украшений. Замок Унна часто звали Железным из-за железных украшений на дверях и стенах. Многие Францис заказал, когда стал лордом.

Рева закрыла глаза, прогоняя мысль, и тут ее внимание привлек странный звук. Эмми тут же вскочила на ноги.

— Рожок.

Рева открыла глаза и рот.

— Что? Не может быть.

Эмми оббежала стол.

— Идемте. Нужно уходить.

Дверь распахнулась, и вошел лорд Унна.

— Принц Стефан прислал людей.

Рева шагнула с тревогой к мужу, теребя край рукава.

— Принц Стефан? Я знала его мальчиком. Зачем он послал людей?

Францис схватил Реву за локоть, как сделал и в первый день их встречи.

— Тебе нужно идти. Они уже во дворе. Беги в конюшни. Стража ждет там, чтобы вывезти тебя из Унны.

Рева посмотрела на мужа. На его лице не было веселья. Он был серьезен, холодок пробежал по спине Ревы.

— Эмми может поехать с тобой.

— Благодарю, лорд Унна. Я буду защищать ее жизнью, — сказала Эмми, едва дыша.

Рева хотела покинуть комнату, но не так. Коридоры были полны испуганных людей. Францис вопил приказы, пока они пробирались. Он приказал испуганным солдатам бежать в башни с луками. Слуг отправил в погреб, чтобы они там заперлись. Многие мужчины отправились в оружейную. Замок Унна еще ни разу не подвергался атаке. Не было даже предупреждения. Хотя Францис тренировал замок в прошлом, он успел облениться, и это привело к хаосу. Рева ощущала запах страха, пока они спешили по коридорам. Пот тел и

тошнота. Королевство боялось жестокого принца Стефана.

— Что это, Францис? — сказала Рева. Она спешила, но раны все еще не давали двигаться легко. Она подняла голову, терпя боль. — Почему принц Стефан атакует?

— У него есть шпионы, — пробормотал Францис. — Как еще он... Северная башня! Собирай всех по пути, — Францис схватил юношу и развернул в сторону замка.

— Шпионы? Не понимаю...

— Тебе и не надо. Тебе надо уйти. Ты будешь в безопасности с сопровождением. Вы спрячетесь под капюшонами плащей. Никому не открывай свое имя.

— Ты знал, — сказала Рева. — Ты знал, что так будет.

— Не знал, но подозревал, — он вздохнул. — Я всегда подозреваю и готовлюсь. Я — генерал, Рева. Ты это знаешь.

В его голосе была нежность. Она давно этого не слышала. С ее первой беременности. Того ребенка она потеряла. Горло сжалось, она закашлялась, почти всхлипнув. Она подняла голову выше. Не время для слез.

Если коридоры показались Реве хаосом, ко двору она не была готова. Гремел таран о ворота замка, и звук разносился эхом. Мужчины вопили друг другу приказы. Они спешили, спотыкались друг о друга или о камни. Лица были красными, неопытными, пальцы — бледными на рукоятках мечей. Другие надевали броню на бегу из замка. Были почти сумерки, небо темнело, а солнце садилось. Рева смотрела, как за ней захлопнулись двери замка, услышала, как опустили засов. Она поняла в тот миг, что не вернется. Ей придется быть храброй, скрывать боль в животе и то, как персики бурлят в желудке.

Мальчики были такими юными, убегали от собирающихся мужчин к конюшням. Они стояли в плохо сидящей броне, мечи казались им большими. Розовые цветы в корзинах дрожали от ударов по воротам.

— Как мы выберемся? Мы окружены? — спросила Рева.

— Люди Стефана стараются, но стражи на башне сказали, что большая часть у ворот, остальные рассеяны. Он отправит людей волнами.

— Стефан там? Может, я могу с ним поговорить? Почему он не говорит с тобой, Францис? — спросила Рева.

Францис покачал головой.

— Принц присылает генералов, у каждого тысяча людей. Он не говорит. Он не ведет переговоры. Он здесь из-за меня, а не ради общения, — Францис плюнул. — Он не будет говорить с теми, кто стоит на пути его дела, как не будут и те, кто идут за ним. Они быстро забыли прошлое. Мы сражались бок о бок, — он покачал головой. — На это нет времени.

На губах Ревы был вопрос, но он остался невысказанным. Ее подняли на серую кобылицу. На лошади она невольно вскрикнула от боли. Эмми посмотрела на нее с тревогой. Лорд Унна бросил плащ на ее плечи, и Рева быстро застегнула его, надела капюшон на лицо. Ее муж выделил ей восемь человек, все были хорошими солдатами. Эмми надела капюшон. Рева заметила, что больше лошадей не было.

— Милорд, — сказала она с удивлением. — Вы не едете с нами.

Францис покачал головой.

— Я остаюсь со своими людьми.

Это было так знакомо. Она уже это видела. Она знала паникующих людей и тех, кому было суждено ими управлять. Она видела нападение на замок, она тогда с трудом выжила. Она сжала поводья дрожащими пальцами.

Францис попятился.

— Через западные ворота к берегу. Вы можете пересечь реку Ланти, она самая узкая, а лошадям хватит сил. Лучше двигаться в Ирринтию, но осторожно на Торговой дороге. Не раскройте себя в тавернах.

Он отвернулся. Рева потянула поводья, впиалась пятками в бока лошади. За ними трещало дерево. Люди Стефана скоро проникнут в замок, и если их тысяча, как и сказал Францис, то замок будет подавлен. Рева не могла видеть себя, пока проезжала западные ворота, но ее кожа точно была бледной. Она больше не посидит у окна своей комнаты. Она больше не увидит, как мальчики играют деревянными мечами, как парни тренируются с луками и стрелами. Она уже не увидит, как покачиваются от ветра корзины с цветами, как Эмми улыбается, приходя в ее комнату со свежими оливками. Казалось, было сложно, но теперь все осталось в прошлом. Она закрыла глаза и пожелала, чтобы мальчики выжили. А потом подумала о своем муже, что остался со своими людьми. Может, это к лучшему. Францис всегда хорошо воевал. Он не был счастлив дома. Она видела, что он скучает по сражениям, по тому волнению.

Они миновали ворота и помчались галопом. Рева кривилась от боли между ног. Она сжимала зубы и прижимала ноги к кобылице. Ее страдания нельзя было сравнить с тем, что было сейчас в замке. Она знала, что такое вторжение. Она видела последствия. Она закрыла глаза, чтобы успокоить сердце, и увидела то, что терзало ее во снах: ее убитые родители. Она открыла глаза, картинка пропала.

Эмми ехала рядом с ней.

— Миледи, нужна помощь?

Рева покачала головой.

— Я в порядке. Не переживай за меня. Я сильнее, чем выгляжу, — она выдавила улыбку. Рева знала, что семья Эмми осталась в замке. Ее верная служанка пошла с ней, не колеблясь, и она любила ее за это, но с трудом могла смотреть подруге в глаза, когда ее семья пряталась с остальными слугами.

Восьмером они взбирались на холмы, уносясь от замка Унна, ехали так близко к утесам, как только осмеливались. Замок Унны был среди долин в стороне от побережья Фиурин, где выросла Рева. Недалеко от реки Ланти, и она надеялась, что дальше они будут в безопасности.

Но грохот разбил напряженную тишину, и Рева закричала от удивления. Ее кобылица плясала под ней, испугавшись. Она повернула кобылицу, сжала поводья, управляя ею. Остальные так же успокаивали лошадей. Рева склонилась в седле, чтобы увидеть причину грохота, медленно выдохнула. Они молчали. Сумерки были тихими, кроме шума оползня. Он быстро несся к замку Унна. Рева зажала ладонью рот.

— Что происходит? — прошептала она.

Ответа не было. Кто мог объяснить загадочный оползень, вдруг обрушившийся на замок? Она видела, как земля движется как вода, накрывая ее старый дом. Она плакала из-за слуг, запертых в погребах. Эмми всхлипнула рядом с ней. Рева придвинула кобылицу ближе к Эмми, схватила служанку за руку. Она ничего не могла сделать или сказать. Эмми потеряла семью.

Один из стражей нарушил тишину:

— Если мы не будем двигаться, люди Стефана найдут нас.

И они ехали дальше.

Короля Давэд

В комнате пахло солью и камнем. Морской воздух проникал в окно комнаты короля. Король Давэд хотел летать, проноситься над улицами внизу. Так он видел свое королевство. Он видел дела людей от краж до рыбаков и охотников лордов. Порой он летал за Море королей в Зантос и видел красивых женщин в красочных шелках.

Король думал о полетах, когда прибыло послание. Замок Унны взяли штурмом два генерала Стефана. Лорд Унна был мертв, а большую часть замка снес странный оползень. Стефан потерял в схватке пять сотен человек. Пятьсот из его армии.

Король Давэд покачал головой и снова захотел лететь по ветру, ощущать его прохладу сквозь перья. Он хотел быть где угодно, но не в этом замке, разбираясь с глупыми принцами. Почему Стефан приказал это без его разрешения? Он помнил лорда Унну. Он был хорошим генералом, сражался храбро против менти во время их мятежа. Он помнил, как подарил ему замок и Реву Авалон. Он пошел против своего сына в тот день, хоть не ощущал вины за это. Король должен принимать сложные решения.

Он отвернулся от окна и махнул слуге налить ему кубок вина. Оно было слишком сладким. Он любил вино и эль с кислым привкусом. И все же оно бодрило. Он сел за стол и ждал сына.

Он не хотел размышлять об этом, но Стефан не был его любимым ребенком. Сперва все родители говорят, что будут любить всех своих детей, что будут любить их одинаково. Но Давэд давно понял, что не ощущал к Стефану того же тепла, что к другим своим детям. Матиас был умным и заслуживал уважения, но Стефана всегда боялись, над ним даже смеялись. Его звали змеем, и Давэд знал, почему. Дело было в странных зельях, что Миккел давал ему. От них язык мальчика становился ярко-красным, словно побывал в крови. Его язык выскальзывал, пока он говорил, как у шипящей змеи. Некоторые говорили, что от его дыхания воняло кровью, но редкие подходили к Стефану так близко. Он жалел, что нанял гувернера, ведь он так навредил.

Стефан вошел в покои короля румяным. Обычно он был бледным, но сегодня его щеки пылали. Давэд обрадовался тому, что брат Миккел не с ним. Давэд не доверял Просвещенному брату. Он часть имел дело с их орденом, но не любил их веру.

Его сын замешкался у стула перед королем. Давэд указал ему сесть.

— Угощайся вином, оливками, виноградом, — сказал Давэд сыну.

Стефан скривился от еды и напитка.

— Я не голоден, Ваше величество, — красный язык скользнул между зубов.

Давэд отпустил слугу. Ему нужно было остаться наедине с сыном.

— Как пожелаешь. Перейдем к делу? Зачем ты отправил две тысячи людей к замку Унны? Это лорд и генерал, хорошо сражавшийся в моей армии. Теперь он умер. Из-за чего? Замок разрушен, а пятьсот человек из моей армии погибло! — король хотел сохранять спокойствие, но понял, что кричит.

Стефан отпрянул от него, сжался на стуле. Он кашлянул и заговорил, выпрямив спину.

— Я получил доклад, что Францис Унна был менти.

Король Давэд отклонился в кресле. Такой новости он не ожидал.

— Он был?

Стефан вздохнул.

— Он жил в замке, где на стенах и дверях было железо. Я отправил к Унне шпиона,

точнее, проститутку. Женщина сама видела железные цепи на его шее. Он не снимал их даже во время... акта.

Давэд чуть не коснулся железного медальона на шее, но не стал. Он заметил, что сыну неудобно говорить об интимных отношениях. В его сыне было хоть что-то нормальное? Давэд его немного понимал. Одержимость орденом была плохой, но у мальчика еще и не совпадали желания с другими юношами его возраста.

— То, что человек носит железо, не значит, что он — менти.

— Не помнишь, что случилось при мятеже? Унна все сражения выиграл из-за оползней на побережье. Сотни менти оказались под грязью. И когда мои люди напали, на них обрушился оползень, и с ними погибли и его люди. Он заслужил своей участи.

— Ты решил, что у него магия земли, но не учел это в атаке?

— Что я мог, отец? — возмутился Стефан. — Замок в долине. Вокруг него холмы. Я не мог передвинуть замок. И я думал, что железо подавит его силы. Но, похоже, во дворе замка он был силен.

— Может, стоило его арестовать, — король Давэд пылал от гнева. Его борода чесалась, пальцы стучали по столу. — Он пришел бы сюда, если бы ты вызвал, и тут ты бы его арестовал!

Стефан ерзал на стуле.

— Это не мой способ.

Давэд ударил кулаком по столу.

— Мой сын — дурак? Чем ты думал, штурмуя замок? Будь умнее. Хотя бы показывай умения в бою.

— Я хотел стереть менти, как ты и приказал. Забыл, скольких я убил? Больше, чем Матиас.

Король Давэд уже расхаживал за столом.

— Матиас был слишком умным, чтобы убивать столько менти. Он знал об их пользе и отправлял их мне. Мы ссылали их в лагеря на севере, где ими управляют, — Давэд смотрел, как сын сжимает ладони в кулаки на столе. Стефан ненавидел менти больше, чем он. Ненависть Стефана была жуткой. Глядя на него, король жалел, что поставил его во главе своей армии. Каким королем будет Стефан? Точно жестоким. Змеем.

Зачем мальчик пил эти зелья брата? Он смотрел, как Стефан нервно облизывает губы, и вздрагивал.

— Отец, прости, — вздохнул Стефан и разжал кулаки. — Ты прав. Я поступил опрометчиво. Ты должен понять, что тогда я был с телом Матиаса. И я обнаружил, что Матиаса убил менти, так что злился. Уверен, ты из всех людей понял бы мой гнев.

Король Давэд застыл. Он стоял за креслом и впился в его спинку так сильно, что костяшки побелели. Его тело похолодело.

— Что?

Стефан посмотрел на него карими глазами. Почему мальчик так напоминал его внешне? Но они так отличались.

— Отец, там не было следов использования факела. Огонь загорелся слишком быстро для естественного. Ты сам должен был понять; это логичнее всего. Матиаса убил маг огня. Лука пропал с братом Аксиллом, значит, они в сговоре, а один из них — менти.

Колени Давэда задрожали, но он выпрямился, как только мог. Он всегда выглядел сильным, он знал, как это изобразить.

— Кто еще знает об это?

— Только брат Миккел. Стража города ищет их. Всех капитанов кораблей допросят, каждую таверну обыщут, как и каждый лес. Мы найдем их.

Его сын мог оказаться менти. С проклятием. Как он. Если об этом узнают в королевстве, его хватка на троне ослабеет. Он почти все правление боролся с менти. Он запрещал их магию. Он ловил или убивал их. И он делал это из-за Карги во Всевидящей башне. Они узнают, что он — один из них...

— Нужно скорее найти их. Я дам тебе вдвое больше людей и королевскую казну.

Стефан встал, выпятил грудь и выпрямил спину. Его голова была поднята, а в глазах сияла гордость.

— Мы найдем их. И тогда принести их живыми или мертвыми?

— Не важно, — он сказал это сразу, хотя слова оставили кислый привкус во рту. Король Давэд сжимал спинку кресла. Лука уже не был его сыном. Он поднял кубок и сделал глоток сладкого вина. — Можешь идти.

Стефан ушел, а король думал о сыне-менти. Лука был болезненным, да, и ему было сложно любить такого слабого мальчика. Но мог ли он ненавидеть его? Даже со смертью Матиаса он не мог ненавидеть его. Часть его хотела жалеть мальчика, но он подавлял эти чувства. Матиас был мертв, и остались только Альберто, что был слишком юн для любой ответственности, и Стефан, которого уже ненавидело королевство. Выбора не было, ему нужно было решить эту проблему, защитив этим себя. Он должен думать о королевстве. Пророчество говорило, что его правление и жизнь оборвет менти. Он должен сделать все, чтобы это не произошло.

8

Лука

Два дня ушло на Море королей. Когда Лука вышел в Золотом заливе, он ощущал себя и выглядел как другой человек. Брат Аксил обрезал острым ножом его волосы, что доставали до плеч. Он провел рукой по коротким волосам и посмотрел на залив.

Он не мог привыкнуть к тому, что жизнь продолжалась, хоть он убил старшего брата. Рыбаки тащили рыбу на рынок, люди суетились на палубах кораблей, кричали друг другу указания. Место было громким, пахло рыбой, сияло красками. В Зантосе носили шелк и легкий хлопок. Их кожа была темнее, чем в Эстале. Они шли легко, хотя Лука мог это вообразить. Жизнь была тут ярче и веселее, чем в крепости Несра.

— Нам нужно найти таверну, — сказал Аксил. — И одежду.

— Таверна не опасна? — спросил Лука.

— Мы были быстрыми, и мы далеко от Эсталы. Уверен, люди твоего отца ищут нас, но вряд ли они уже нас догнали. Но капюшон не снимай. Иди, пригибаясь. Не выгляди как принц. Идем.

Аксил шел по пристани, словно знал, куда идет. Лука шагал рядом с ним, пытаясь пригибаться, его капюшон скрывал половину обзора. Под плащом было жарко. Солнце было сильным. Пот стекал по спине и по лбу Луки, пока он спешил по пристани.

Они пошли к рынку. Там было еще шумнее, люди торговали там. Многие говорили на языке, что Лука не понимал, хотя были и те, что говорили на общем языке. Они кричали о свежих оливках и вине. Пахло сладостями и пряностями, шафраном и медом. Лука сжимался под плащом, хотел вернуться на корабль. Ему не нравилось, что люди кричали вокруг него. Он ненавидел яркость жизни. Он хотел быть один. Навеки.

Таверна, которую выбрал Аксил, была узким зданием с большими окнами, что заполняли место светом. Люди ели холодное мясо или куски хлеба в меде. Люди вели себя свободнее: туники висели мешком, волосы были длинными, на поясах были странные шарфы.

Брат Аксил заказал два кубка эля и сел в тихом углу. Здесь не было мехов или гобеленов, но окна были с цветным стеклом, а пол украшала плитка. Девушки-служанки были в длинных платьях, что шуршали по полу. Пока они шли, из-под юбок выглядывали кожаные сандалии.

— Я спросил у владельца, где мы купим лошадей, — брат Аксил поставил эль на стол. — Но бюджет ограничен. Времени не хватит, чтобы забрать все, что нужно. Мы можем оказаться на телеге с ослом, но я не уверен, что они довезут нас далеко.

Лука оторвал взгляд от эля.

— Куда мы идем? — было ли это важно? Он был уверен, что отец скоро найдет его. Часть его хотела убежать на пристань и запрыгнуть на корабль, следующий в Эсталу. Он сдастся, сделает хоть что-то хорошее. Он заслужил умереть за то, что случилось с Матиасом. Он теребил железо на запястье. Этого не хватало.

Брат Аксил склонился и понизил голос:

— Мы идем в Пепельные горы, — он выпрямился и посмотрел на Луку с тенью улыбки.

Лука покачал головой.

— Там только вулканы и пепел.

— О, — сказал брат Аксил с сияющими глазами. — Там не только пепел, — он сделал глоток эля.

Лука невольно ощутил укол любопытства. Он стучал пальцами по столу, ждал, пока брат Аксил продолжит. Он этого не сделал, и Лука спросил:

— Что в Пепельных горах?

— Когда твой отец ударил по менти, они ушли в Зантос.

— Я думал, он убил всех, — сказал Лука.

Брат Аксил покачал головой.

— Менти никогда не истребить. Их слишком много.

— Вы тоже? — спросил Лука.

— Я... друг менти. Им нужен был союзник в крепости Несра.

— Все это время вы шпионили для врагов моего отца? — Лука раскрыл рот. — Не верю. Я думал, вы — мой друг, а не союзник магов из-за морей.

— Лука, — тихо сказал Аксил. — Я навсегда твой друг. Я наблюдал за тобой годами и берег тебя.

— Вы знали, кто я?

Аксил покачал головой.

— У меня были подозрения. Но подтвердились они тогда в вашей комнате.

Эль бурлил в животе Луки. Он не мог думать о том моменте. От этого его кожа пылала, а во рту появлялся кислый привкус.

— Я думал, это был Стефан, — продолжил Аксил. — Я всегда опасался его, даже когда вы были детьми. Я намеренно держался от него подальше, думал, что так он не сразу поймет, что он — менти. Но когда тебе стало плохо, я стал подозревать, что это от магии, а не болезни.

Лука стиснул зубы.

— Стоило тогда меня убить. Вы могли это остановить.

Брат Аксил сделал глоток эля.

— Прошлое не изменить, такие желания — удел дураков. Нам нужно смотреть в будущее. Менти тебе помогут, Лука. Мы пойдем в Пепельные горы, где ты научишься управлять своей силой. Ты будешь сильным магом огня. Такие маги среди менти самые сильные.

Лука с отвращением отвернулся. В горле подступала желчь. Как Аксил мог подумать, что Лука будет учиться управлять силами?

— Не буду. Я никогда больше не буду использовать силы. Я не хочу кровь на своих руках. Я не буду убивать.

Брат Аксил говорил тихо и медленно:

— Если не будешь тренироваться, убьешь снова.

9

Рева

Рева смотрела, как Эмми скрывает слезы, весь путь к рынкам Илкты. Францис сказал им держаться в стороне от Торгового пути, и они так и делали, но после двух дней галопа еды и воды осталось мало, а лошади устали. Рева решила, что лучше будет спрятаться там, где много людей, где можно будет затеряться в толпе.

Она помогла Эмми слезть с лошади и не выпускала служанку из виду. Они подошли к рынку с людной стороны, ближе к дороге. Стражи оставались близко к Реве, но не окружали ее, как леди или королеву. Они растянулись. Никто не заметил их. Был почти полдень, люди со всей Эсталы приходили на рынки торговать. Лорды посылали слуг и простых людей покупать ткань и пряности для замков. Местные покупали хлеб и масла. Фермеры и торговцы продавали свои товары. Они были закалены трудом снаружи. Они кривили тонкие потрескавшиеся губы, ловко двигались среди лотков. Рева сильнее натянула капюшон, сжалась под плащом. Она отчаянно хотела увести Эмми куда-нибудь. Девушка потеряла семью. Реве было ее жаль. Но было жаль и детей, которых она потеряла. Она уже не сможет прийти к их могилкам. Она коснулась живота.

Была и другая причина визита рынка. Долгая дорога потревожила раны Ревы. Ей нужен был настой и бинты. Она больше нигде не смогла бы получить их. Если не успеть, могло начаться заражение. Она сказала двум стражам найти настой у местных целителей. Эмми с бледным лицом описала все стражам подробнее. Служанка была на рынках и знала путь.

Платье Ревы тянулось по грязи, пока они шли по людным рядам лотков. Она прижимала плащ к себе. Не стоило показывать людям свою хорошую одежду. Эмми купила корзинку, наполнила ее твердым сыром, засоленным мясом и яблоками. Когда они запаслись едой, они нашли скромную таверну и прошли в нее. Здание было высоким, чуть покосившимся. Называлась она «Оливковая роща», хотя краска на табличке выцвела и была едва заметной. Рева укуталась в плащ сильнее, скользнула в тени, стараясь не обращать внимания на боль в нижней половине теле. Эмми села напротив нее, стражи заказали эль.

— Эмми, — сказала Рева, взяв подругу за руку. — Мне так жаль.

Ее красивые голубые глаза наполнились слезами, но Эмми была сильной. Служанка всхлипнула, вытерла слезу и повернулась к Реве.

— Лорд Унна был прав. Мы должны идти на север. Нельзя задерживаться тут даже на ночь. Как только стражи придут с настоем, нужно двигаться дальше вокруг Херено.

— Эмми...

Но она подняла руку.

— Я пока не могу говорить о них.

Рева ощутила, как любовь расцветает в ней. Эта девушка была с ней с самого начала. Она была подарком от Франциса на свадьбу. Он сказал ей, что Эмми будет хорошей служанкой, и что ее семья была «терпимыми людьми, но отличными работниками». Рева знала семью Эмми только по рассказам девушки, но знала, что они были не просто «терпимыми». Они были любящей семьей. Доброй. И Эмми была самой доброй и верной.

— Они были твоей семьей, Эмми, — сказала Рева. — Горюй, я не буду тебя за это презирать. Я буду любить тебя, как раньше.

Эмми зажала ладонью рот, и Рева видела, что девушка дрожит. Слезы катились по ее щекам, оставляя следы на грязи на ее коже. Они обе испачкались в пути.

— Братишка рассказывал мне об озере слез. Пока ваш муж не занял замок, его звали Сероглазой крепостью в честь королевы Лиселлы, жены короля Митрина. Лорд, которому принадлежала Сероглазая крепость, полюбил Лиселлу. Но Лиселла захотела стать королевой, а не леди. Лорд так горевал, что плакал в реку Ланти, и она стала озером, наполненным слезами. Он утонул в своих слезах. Я могу плакать, пока не утону в озере своих слез, или я могу прожить так, как хотел бы он. Геррант был хорошим мальчиком. Он знал буквы и хорошо служил лорду Унне.

— Я знаю, — сказала Рева. — Он был терпелив к лорду Унне. Хотела бы я успеть узнать его лучше.

— Вы потеряли мужа и могилы детей. Я потеряла родителей и брат. Принц Стефан должен за многое ответить.

— Не понимаю, зачем он это сделал. Я жила в крепости Несра ребенком. Я знала его мальчиком. Я была помолвлена с его братом, — Рева подавила слезы от воспоминаний о тех днях. — Он утешал меня из-за потери моих родителей. Зачем он сделал это? Почему Лука ему позволил? Не понимаю.

Эмми прикусила губу и смотрела на сложенные ладони, словно хотела сказать что-то.

— Ты что-то знаешь, — сказала Рева. — Скажи мне.

— Ходили слухи, — призналась Эмми. — Насчет Франциса и короля. Говорили, Францис был менти. Весь замок был в железе, и он всегда носил железный медальон.

— Да, я его видела.

— Железо подавляет силы менти, — сказала Эмми.

Камень упал на дно желудка Ревы. Она была так глупа. Почему она не поняла раньше? Она думала, что Францис просто забывал снять странный кулон. Но это было необходимо.

— Король все еще воюет с менти, — сказала Рева под нос. — Он узнал о силах Франциса, — ее желудок сжался. — Оползень. Это был Францис. Он двигал землей.

— Он так, видимо, спасал нас, — сказала Эмми. — Но это убило всех в замке. Он так спасал тебя, Рева. Он все-таки переживал за тебя.

Рева уткнулась головой в ладони. Как Францис мог так поступить? Как мог обменять ее жизнь на сотни других? Тошнота прошла не сразу. Но даже с болью из-за того, что умерли другие, Рева невольно отметила, что весть о том, что Францис любил ее, немного утешала. Она три года провела в постоянном состоянии тревоги, переживала, будет ли хорошей женой, сможет ли любить человека, что был намного старше и так отличался от того, за кого она надеялась выйти замуж. Она переживала, будет ли он заботиться о ней, или она нужна

была только для наследника. Столько всего произошло за эти три года. Она была теперь женщиной. Была беременна несколько раз, но дети не выжили. Она была теперь вдовой. Шестнадцатилетней вдовой.

И менти... она не знала, что думать о них. Они убили ее родителей во время войны. Она должна была ненавидеть их, но этого не было. Последние три года она подозревала, что было что-то необычное в том, как умерли ее родители. Она всю войну слышала о сражениях с менти. Она была маленькой, девять или десять лет, но это помнила. Сражения. Они не были внезапными. Они были подстроеными. Они ожидались. Но ее родители умерли так, как Стефан послал своих людей. Неожиданно.

Дверь таверны открылась, вошли два стража, перебив ее мысли. Они заказали эль и подошли к столику. В корзинке Эмми быстро оказались несколько склянок настоя, а потом они устроились за столиком неподалеку и принялись за эль.

Рева и Эмми съели тарелку оливок и помидоров в масле. Они вытерли сок корочкой хлеба. Рева даже слизнула масло с пальцев, такой голодной она была. Она выпила бокал вина, чтобы залить еду. Ее тело все еще болело внизу, но теперь было не так плохо. Она хотела бы провести ночь на матрасе в таверне, долго отмывать себя в ванне, но им нужно было двигаться, их гнали, как собак.

Эмми встала первой. Рева осторожно поднялась следом и быстро взглянула на стражу. Она пошла с Эмми к выходу, прикрываясь капюшоном. Тут большая группа мужчин прошла в таверну и села за столы. Рева опустила голову, пока обходила эти столы. Мужчины уже были навеселе, заказали нечеткими голосами больше эля. Служанку подгоняли. Рева обходила служанку и врезалась в край стола, потеряла равновесие. Эмми потянулась к ней, пытаясь поймать за руку, но опоздала. Рева дернулась вперед, а плащ зацепился за стул. Плащ упал на пол, открывая таверне ее лицо. Повис миг тишины, а потом один из пьяных мужчин преклонился.

— Леди Унна.

Сердце Ревы колотилось. Она схватила плащ с пола и укутала им плечи.

— Вы ошиблись, сэр.

Мужчина встал, хмурясь. Другой подошел, худой с рыжей бородой и в грязных штанах из грубой ткани.

— Вы жена Унны!

— Ее разыскивает король, — сказал другой.

— Есть награда.

Таверна зашевелилась. Одно упоминание о награде вызвало шепот в темной комнате. Эмми придвинулась ближе к реве. Стражи окружили их как стая волков.

— Боюсь, это ошибка, — Рева с трудом обрела голос. Она как-то смогла говорить ясно, чтобы ее было слышно поверх грохота ее сердца. — Если отпустите нас по-хорошему, проблем не будет.

Мужчина с рыжей бородой первым выхватил меч, и воздух таверны наполнила сладкая песня стали. Стражи Ревы повернулись к людям в таверне, а Рева быстро считала. На каждого ее стража приходилось трое мужчин. Ее сердце сжалось. Схватка будет плохой. Многие погибнут.

— Я ее заберу, — сказал рыжебородый. — Я хочу золото.

Эмми сжала запястье Ревы, когда зазвенели мечи. Стражи отгоняли толпу, позволяя Эмми и Реве двигаться по таверне. Рева увидела, как рыжебородый мужчина бросается на

одного из ее стражи. Мужчина погиб, и Рева отвела взгляд. Они были почти у двери, когда рука сжала ее плечо и потянула назад. Рева чуть не упала на пол, Эмми оттолкнула мужчину. Он все еще крепко сжимал ее плечо, но другой страж пронзил его грудь. Страж встал спиной к ней, готовый отгонять тех, кто пойдет за ней. Эмми вытащила ее за дверь, не дав Реве подумать о двух мужчинах, что умерли, пытаясь схватить ее.

Солнце снаружи светило ярко. Оно сияло на лотках, уже было ниже, ведь близился вечер, и жалило глаза после темной таверны. Она скрыла лицо капюшоном и бежала с Эмми сквозь толпу. Нельзя было терять ни минуты. Она знала, что ее стражи тянули для них время. И хоть ей было больно оставлять храбрецов, она только все испортит, если не будет бежать быстро. Она не была глупой. Она знала, что если ее приведут к принцу Стефану, ее ждет смерть. Он напал на ее замок, убил всех на своем пути, потому что ее муж был менти. Он собирался стереть и ее.

Рука Эмми не отпускала ее, они бежали по рынку. Они оббежали женщин с корзинами, играющих детей и торговцев, предлагающих попробовать вино. Эмми несла в другой руке корзинку. Рева видела решимость на лице девушки, это придавало сил.

Но Рева слабела. Тупая боль в животе усилилась, раны между ног тревожили ее. Там было мокро, наверное, снова текла кровь. Она подавляла боль. Она бежала дальше, доверяя Эмми. Им нужно было найти лошадей. Где они их оставили?

Сзади раздался шум, но Рева не оглядывалась. Она подозревала, что за ними побежала хотя бы часть людей из таверны. Эмми потянула вправо, и они выбрались из лабиринта лотков. Они добрались до края, где привязали своих лошадей в ряду конюшен. Рева еще никогда так не радовалась серой кобылице. Она еще никогда так не спешила забраться в седло.

— Остановить их! — раздался голос.

Юноша из конюшен уставился на Реву, но она уже была в седле, развернула лошадь в другую сторону. Ей было все равно, куда. Эмми забралась на лошадь, все еще с корзинкой. Бедная Эмми носила вещи с собой. Она хотела уберечь корзинку. Девушка была сильной, быстрой и храбрее многих мужчин.

— Эмми, вперед! — крикнула Рева.

Эмми не нужно было подгонять. Она бросилась вперед, они были бок о бок. Лошади мчались галопом, были полны сил после еды и воды. Они выбрались на Торговый путь, переживая за скорость, а не скрытность.

Они потеряли сопровождение, остались двумя одинокими женщинами в этом мире. Рева старалась не бояться. Она держалась, глядя на хмурую Эмми. У нее еще была Эмми.

Когда они осмелились замедлиться, они свернули в маленькую рощу. Вечер перетекал в ночь, небо напоминало синий шелк в золотых пуговицах звезд. Она слезла с лошади, чуть не рухнула на мягкую траву. Эмми была рядом, достала настой из корзины и сильное вино от боли.

— Мир кружится или моя голова? — тихо рассмеялась Рева.

— Придется ночевать тут, миледи, — сказала Эмми без смеха. — У вас не хватит сил для пути. Отдохните, а я посторожу.

Рева хотела возразить, но не было сил. Ее глаза закрылись, синий шелк сменился тьмой.

Она проснулась, удивленная, что ей ничего не приснилось. Кошмар пришел, когда она открыла глаз и вспомнила, что произошло после того, как она покинула замок Унны. Она подумала о рыжебородом мужчине, убитом ее стражем, об эле на полу таверны. Эль и кровь.

Восемь стражей остались, чтобы защитить их, и никто не выжил. Из-за нее. Но сон исцелял. Боли в теле сегодня было меньше. Она улыбнулась спящей Эмми, открыла корзинку и позавтракала кусочком сыра и соленой говядины.

Эмми проснулась не такой позитивной. Она резко села и позвала брата. Рева вытерла слезы с лица подруги, обняла ее плечи.

— Думаю, мне все же придется выплакать озеро слез, — сказала Эмми. — О, Рева, они все мне снились. Я видела, как они тонут в грязи. Я это ощущала. На грудь давил вес, и я не могла выбраться. Это было ужасно, Рева. И это правда. Так они умерли, и я не смогу это изменить.

— Мне очень жаль. Это все из-за меня...

— Нет, — Эмми вытерла слезы рукавом платья. — Лорд Унна принял решение, не вы. Это был он, и я ненавижу его за это. Знаю, он мертв, но я ненавижу его.

— Я долго ненавидела Франциса, — сказала Рева. — Это к добру не привело.

Всхлипы Эмми притихли.

— Да, наверное, вы правы. Но я буду ненавидеть его еще какое-то время, чтобы не рыдать как ребенок.

— Рядом со мной можешь и рыдать, — ответила Рева.

Эмми все-таки улыбнулась. Но спокойствие нарушили далекие голоса. Рева вскочила на ноги и прислушалась.

— Что это? — спросила Эмми.

— Пение. Женщины поют.

— Нужно выезжать, — сказала Эмми.

— Но куда мы поедем? Мы не можем двигаться по Торговому пути. Не можем ехать на юг к Ланти. Лес может быть полон волков, — Рева озиралась. Они были на окраине, но Реве не хотелось думать, кто мог скрываться в темноте за деревьями. Рева мало знала о севере, не знала, где они. От рынков они поехали на запад, но дальше их расположение было загадкой. Мир вне замков был опасным. Рева была готова, несмотря на холод страха на спине. Она хотела выжить.

— Мы спрячемся и выждем, — сказала Эмми. — А потом сядем на лошадей и поедем к берегу через лес.

Рева кивнула. Они собрали вещи, взяли лошадей и пошли в лес. Трава хрустела под ногами. Утро было прохладным, ее дыхание вылетало паром. Серая лошадь Ревы шагала рядом, тихо ржала, пока искала в ладони Ревы овес. Рева утихомирила лошадь и направила дальше. Ее кожу покалывало, голоса приближались. Десятки голосов пели. Женщины. Что они тут делали? С голосами что-то звякало, как колокольчики. Кто это мог быть? Зачем столько женщин путешествует по Ланте и поет по пути? Она этого не понимала.

Они зашли глубже в лес и остановились, выжидая. Рева думала, что голоса двигались по Торговому пути, но они казались слишком близкими для этого. Ее сердце колотилось о грудь, словно стучал нетерпеливый посетитель. Песня была милой, но вызывала в ней при этом страх. Почему они были так близко? Они шли в лес? Она взглянула на Эмми, подумывая, не пора ли им забраться на лошадей и умчаться по лесу. Но то были женщины. Вряд ли женщины были угрозой. Хотя все были опасными, если касалось денег.

Голоса стали громче, Рева ощущала зуд. Плохо дело. Ее лошадь попятилась от резкого шума. Рева погладила ее нос, чтобы успокоить.

— Смирно, — прошептала она.

Но лошадь боялась. Ее кобылица рыла землю, пока колокольчики приближались. Рева повела лошадь глубже в лес, надеясь, что из-за громкого пения кобылицу не услышат.

Голоса становились все громче, Реве казалось, что они поют ей на ухо. Ее лошади не нравились шум настолько, что она заскулила. Рева пыталась удержать кобылицу. Эмми бросилась помогать, но ничего не могла сделать. Лошадь побежала в лес.

И пение прекратилось.

«Прошу, уходите, — думала Рева. — Пожалуйста», — она хотела, чтобы неудачи закончились. Она хотела безопасность себе и служанке. Она хотела, чтобы те женщины ушли по Торговому пути и не трогали их. Пусть берут лошадь, порадуются удаче и уйдут.

Тишина была хуже пения. Рева хотела слышать голоса и звон. Эмми потянула ее дальше в лес. Они бросили лошадь Эмми и поспешили прочь. Пока они бежали, странный звон продолжился, и Реве показалось, что это не колокольчики, а цепи.

Лес шуршал за ними. Рева искала укрытие — куст, камень, перевернутое дерево. Ничего не было. Они старалась бежать дальше, не думать о волках. Сердце колотилось о грудь.

Желудок сжался. Посреди густого леса оказалась большая поляна. Она тянулась на ярды, большая, как пастбище. Луг был наполнен красивыми голубыми цветами. Но красота эта была холодной, она предала их. Раннее утреннее солнце блестело на росе, как на алмазах. Рева застыла.

— Идти некуда, — сказала она.

Эмми потянула ее за рукав.

— Всегда есть куда.

— Мы бросили лошадь, — сказала печально Рева. Они запаниковали. Не подумали наперед. Не придумали, где спрятаться. — Мы бросили лошадь.

Рева развернулась и оказалась лицом к лицу с высокой женщиной в голубой мантии, вышедшей из-за деревьев. Женщина была старше, но быстрой, с широкими плечами и руками. Она была в легкой голубой мантии Просвещенных с кожаным поясом на талии.

— Почему ты убегаешь, дитя? — спросила женщина с нежной улыбкой. Ее волосы были убраны с лица, она казалась строгой. Но ее улыбка была теплой.

Рева уже встречалась с Просвещенными братьями и сестрами. Они часто были гувернерами у знатных семей Эсталы. Они бывали строгими, но учили детей читать, писать, истории Эсталы, рассказывали о мире за Морем королей.

— Сестра, слава Богу, — сказала Рева. — Мы думали, это враги. Мы в беде, нам нужна помощь.

Сестра протянула руку к Реве.

— Идем со мной. Я — сестра Валерия.

— Р-Райна, — сказала Рева. — А это Эмилия.

— Идемте, мы вас оденем и накормим, — сестра Валерия поманила их.

Рева задумалась, но других вариантов не было. Они могли убежать только в темный лес за лугом. Сестра Валерия была из Просвещенных. Она верила в образование и мир. Придется ей довериться. Поверить, что у нее хорошая цель. И она шагнула вперед.

Но Эмми не спешила.

— Не знаю даже. Мы можем ей доверять?

— Сестры Просвещения хорошие. Они нам помогут.

Они следовали за сестрой Валерией по лесу, луг с блестящей росой остался позади. Валерия шагала быстро, Реве и Эмми приходилось поспевать. Раны Ревы болели меньше

после настоя, но все равно идти быстро было трудно. Они пригибались под ветками, перепрыгивали корни, она кривилась и касалась живота. Лес был покрыт мхом. Рева запыхалась, когда заметила коня Эмми. Она кривилась от боли внизу. Она нежно коснулась живота, подумала о замке Унна, где ее дети родились, но не выжили. Больше этого не будет.

Ее серая кобылица ждала ее, когда они вышли из леса. Лошадь переминалась, скулила, тревожась из-за незнакомых людей. Ее удерживала другая женщина в голубой мантии. Рева обрадовалась лошади, но едва ее заметила. Она смотрела на шеренгу женщин перед собой.

Тощие и грязные, высокие и низкие, старые и юные, они стояли в лохмотьях со скованными лодыжками. Они смотрели на нее пустыми глазами. В горле Ревы пересохло, она повернулась к сестре Валерии, улыбка у той сменилась ухмылкой.

— Что это? — спросила Рева.

Некоторые женщины были младше нее. У многих не было обуви. Они были в цепях, скованные друг с другом. Это было неправильно. Сестры Просвещения ведь не порабощали людей?

Валерия шагнула вперед, но Эмми преградила путь. Служанка выхватила из-за пояса кинжал.

— Оставьте нас в покое, — Эмми звучала не так, как привыкла Рева. Она была угрожающей, и Валерия замерла.

Но их было больше. Сестры выхватили кинжалы и кортики. Сестра Валерия держала металлический хлыст из маленьких звеньев цепи.

— Вы идете с нами, — сказала Валерия. — По хорошему или по плохому.

Это произошло так быстро, что Рева потом не могла толком вспомнить. Она позвала Эмми, ее подруга рванула вперед. Она кричала «нет», но без толку. Эмми ударила кинжалом по руке сестры. Но Валерия вонзила кинжал в грудь Эмми.

Раскаленная ярость полыхала в Реве. Она уже не была нежной леди. Она бросилась к обмякшему телу Эмми, коснулась теплой крови, что текла из глубокой раны. Эмми рухнула на землю, как сломанная кукла, закрыла глаза, дыша с хрипами. А потом она навеки перестала дышать.

Рева повернулась к Просвещенным сестрам. Она ненавидела их, такой ярости она еще не испытывала. Гнев превратился в нужду. Нужду стать кем-то еще. Так реагировало тело, не разум. Оно менялось.

Она услышала свой крик, словно он доносился от другого человека. Она ощущала, как трещат швы ее платья, видела странную чешую на руках. Ее тело выгнулось, меняясь. Она сжала лицо, пытаясь понять, что происходит. Это длилось пару секунд. Ее тело отчаянно пыталось стать другим, но Рева не хотела знать, чем именно.

Воздух засвистел у ее уха, боль пронзила запястье. Хлыст из цепи обвил ее руку и потянул ее на землю. Изменения прекратились. Сестра Валерия держала ее на земле, пока остальные сестры заковывали ее руки и ноги.

— Нет! Не бросайте ее там! — закричала Рева, когда ее подняли на ноги. Она смотрела на подругу, истекающую кровью на земле. — Помогите ей!

— Мы не можем помочь мертвым, — сказала монотонно сестра Валерия.

10

Стефан

Кап-кап-кап. Это сводило с ума. Почему орден выбирал для встречи сырые пещеры? Сегодня они встречались в пещере у Моря королей. Было темно, кроме круга света у входа,

там свет будто ударял по серебряной монете. Стефан расхаживал рядом со светом, желудок сводило от запаха рыбы и соли.

— Идут, — сказал брат Миккел, заходя в пещеру.

Орден исполнял дела и открыто, и в пещерах. Они не проводили суды в замках или залах. Это место должен был видеть Аниос оттуда, где он прятался. Стефану нравилось думать, что Аниос всегда прятался в тенях, как сам Стефан.

Может, потому Стефан был с ним так сильно связан. Их владыка был не тем Богом, которому молились остальные Просвещенные. Нет, Аниос был младшим братом. Он был князем правды, мешал магии распространяться по миру. Стефан разделял принципы Аниоса. Порой ему казалось, что он — земная форма божества. Брат Миккел точно так думал.

Два брата втащили в пещеру к принцу Стефану старика в лохмотьях и бросили на пол.

— Этот видел вашего брата, Ваше высочество, — сказал один из братьев. Он был юным, девятнадцать или двадцать лет, каким был и брат Стефана Матиас, пока Лука не убил его. Брат был таким тощим, что мантия все время спадала у него то с одного плеча, то с другого, и он постоянно поправлял ее. Стефан забыл его имя. Он плохо помнил имена не важных людей.

Кап-кап-кап.

— Поднимите его, — приказал Стефан. — Я хочу знать, что он скажет.

Старик заскулил, брат поднял его на ноги.

— Зачем это, Ваше высочество? Клянусь, я вам помогу. Мы привезем завтра устриц. Или хотите шелк из Золотого залива?

— Тихо, — приказал Стефан. — Ты — капитан «Морехода»?

Старик кивнул.

— Да. Тридцать лет. Забрал у Натана Глаза, когда он проиграл акуле у зантийского берега. И за тридцать лет я честно поставлял моллюсков, поверьте.

Стефан расхаживал перед мужчиной, сцепив руки сзади, чтобы выпятить грудь.

— Ты здесь не из-за этого. А из-за измены! Ты перевез мальчишку, убившего принца Матиаса?

— Что? Но я никогда... — старик замолк и смотрел на ноги.

Кап-кап-кап.

— Что скажешь? — осведомился принц Стефан. — Был на борту мой младший брат?

Стефан следил за стариком, стиснув зубы. Это должно быть правдой. Он уже получил несколько разочаровывающих отчетов. В тавернах сообщали, что был мальчишка в темном углу, пил эль, а потом кто-то замечал принца Луку у ворот города на белом коне. Говорили, кто-то, похожий на Луку, спал на пляжах у Реялона. Это все было бредом. То не был его брат, то были сироты и другие отбросы. Ему нужна была настоящая информация, чтобы показать отцу свое достоинство. Король терял терпение. Матиаса убили почти две недели назад. Похороны уже прошли. Он старался не думать о слезах сестер и бледном лице отца, когда они оставляли Матиаса в мавзолее.

Кап-кап-кап.

— Кто-то был, — признал капитан.

Стефан заинтересовался.

— Дальше.

— Два брата. Просвещения. Они просили доставить в Зантос. Один был младше, вашего возраста, Ваше величество. Ореховые глаза, каштановые волосы. Другой брат был старше, с

темной кожей и синими глазами, но я это ужерассказал вашим людям. Они были в каюте Младший подстригся по пути. Они заплатили серебром и сошли в Золотой бухте.

— Стефан ощутил покалывание кожи. Еще никто не описывал так хорошо брата Аксила.

— Еще раз опиши их. Подробно.

— Если вы так хотите, — кивнул капитан. — Они были в голубых мантиях, как на ваших людях. Старшему было около сорока, он был с темной кожей и необычными синими глазами. Выглядел как из Зантоса, я вам скажу. Младший был подавлен. Бледный, глаза красные. Цеплялся за старшего, будто иначе упал бы. Будто болен чем-то. Я не знал, переживет ли он путь. Это все, Ваше высочество? Мне нужно уходить. Корабль вот-вот прибудет...

— Иди, — рявкнул Стефан. Он провел пальцем по рукояти меча. Обвел там молнию.

— Он идеально описал вашего брата и гувернера, Ваше высочество, — брат Миккел почти парил над полом пещеры. Его мантия тянулась за ним, собирая песок и грязь. — Похоже, брат Аксил главный. Он способнее, чем мы думали. Может, он был к этому готов? Запасся плащами и монетами?

— Он умнее, чем мы думали, — отметил Стефан. — А моему брату все еще плохо. Он был при смерти перед смертью Матиаса.

— Но сил хватило сбежать, Ваше высочество, — добавил Миккел. — Похоже на магию.

Стефан согласился. Его глупый брат явно был связан с магией и менти. Он сжал меч. Он ненавидел их.

Кап-кап-кап.

Он вдруг испугался. Его тактика сработала на замке Унна, но потерь было много. Без Матиаса и Луки в Эстале было беспокойно. Замок Унна был разрушен, это встревожило города и деревни вокруг. Уже усилилось воровство и преступления в Илкте. Жители севера тревожились, это было плохо всегда. Но это не все, он ощущал и тревогу отца. Король еще сильнее хотел уничтожить менти. Все это вело только к одному неизбежному результату: войне.

Это закипало. Он каждую ночь молился Аниосу о войне, но не ощущал до этого изменений. Конечно, это был лучший способ очистить королевство от бедствия. Менти. Но он боялся. Ему было семнадцать, и война была близко.

— Мой брат в Зантосе, — сказал Стефан. — Мы должны послать скаутов узнать больше. Я хочу знать, что он сделает дальше.

— Говорят, менти убежали в Зантос после мятежа, — сказал брат Миккел.

— Менти? Их не могло остаться много.

Он подобрался к Стефану и опустил ладонь на его плечо.

— Вы будете удивлены, мой принц. Менти плодятся как крысы, распространяются по землям. Может, вы найдете брата и заодно подавите врагов. Аниос будет рад очищению.

Стефан кивнул, но его ладони потели.

— Думаете, Лука ушел к менти?

Миккел убрал ладонь с плеча Стефана и пожал плечами.

— Возможно.

Стефану нравилась эта мысль. Так было проще. Если Лука с менти, то он — враг. Не нужно больше переживать, что Лука — его брат. Лука был врагом, а врагов убивали.

— Эм... простите, Ваше высочество. Я могу уйти? — капитан заламывал руки, нервно разглядывая темную пещеру.

Стефан переглянулся с Миккелом.

— Он рассказал нам все, что знает.

— Да, — сказал Миккел. — Но он уйдет, зная больше, чем до этого. Его кровь усилила бы вас, мой принц.

Стефан улыбнулся, но скрывал так гримасу. Миккел давал ему кроваво-красные зелья, чтобы усилить. Вкус был гадким, и его язык стал алым. Но они работали.

— Хотите пожертвовать им? — спросил Стефан.

— Умрет трижды, — ответил брат Миккел.

— Нет! Нет! Не нужно, — взмолился капитан. — Я никому не скажу, клянусь. Я уплыву в Зантос, уйду в Пепельные горы и не вернусь. Вы меня больше не увидите в Эстале Пошадите.

— Человека морей хорошо бы утопить, — продолжил Миккел. — Или повесить. Или вы, мой принц, можете пронзить его сердце. Аниос хотел бы увидеть вашу силу.

Стефан теребил рукоять меча. Он был сильным, как Аниос, но очистит мир, начав с несчастного капитана.

Кап-кап-кап.

11

Лука

В первую ночь в Долине теней Лука сидел у костра с Аксиллом и торговцами, что взяли их с собой, и думал о Реве. Это его удивляло. Его мысли были поглощены Матиасом. Он представлял похороны, кости брата в каменной гробнице в Зале Просвещения в Реялоне. Он представлял запах трав, что уложили бы букетом на гроб Матиаса. Он думал о словах братьев: «Только Просвещенный бог знает правду смерти. Время Матиаса прошло. Он останется в нашей памяти». Просто и честно, как всегда делали братья.

Он представлял реакцию отца на смерть наследника, порыв ярости, тихое кипение гнева и слюна, летящая с губ отца на бороду. Он думал о матери Матиаса, красивой Кристине, вытирающей слезы с карих глаз платком. Но в ту ночь он думал о Реве. Ей понравилось бы в Долине теней. Говорили, Рева была поцелована солнцем. Он все еще помнил тепло ее кожи, как она сияла на свету медью. Для него она была золотой. Долина теней была не такой темной, как он ожидал. Когда солнце скрылось за вулканами на западе, долина погрузилась в тени, но почти весь день было тепло и ярко.

Трава была грубой, но покрывала долину. Красочные цветы росли, где была земля. Земля поднималась и опускалась, как волны океана. И над всем возвышался огромный вулкан Зин, как отец, приглядывающий за детьми. Реве понравились бы краски Зантоса. Она была бы рада новым знакомствам. Ей не нравилось в крепости, но выбора не было, ведь родителей Ревы убили во время мятежа.

Солдаты отца нашли ее, прячущуюся в комнате ее родителей. Девочка дрожала и бормотала под нос в углу комнаты, глядя на кровь матери. Солдаты его отца забрали Реву в крепость Несра, где король сжалился и позволил ей остаться. Королю она явно понравилась. Он даже решил сделать их с Лукой парой, хотя это могло быть способом получить башни Авалона и людей, что были верны лорду Авалону во время мятежа. Но Лука думал, что ему нравилась Рева. Или нравилась, пока он не отдал ее лорду Унну в награду.

Лука разжал кулаки и вздохнул. Много случилось с тех пор. Он подумал о девочке, прибывшей в крепость, маленькой, грязной, почти дикой, с глазами, что так много видели. Она никогда не говорила об этом, но Лука знал глубину ее горя. Теперь хорошо знал. Что бы

сказала ему Рева? Любила бы его, как тогда? Мог ли кто-то любить такого монстра?

Они ехали в телеге торговцев, которую медленно тянули два осла. Аксил не шутил, сказал, что денег мало. Лошади и еда были слишком дорогими, но они хотя бы были не одни темными холодными ночами в Долине теней. Двое мужчин с ними — Симен и Жорен — были торговцами, ехали к Пепельным горам. Симен хорошо готовил рагу из маленьких грызунов, что водились в долине. Ему было под пятьдесят, он был в нескольких хлопковых туниках и разноцветных шарфах. Его кожа была почти такой же темной, как у Аксила, но глаза были темно-зелеными, как грубая трава долины. Жорен был сыном Симена, высокий, худой, с кривыми зубами и такими же зелеными глазами. Они мало говорили. Они были умными и не задавали Аксилу и Луке вопросы. Они делились хлебом и матрасами. Этого Луке хватало.

Днем Лука ехал на краю телеги с Аксилем. Они не говорили о силах Луки со дня в таверне. Луке не нравилась тишина, но он не знал, как ее нарушить. И он думал о Матиасе, об отце и Реве, даже о матери, о которой не думал годами. Он думал о Стефане, Серене, Каролине и маленьком Альберто. Он понимал, что не вернется в Реялон, но хотел бы их еще увидеть. Через много лет они смогут не узнать его. Он сможет отрастить бороду, будет в лохмотьях изображать путника из дальнего города. Солнце Зантоса сделает его кожу загорелой, и он уже не будет похож на принца Луку из Эсталы.

На третий день Аксил решил нарушить тишину. Сначала Лука не хотел слушать, но Аксил говорил, и интерес юноши рос:

— Твоя мама была менти, — сказал Аксил. — Я узнал это сразу. Она тоже была магом огня, но ее силы были слабее, чем у тебя. Она подавляла их днем и ночью. София хотела не использовать их, решив, что огонь ее поглотит однажды. Лихорадка сожгла ее за пару часов. Я пошел за целителем, а когда вернулся, она уже бредила, а через час умерла. Ты был тогда совсем крохой. Хотел бы я, чтобы ты ее знал. Если бы она была с тобой, этого не произошло бы. А я совершил фатальную ошибку. Я решил, что болезнь означает, что силы менти тебе не передались. Обстоятельства между твоей болезнью и болезнью твоей матери были такими разными, что я не увидел связи. Она уже была магом огня, когда заболела. Ты не показывал склонности к этому. Свечи горели ярче, когда она входила. Факелы сияли. Огонь отражался в ее глазах. Но с тобой такого не происходило. Ее лихорадка началась внезапно и сожгла ее за чару часов. Твоя болезнь подступала медленно, горела медленно. Если бы я знал, что силы менти могут влиять на людей по-разному, я бы это понял, — он вздохнул. — На то воля Бога.

Лука оскалился. Ему не нравилось, как Аксил все спихивал на бога. Это он сжег брата, а не бог. Он не мог так это оправдывать. Ему нужно было бремя вины. Нужно было нести его.

— Я работаю на менти, потому что они давно под гнетом. Твой отец ужасно с ними обошелся. Их не нужно бояться. Их нужно чтить. Ваши дары от бога.

— Это волшебство, — проворчал Лука.

— Магия, но все же это дар, — Аксил нежно сжал руку Аксила. — Увидишь. Я покажу тебя мятежникам, и ты увидишь, что сможешь. Ты поймешь там. Как только узнаешь их. Твой мир был очень маленьким, Лука. Так всегда у принцев. Короли держат принцев в замках, не дают им попробовать мир. Принц должен знать, чего хочет народ, иначе как ему править?

— Я был болен почти всю жизнь. Как я мог увидеть мир?

— Да, это так. Но больше вы не болеете. Вы сильны, мир у ваших ног, — Аксил склонился и сжал кулак. — Откройся, Лука. Открой себя возможностям, — Лука смотрел,

как Аксил медленно распрямляет пальцы, словно распускается цветок. Он нахмурился и отвернулся.

Телега забралась на вершину холма, Лука увидел лагерь внизу. Он тянулся к горам, великан Зин приглядывал за ними. Почва была черной от пепла. Цветов стало меньше, трава была короткой и сухой.

Среди травы и цветов были хижины, палатки, лошади и люди. Его внимание сразу привлекли люди. Он еще не видел такие лица. У некоторых кожа была цвета пепельной земли, а у других — как молоко. Люди были высокими, низкими, пухлыми и мускулистыми, какими только можно было представить. Но их было мало. Он насчитал около трех дюжин у палаток, включая нескольких детей, что держались за мам.

Телега спускалась к лагерю, и в воздухе возникла странная рябь, босоногий подросток в коротких штанах сбил девочку с ног порывом ветра из ладоней. Девочка встала, отряхнула тунику и осыпала подростка землей. Вспышка света заставила Луку повернуть голову. Юноша шел по лагерю, перебрасывая из руки в руку шар огня. За ним два мальчика бились деревянными мечами, пока мужчина кричал им команды. Назад, бросок, отразить.

Телега застыла посреди хаоса, и если Симен и Жорен переживали из-за странного поведения вокруг них, они это не показывали. Они методично разгружали телегу вокруг Луки и брата Аксила, пока те неуклюже спустились на землю.

— Это выглядит легким, — мужчина пришел к телеге с ящиком с бутылками. Лука подумал, что это зелья и настои, судя по странным цветам. Он махнул в сторону телеги Симена.

— Мы привезли вам гостей, — сказал Симен. — Им нужно было есть по пути.

Мужчина с ящиком осмотрел Луку с головы до пят ледяными голубыми глазами. Лука никогда не видел людей с глазами, похожими на брата Аксила. Судя по тонким волосам и морщинам вокруг глаз, мужчине было около сорока. Его лицо было худым, с глубоко посаженными глазами и натянутой кожей.

— Ты привез гостей и меньше еды? Может, стоит выбросить любовные зелья.

— Не смей, — зло сказал Симен. — Они денег стоят. Мы привезем больше в следующий раз. Обещаю.

Мужчина плюнул.

— Этого стоит твое слово, торговец. О, ладно уже. Бери свое, оставь еду и проваливай, — он перевел взгляд на Луку и Аксила. — Гости. Из Эстала?

Лука кивнул.

— Менти?

Щеки Луки пылали, но он кивнул. Он впервые признал это. Ладони вдруг стали потными.

— Он — маг огня, но не обучен. Я привел его к вам, — сказал Аксил.

Мужчина снова окинул его взглядом.

— Маги огня — та еще боль, но они могут быть полезными. Я — Джеральдо. Добро пожаловать в лагерь мятежников. В то, что от него осталось.

12

Рева

Ее втиснули меж двух других девушек и заставили идти без плаща, его забрала одна из сестер. Валерия забрала ее лошадь. Хмурая женщина с глазами цвета земли забрала лошадь Эмми. Рева следила за ними, пока хромала в рваном платье, ненавидя всех сестер. Гнев

попыхал в ее крови. Они не могли быть истинными последователями бога. Они были подделкой.

Они шли медленно, гремя цепями с каждым шагом. Сестры запели, и хотя Рева уже знала слова, она отказывалась петь. Озари путь, озари жизнь, Аниос, о, Аниос! Они могли бить ее до крови, но петь она не будет. Они вышли, скованные, на Торговый путь, а потом вошли в лес Дорвуд.

— На дороге мимо Херено разбойники, — прошептала девушка за Ревой. Она говорила, пока все пели. Она говорила с акцентом, не замолкая даже для дыхания. — Потому мы идем через Дорвуд. Иначе сестры не пошли бы через лес. Они говорят, но лесу ходят волки-призраки и другие духи. Секрет есть у каждой тени. Так они говорят.

Рева старалась не слушать девушку, пока шла. Она игнорировала боль тела (хотя ей хотелось лекарства), жажду и то, как цепи натирали кожу. Она подавляла изображение верной Эмми в крови, впитывающейся в землю. Она даже старалась не слушать пение сестер. Но не могла не слышать эту девушку.

— Сестра Валерия во главе, — продолжала она. — Я с ними с Реялона. Путь был долгим. Валерия главная, и она подлая, как голодный кабан. Ее хлыст целует ужасно. Я сразу перестала меняться. Я видела, ты тоже пыталась. Похоже, раньше ты это не делала.

Пение притихло, как и болтовня девушки, но тишина не длилась долго. Пока девушка молчала, Рева сосредоточилась на шагах, игнорируя боль в нижней части живота. Сестры забрали ее плащ, но оставили сапоги, только за это она была благодарна. Некоторые девушки шли босиком. Рева была хорошего происхождения, никогда не ходила босиком. Ее кожа был слишком нежной для грубого леса с острыми камнями и ветками.

Лес Дорвуд был холодным местом. Темно-зеленый мох покрывал стволы деревьев, достигая даже высоких веток. Листьев на изогнутых ветвях не было. Они тянулись над головой Ревы, как пустые руки, просящие милостыни. Рева не знала, чем их наполнить, ей не нравилось думать об этом. Воздух был густым, словно магия висела туманом.

Она спотыкалась и хотела, чтобы девушка говорила. Пока та молчала, Рева смотрела на сестру Валерию, комок ненависти рос в ней. Эта женщина лишила ее единственной подруги, заколола ее как свинью. Она подчинила Реву и заковала в цепи. Хуже было то, что Рева знала, что менялась. Она видела чешую, ощущала движение костей в теле. Рева была монстром. Она была менти.

— Жаль, что так случилось с твоей подругой, — сказала девушка. — Она этого не заслужила.

Пение продолжилось. Рева прокусила губу до крови.

— Она не первая, кого они убили, — прошептала девушка. — Они должны отвести девушек в Сады. Они собирают бедных или менти и между лесом Дорвуд и горами Тасме мы работаем. Работаем. Работаем. Работаем. Так шепчут другие. Они изнуряют нас, пока мы не теряем сознание, кормят так, чтобы мы не падали. Старых и слабых уносят, и их больше никто не видел. Говорят, они бросают их волкам в лесу Дорвуд. Другие говорят, что они перерезают им глотки и молятся при этом Аниосу. Никто точно не знает.

Слова девушки отвлекали, но не успокаивали Реву. Она так старалась сбежать от принца Стефана, а все равно попала в плен. Все те жизни пропали зря. Ее сердце высохло, не могло терпеть больше боли. Она хотела сдаться. Но она переставляла ноги, пока сестры не остановили их. Одна из девушек упала на землю. Другая закричала. Валерия дала ей отведать хлыста.

Сестры развели огонь и передали мисочку орехов по группе. Вода была грязной, но огонь хотя бы согревал их. Тут было холоднее. Они были севернее, чем Рева когда-либо бывала. Она голодно оглянулась на сестру в ее плаще. Комок ненависти затвердел в ней. Ее платье порвалось по швам, когда ею овладело жуткое ощущение. Теперь под платье проникал холодный ветер ночи, щекочущий ее ребра.

Даже девушка молчала, они сидели и ели орехи. Они ели под музыку волков, пока сестры крепко держали оружие и смотрели на тени леса. Рева думала о призраках, о том, не ходила ли Эмми теперь по лесу. Мысль о ее неуспокоенной душе сдавила ее горло. Нет, Эмми теперь была с семьей. Должна быть. Иначе Рева не выдержит такое бремя.

Сестры запели волкам другую песню об Аниосе:

Мы идем в сады

Искать князя правды.

Мы идем в сады,

Для своей службы.

Исцели, Аниос!

Люби меня, Аниос!

Узри меня, Аниос!

Князь правды.

Мы будем биться с магией,

Таким будет наш путь.

Мы уничтожим всех с магией,

Князю я молюсь.

Исцели, Аниос!

Люби меня, Аниос!

Узри меня, Аниос!

Князь правды.

Рева мало знала о Боге Просвещения, кроме того, что его последователи были странными. Говорили, Просвещенные братья делали странные зелья из крови жертв. Говорили, принц Стефан сделал свой рот кроваво-красным от этих зелий, и что они сделали его отчасти змеей. Говорили, его кожа была в чешуе, когда он был обнажен, и что его язык был раздвоен. Говорили, зелья делали его хитрее всех в Эстале, и он был самым жестоким. Рева все это считала смешным. Она почти стала сестрой Стефана, он казался нормальным мальчиком. Его любили не так, как Луку, Матиаса или остальных детей короля, и порой Стефан дулся, если его не звали играть, но она не видела в нем ничего необычного. Он был просто мальчишкой.

Так она думала раньше. Теперь она не знала. Она уже ощутила жестокость его людей.

— Что ты за менти?

Снова девушка. Они сидели бок о бок, и Рева смогла рассмотреть ее черты. Рева часами шла с девушкой за спиной, слыша только ее голос. Порой она представляла, что с ней говорит Эмми, порой представляла тощую высокую девушку с яркими глазами. Она теперь увидела красивую девушку, и это удивило ее. Она и не думала, что простолюдинки могут быть красивыми, это было глупо с ее стороны. У девушки была золотая кожа и золотые волосы, словно ее создали из меда. Ее глаза были темно-карими с золотыми вкраплениями, а губы были полными. Она угадала насчет ярких глаз. Они оживляли ее лицо, делали девушку умной и хитрой.

— Что? — выпалила Рева.

— Что ты за вид? Ты не успела измениться, я не увидела. Напоминала... рептилию. Может, змею.

Рева поежилась, подумав о Стефане.

— Я не змея.

— Тогда что ты?

Рева вздохнула.

— Не знаю. И не хочу знать. Я больше этого не сделаю.

— Сделаешь, — сказала девушка. — Если выберешься из оков, — она подняла руки и тряхнула цепями. — Тебя тоже выгнали из города люди принца Стефана? Те шпионы чуют менти за версту. Это жутко, как по мне. После того, как они нападают на бедный город, сестры разбирают останки, избавляя мир от нас, — она замерла на миг и тряхнула головой, а потом продолжила, взяв себя в руки. — У тебя хорошее платье и сапоги. Наверное, ты — дочь лорда. Я никогда еще так не говорила с девушкой из богатой семьи. Знаешь... сидеть и говорить на равных. Я носила масло лорду Корену. Ты его знаешь?

— Нет, — соврала Рева. Лорд Корен бывал при дворе, пока она там жила. Он был крупным мужчиной с восточного берега Кесталона. У него была пухлая дочь, которую он надеялся выдать за Луку или Альберто.

— Я могу менять лицо, — сказала девушка. — Это мой дар менти. Стоит увидеть лицо, и я могу подумать и стать человеком. Мое тело меняется. Я почти становлюсь другой. Я притворялась конюхом, чтобы получать больше денег. Лорд Корен был так занят, что был готов покупать товары, а не посылать за ними человека. Говорили, что мальчикам он платит больше. Я изменила облик. Я получила лучшую цену, но он ущипнул меня за задницу, когда я уходила, — девушка смотрела на Реву, хихикая, но Рева не отреагировала, и смех утих. — Хорошо знать свой дар. Было время, когда я была растеряна. И мне это не нравилось. Я не понимала, что происходит, почему я меняюсь. Я смотрела в зеркало, видела себя не такой, как вчера. Моя мама выгоняла меня из дома, принимая за нарушителя. Она заперла за мной дверь, и я три дня пыталась понять, как измениться обратно. Мама даже сказала страже в городе, что путник украл ее дочь.

— Кем ты стала? — Рева не слушала сперва, но ее затянула история.

— Мужчиной, которого увидела в таверне, — сказала она, пожав плечами. — Не знаю, почему им. Думаю, он меня напугал, а потом приснился. И утром я была им.

Тут Рева поняла, что не знает имени девушки, но боялась спросить. Она уже узнала ее историю. Когда Рева думала о дружбе, она сразу видела, как Эмми падает на землю от удара Валерии. А если она привяжется к этой девушке, и все так же закончится? А если она принесет девушке неудачу, как всем в ее жизни? Рева потеряла живот и старалась не думать об этом.

Ночью в лесу Дорвуд было мало света, кроме их огня. Сестры тихо пели, не оставляя оружие. Девушки засыпали, но Рева сидела и смотрела на тени меж деревьев. Ее глаза начали слипаться, а голова опускалась вперед. Но она не ложилась, она открывала глаза и следила за сестрой Валерией. И пока она боролась со сном, она видела силуэты,двигающиеся в тенях.

— Как оно зовется? — шепнула Рева девушке.

— Что? — ответила девушка, протирая глаза и зевая.

— Место, куда нас ведут... работать. Как оно зовется?

Она снова потеряла глаза.

— Сады Аниоса.

Реву название не испугало. Сад был приятным местом. Красивым. Она хмуро посмотрела на цепи. Нет. Она не должна в это верить. Сестры казались не опасными, но были опаснее всех. Сад мог оказаться ужасным. Но она засыпала, и ей снился луг, где стояли они с Эмми, в ее разуме луг и был Садам Аниоса. Они бежали среди цветов, а утром ее щеки были мокрыми от слез.

Девушки проснулись, сестры подняли их и повели по лесу беспорядочной шеренгой. Цепь от девушки впереди потянула Реву. Она все время дергала ее, и Рева старалась двигаться быстрее, пока не устала. Девушка за ней болтала уже меньше. Все спали ночью плохо. Их часто будили песни волков и сестер. Рева заставляла себя думать о движении ног. Она смотрела на ноги, на землю, чтобы не споткнуться. Она уже раз упала, это повалило еще двух девушек, ушибло ее шею, запястья и лодыжки из-за цепей. Больше она так не ошибется.

Сестра Валерия была вечной угрозой, шла вдоль линии с жутким железным хлыстом. Порой сестра улыбалась, и Реве казалось, что она улыбается ей, хотя женщина толком на нее не смотрела. Рева не могла отвести взгляда от высокой мускулистой женщины. Она могла думать лишь о том, как Валерия вонзила нож в грудь Эмми. На платье сестры было коричневое страшное пятно, что когда-то было красным. И Рева все время туда смотрела.

Хотя порой выли волки, они шли по лесу, и волки их не трогали. Рева думала о шагах, увидела, что тропа расширяется, а деревьев становится меньше. Они вышли из темного леса и заморгали от полуденного солнца. Он было ярким, но не грело.

Девушки в цепях брели по холму с изумрудным пастбищем. Поле переходило в холм, а оттуда в долину фермы. Золотые колосья сменялись садами и оливковыми рощами. Акры земли были в долине, окружали строения. Рева с тяжелым сердцем смотрела на высокую ограду. Перед ними были ворота из толстого дерева, как на юге крепости Несры. Дальше было видно двор в животных и людях и две высокие башни из камня. Сторожевые вышки. Огороженное здание было серым среди ярких полей. Это место было тюрьмой. Рабочей тюрьмой.

Они подошли ближе, Рева увидела людей на полях, что собирали урожай, копали землю, срывали оливки. Девушки в цепях, и сестры наблюдали за работой с хлыстами на поясе. Одна девочка оглянулась на новеньких, вытерла грязь со лба. Сердце Ревы сжалось, девочка была такой юной. Не больше десяти. Хлыст ударил ее, и Рева содрогалась вместе с девочкой. Она прикусила губу, когда девочка закричала от боли.

«Я — рабыня, — подумала она, — и узница. Они хотят поставить меня на колени».

Это был не сад.

Они прошли последние шаги. Она споткнулась и чуть не утащила девушек за собой. Девушка с медовыми волосами молчала, пока они проходили ворота. Никто не шумел. В оковах были женщины, но стражами были мужчины с мечами на поясах и кольчугой за кожаной броней. Рева видела, как они повернулись к новым рабыням, и она видела, как они оценивают девушек. Она хотела домой. Впервые она захотела домой в башни Авалон на берегу Фиурин. В объятия мамы. Она хотела соленый воздух и свежую белую рыбу. Она хотела жаркое южное солнце на коже и острые камни утесов. Но она была здесь, с убийцами-сестрами и странными стражами.

Когда ворота закрылись за ней, паника поселилась в ее груди.

Стефан

Стефан не сдерживал волнение, пока шел к комнате совета отца. Король вызвал его для отчета о местоположении Луки, но не в свою комнату, а в комнату совета. Стефана редко туда пускали. Там отец говорил с советниками, там Матиас сообщал королю о важном. Стефан редко говорил королю о важном. Он работал, в основном, над своим. Но раз Матиас был мертв...

За большим столом было двенадцать стульев для советников короля Давэда. Матиас обычно сидел рядом с королем, так Стефан слышал. Но он расстроился, когда за столом оказался только его отец, которому слуга наливал вино в кубок через плечо. Комната пахла затхло, как лес, покрытый мхом.

Стефан встал напротив отца и ждал команд.

— Садись, — сказал король.

Быть королем непросто. Король всегда был сначала королем, а потом отцом. Он не просил сына, а приказывал. Стефан всю жизнь слушал приказы, хотя теперь он знал, что однажды сам будет приказывать. Однажды у него будут свои сыновья, и он будет приказывать им, но не так, как его отец.

— Есть новости о Луке? — король Давэд сделал глоток вина и указал слуге налить и Стефану. Стефан всегда отмечал, что у короля был кубок вина, когда он встречался с подданными, советниками и прочими, но он никогда не допивал. Он делал глоток, наливал советникам или гостям, но никогда не заканчивал свое вино.

Стефан потягивал вино, стараясь не пролить его от нервов.

— Мы нашли капитана корабля, что доставил Луку в Золотую бухту Зантоса. Аксил все устроил, Лука был скрыт как брат. Похоже, Аксил подготовил немного денег и вещей для этого. Думаю, можно сказать, что Аксил задумал и гибель Матиаса. Он может быть заодно с менти. Капитан сказал, что Лука едва стоял.

— Он был при смерти, — проворчал король. — Так говорил целитель.

Пауза. Ни Стефан, ни отец не ходили к Луке, когда того повалила лихорадка. Матиас, сестры Стефана и маленький Альберто ходили к Луке, но Стефан терпеть не мог слабость. Его отец мог быть таким же.

— Где капитан? Я хочу с ним поговорить, — король указал на дверь.

Кожа Стефана похолодела. Он не ожидал, что отец такое потребует. И теперь он был в комнате совета, король смотрел на него свысока, и он ощущал себя ужасно глупо. Почему он не угадал желания отца? В пещере с братом Миккелом все казалось так просто. Капитан должен умереть.

— Мы... его тут нет, Ваше величество.

Король сцепил пальцы и уперся локтями в стол, склонившись к Стефану. Это напомнило Стефану о размере его отца. Он был огромным, похожим на медведя, с широкими плечами и густой бородой.

— Где он?

— Брат Миккел решил, что его лучше сделать жертвой Аниосу. Он слишком много услышал... Он... Мы говорили о Зантосе, о Пепельных горах, где собрались мятежники менти.

— Их нет! — завопил король. — Мы их уничтожили! — его кулак ударил по столу, Стефан старался не вздрагивать. — Поверить не могу в глупость собственного сына! Я тебе приказывал убивать информантов?

— Нет, но...

— Что я приказывал?

— Отчет, но...

— Отчет должен рассказывать сам человек, а не передавать ты. Он мог знать больше. Дурак! Дурак! Что подумают люди? Думаешь, найдутся еще информанты, если все узнают, что ты их убиваешь? А?

— Нет, Ваше величество.

Тишина давила. Стефан едва мог дышать. Пот выступил на лбу, и он хотел его вытереть, но не осмеливался. Он не мог двигаться.

— Брат сказал тебе убить капитана? — спросил король. Теперь его голос был спокойнее, но все равно пугал Стефана.

— Миккел предложил, но я согласился, Ваше величество, — Стефан пытался посмотреть отцу в глаза, но вместо этого смотрел на руки.

— Пора перестать прятаться за этим братом. Он мне не нравится. Мне говорили, он — человек дисциплины, и я думал, что тебе такой нужен. Ты был непослушным, тебе нужна была твердая рука. Но теперь я вижу ошибку. Этот брат Миккел сделал из тебя фанатика. Его мысли об Аниосе до добра не доведут. Я хочу смерти или рабства менти не меньше тебя, но мне не нравятся твои методы, Стефан. Принцу это не идет. Это не мой способ, пора тебе научиться ему.

— Да, Ваше величество, — Стефан и дальше смотрел на свои ладони, щеки пылали от пристального взгляда отца.

— Пора тебе сидеть на совете.

Стефан вскинул голову.

— На совете, Ваше величество?

Король хмыкнул.

— Месяц ты не будешь участвовать. Только слушать и смотреть. Ты услышишь слова моих советников, обдумаешь их. Ты будешь внимателен, ты научишься. Это ясно?

— Да, Ваше величество, — он и не надеялся на такое. Он думал, король будет ждать, пока он не повзрослеет, а потом включит в совет. Но месяц не участвовать? Это были хорошие новости. Он отогнал мысли о брате Миккеле и случае с капитаном. Не повезло, да, но промах еще можно было загладить.

— Ты отправишься в Зантос за Лукой. Если он ушел в Пепельные горы, ты пойдешь за ним. Возьми столько людей, сколько нужно. Батальон. Сотри их, если там все же есть менти, — король постучал пальцем по дереву стола. — Было непросто, но я убедился в безопасном проходе в Пепельные горы для тебя и твоих людей. Пришлось унижаться перед Злотым советом Зантоса, как дураку, позволить им торговлю в стенах Реялона, но, пока твои люди в Зантосе будут бить только менти в горах, это разрешено. Я отдам тебе нужные бумаги перед отплытием. Возьмешь несколько кораблей из королевского флота, — он склонился и прищурился. — Слушай теперь внимательно. Если Аксил — менти, то Луку могли втянуть в то, чего он не хотел. Может, стоит все-таки сохранить жизнь моему сыну.

Стефан застыл. Плохо дело. Если Лука будет жив, Стефан не займет трон.

— Я не говорю, что Лука будет наследником, — продолжил король. — Но мне нужно увидеть его, а потом принимать решение. Если он невинен, я должен это узнать. Твой брат должен быть живым. Это мое решение.

— Но, Ваше величество, а если на нас нападут? Если я потеряю брата в бою? Или на

обратном пути в Эсталу? А если он уже мертв?

— Тогда ничего не поделаешь. Не повезло, но, значит, так решил бог. Но я не хочу делать королем еще одного убийцу родни. Если я узнаю, что ты убил брата, ты не будешь наследником Эсталы, — король сверлил Стефана взглядом.

Он верил отцу, но частичка его уже продумывала способы «случайной» смерти Луки. Стефан не мог быть так близко к желанному месту, но лишиться его. Он не вынесет это. Он поговорит с братом Миккелом и выяснит, что хотел Аниос. Он был уверен, что Аниос хотел его королем.

— И еще кое-что, — король Давэд сделал глоток вина и улыбнулся. — Эта тема приятнее, надеюсь. У наследника трона должен быть свой наследник. Тебе уже шестнадцать, пора тебе найти жену.

Стефан чуть не раскрыл рот, пока не понял, что принцы так себя не ведут.

— Жену?

Король встал из-за стола и начал рассказывать по комнате.

— Думаю, я нашел тебе хорошую пару, — он махнул стражу у двери.

Стефан встал и повернулся к двери. Он этого не ожидал, хотя это и было очевидным. Его сердце забилося быстрее, он ждал, когда девушка войдет. Она была ниже его, уже хорошо. Она шла с опущенной головой, так что сперва он увидел ее каштановые волосы. Они были заплетены в косы, и он посчитал это уместным. Она прошла легко по комнате и подняла голову, хоть и не посмотрела на Стефана. А он заметил, как быстро вздымается и опадает ее грудь в тревоге.

— Мария Зимина — твоя суженая, Стефан. Вам пора познакомиться.

Стефан скользнул взглядом по девушке. Она была юной, его возраста, была пухлой, но в приятном смысле. Ее щеки и губы были красивого розового оттенка. Стефан долго смотрел на ее полные губы. Так долго, что начал молиться Аниосу об очищении мыслей.

— Рада знакомству с вами, Ваше высочество, — сказала Мария дрожащим голосом. За ней стояла служанка в простой одежде.

— И я рад, — ответил Стефан, поднял ладони Марии к губам и попробовал ее сладкую кожу.

Но, как только его губы коснулись бежевой кожи, он увидел отвращение, мелькнувшее на лице девушки. Стефан быстро отпустил руки Марии и отпрянул на шаг.

— Отец Марии — лорд Ирринтии, — сказал король, не видя отвращения девушки и потрясение Стефана. — Этот союз объединит север и юг. Это важно.

Король говорил и дальше, но Стефан не слушал. Он молился Аниосу, пока скользил взглядом по телу Марии. Ему показалось отвращение? Он не так понял робость девушки? Или он был таким гадким, как и шептались остальные?

14

Лука

Солнце поднялось рано над Пепельными горами, Луке казалось, что он и не спал. Третий день, он все еще привыкал к жаре, пеплу на одежде и коже и диете из риса и фиников. Люди тут любили финики, даже делали из них вино, ели с оливками и маслом. Порой они макали их в мед и подавали с орехами. Луке нравились сладкие пухлые финики, но он понимал, что скоро такое ему надоест.

Лука надеялся не привлекать внимание мятежников. Но у Джеральдо были другие планы, а его слово в лагере было законом. Он уже два дня тренировался с мечом и щитом,

спал в палатке, тело болело, а руки были в мозолях. Но, несмотря на жару и работу, Лука был рад, что он здесь. Истошающие тренировки заставляли думать о теле и мече в руке, а не о Матиасе. Ночью он падал на шкуры и тут же засыпал. Не было времени на жалобы, на терзания. Джеральдо сказал ему быть полезным или уходить, и он учился, работал, а между этим ел и спал.

Брат Аксил представил Луку как Людовико, третьего сына лорда из Эстала. В его истории принц Стефан обнаружил, что «Людо» — менти, заставил брата Аксила увезти его на корабле в облике брата. Это было просто и понятно. Лука теперь был Людо, и это ему подходило, ведь Лукой он толком побыть не смог.

Брат Аксил проводил время с Джеральдо, рассказывая ему об атаках принца Стефана на менти по всей Эстале. Лука об этом не знал. Он месяцами боролся с лихорадкой, со своей огненной силой.

— Скоро Стефан обратит внимание и на Зантос, — нахмурился Джеральдо. Он все время хмурился. Он двигался медленно и плавно, словно все его движения были тщательно продуманы. Как и его слова. — Мы изгой, а придется тогда стать армией.

— Осмелюсь спросить, но что ты хочешь достичь в этом лагере? — спросил брат Аксил.

Джеральдо потер щетину на подбородке и ответил:

— Не твое дело, Брат. Пока что.

Лука нахмурился. Как он мог так грубо говорить с его гувернером? Но Аксил кивнул Джеральдо, словно знал, что происходит, словно они еще и общались без слов. Лука не знал, что думать, но решил не вмешиваться. Он не хотел думать. Тогда ему хотелось сдаться, а не бороться.

Несмотря на его попытки держаться в стороне от мятежников, Лука уже многих знал, особенно, тех, что были его возраста и тренировались с ним. Он узнавал мятежников и все больше познавал менти. Что значит быть таким. Он познакомился с Вин, девочкой тринадцати лет, что превращалась в волка с темно-серым мехом и голубыми глазами. Вин была быстрой с легким мечом, двигалась как в танце, даже умела стрелять из лука. Она легко смеялась, глаза всегда искрились улыбкой. Но она ела больше взрослого мужчины и легко пускала газы. Она суежилась ночью, как волк, выла и охотилась до утра. Она была частью маленькой стаи оборотней, они держались в стороне. Лука знал только двух других волков, Беа и Игги, самых юных в лагере менти. Джеральдо говорил ему, что нехватку роста они компенсируют яростью.

Шиа, высокий мальчик шестнадцати лет, менял лицо. Он мог стать любым человеком, какого видел, включая Луку. После долгой тренировки Лука наткнулся на Шию с его лицом у своей палатки. Мальчик усмехнулся от потрясения Луки. Он не боялся увидеть другого человека собой, Лука едва узнал себя. Его волосы были короткими и грязными, черты лица стали четче, и он казался ниже, чем себя помнил. Шиа после этого ему не нравился. Особенно, когда фиолетовые глаза юноши всегда преследовали его.

Джосс был высоким худым юношей около двадцати лет, он мог двигать воздух. Он всегда был серьезным. Он сидел с Шией до конца ночи и с другими солдатами-менти, которых Лука все еще не знал.

А еще была Таня, ее кожа была темной, как Пепельные горы. Она была такой красивой, что Лука краснел, увидев ее. Она управляла водой, создавала руками большие волны и водовороты. Она создавала волны в вине и плескала на людей, что пытались пить бульон. Ей не хватало терпения с мечом и щитом, но она хорошо держалась против Луки. Он быстро

понял, что все в лагере лучше него в обучении. Как принца, его учил лучший мечник королевства — как и Матиаса, Стефана и Альберто — но из-за болезни Лука уже три года не учился, мышцы ослабли. Он почти все время лежал в кровати на потных простынях.

Лука тренировался сегодня с Нико, сыном Джеральдо. Мальчик бросил Луке меч для тренировки, но тот не долетел пары футов до Луки. Лука шагнул к мечу, но ощутил взгляд Джеральдо спиной. Джеральдо особенно интересовало обучение сына, он пристально следил за ним, и Луке было не по себе, а Нико дрожал.

— Мой сын даже бросить не может, — сказал Джеральдо, подходя к мальчикам. — Занять позу, — Джеральдо закатил глаза, когда Нико занял боевую стойку.

Нико не был бойцом, это было ясно всем, кроме Джеральдо. Он был бледным мальчиком с чертами ирринтианца, как его отец — светлые волосы, серые глаза и узкое лицо — но он был пухлым, у него часто краснели щеки и шея, и он всегда был растрепан. Нико плохо справлялся с жарким солнцем. Тонкие туники липли к его коже, волосы — ко лбу. Но Нико старался на тренировках. Он вставал, когда его сбивали. Вытирал пот с глаз и повторял движения снова и снова. Он не плакал, когда его ругал отец. Он продолжал.

Лука легко победил Нико. Мальчик тяжело дышал на полу, Лука протянул ему руку, чтобы помочь встать.

— Спасибо, — сказал Нико.

— Но ты попал, — сказал Лука. — Даже задел меня через кольчугу, — он указал на место на руке, где остался синяк от удара Нико.

— У тебя кровь, — удивился Нико. — Стой, я исправлю, — Нико схватил Луку за руку с порезом, и тот вскрикнул. Жалило, как горячее вино на ране. Но через пару мгновений боль прошла. Нико убрал руку, пореза не было. — Я целитель, — сказал Нико.

— Больше не болит. Как ты это сделал?

Нико пожал плечами.

— Я думаю об исцелении плоти, и сила течет из моих пальцев. Быстрее, отец идет. Нужно изобразить активность.

— Поздно, — Джеральдо хмуро посмотрел на них. — Что это? Ты его уже целуешь, Нико?

— Нет, — Нико не смотрел в глаза отцу. Шея его покраснела, он теребил край рукава.

— Стойте тут, как девчонки. Будете тогда сегодня готовить для лагеря, — Джеральдо ушел, крича приказы менти, тренирующим силы.

— Твой отец требователен к тебе, — отметил Лука.

— Он хочет для меня лучшего, — сказал Нико, но слова явно были заучены. — Идем, я покажу тебе погрёба с едой. Умеешь готовить рис?

Лука покачал головой.

Нико легонько стукнул его по плечу.

— Ты уже не сын лорда. Придется научиться.

Оказалось, готовить рис было не плохо и не так сложно, Лука зато проводил время с мальчиком своего возраста. Он отразил вопросы Нико о себе и вскоре начал ритмично помешивать рис в большом котле над огнем. Он научился доставать воду из колодца и разводить огонь. Нико хорошо учил. Он объяснял подробно, терпеливо ждал, пока Лука сам поймет, как надо.

К концу дня они подали скромный ужин мятежникам и сели в палатке Луки, чтобы поесть.

— Что тут происходит? — Лука старался сказать себе, что ему все равно, что он просто прячется тут от отца. Но он не мог больше себя обманывать. Ему хотелось знать ответы.

Нико пожал плечами.

— Никто не знает. Отец говорит, война близко, но он не знает, когда и как.

— Откуда он знает о войне? — спросил Лука.

— Есть менти, что видят. Они видели большую войну между менти и правителями Эсталы.

— Ах. Это он отказался говорить брату Аксилу, — отметил Лука.

— Я не должен был тебе говорить, — Нико побелел. — О, нет. Нет. Не говори Аксилу. Отец разозлится, если узнает, что я тебе сказал. Отец скрывает свои силы менти. Мне пора в мою палатку. Отец захочет, чтобы я убрался. Увидимся завтра на тренировке.

Лука не успел и рот раскрыть, мальчик уже выбежал из палатки и понесся по лагерю, оставляя пыльное облако пепла в вечернем небе. Лука доел в тишине, обдумывая слова Нико. Будет большая война. Он должен был прятаться тут от отца, пока не будет безопасно начать новую жизнь. И тренировать тут силы. Нет. Он знал, что Джеральдо захочет взять мага огня с собой, но не хотел в этом участвовать. Он прогонял мысли, надеясь, что никто его не позовет.

Зря он расстроил Нико. Он не хотел напугать его. Он даже не понимал, что сделал. Нико почти без просьб рассказал ему о подозрениях Джеральдо. Если это был большой секрет, то зачем он это сделал? Нико доверял ему. Доверял и забылся, так что рассказал Луке о предсказании. Но Джеральдо не доверял ему, и потому Нико убежал из палатки.

Лука решил, что сидеть тут больше не может. Он найдет Нико и скажет, что все в порядке. Иначе Нико будет всю ночь переживать за то, что сделал. Лука хотел успокоить мальчика. Это было меньше, чем он мог ответить на помощь с ужином.

Ночью в горах быстро холодало. Лука пожалел, что пошел по лагерю в тонкой тунике и штанах. Было темно, но факелы и костры окутывали лагерь оранжевым сиянием. Он увидел брата Аксила, говорящего у костра с мятежниками. Он смеялся и шутил, пока доедал бульон с корочкой хлеба. Аксил быстро стал тут своим. Он был из Зантоса. Говорил на языке, выглядел как они, был отсюда. Аксил был расслаблен и улыбался, пока Лука был напряжен, переживал и все время ощущал вину.

Лука быстро нашел палатку Джеральдо и Нико. Она была почти вдвое больше остальных, шкуры тянулись между столбиков. Он хотел пройти туда, но услышал изнутри голоса.

— ...не сегодня, отец. Мне нужен перерыв, — голос Нико был высоким. Лука уловил дрожь стража, голос оборвался. Всхлип, словно Нико плакал, и приглушенный стон боли.

Лука осторожно приподнял край палатки, чтобы увидеть, что внутри. Он пригнулся в тених. Почти всю палатку занимал большой деревянный стол. Может, там Джеральдо решал дела лагеря, там отец Луки исполнял бы долг во время осады. За столом сидел Нико, и Джеральдо склонялся над ним. Джеральдо закрывал вид, но Нико сжимался на стуле и стонал от боли.

— Не так быстро. Еще раз.

— Нет, отец, прошу...

Справа от Джеральдо горел факел, и он был близко. Лука понял, что в огне была кочерга. Джеральдо поднял ее рукой в перчатке, конец был алым от жара. Клеймо. Лука был в ужасе. Он застыл от стража, Джеральдо прижал раскаленный металл к руке Нико. Запахло

жженой плотью. Лука зажал рот и нос рукавом. Мальчик извивался под клеймом, кричал, стиснув зубы. Джеральдо убрал железо, и Нико прижал ладонь к ране.

— Сосредоточься, — сказал Джеральдо. — Иначе лучше не станет.

Лука отошел от палатки, ему было плохо, он дрожал всем телом. Он вернулся к себе и упал на шкуры.

15

Рева

Прошла неделя обучения Ревы. Она узнала, что свиньи едят все, могут быть хитрыми, а самый маленький из них вечно кусал ее за ноги, когда она приходила. Она узнала, что женщины, что стирали одежду, цокали языками и умолкали, стоило подойти к ним во дворе. Она узнала, что весь день можно ходить в цепях, нося сено в амбары, собирая оливки в роще и помешивая овсянку в котлах. И так каждый день. Ее лодыжки стирались до крови, ночью она падала на солому с болью и усталостью. У нее не было ничего от раны и боли в животе, но это уже не было важно. Мышцы болели сильнее.

— Кто ты, менти? — спросила в первый день сестра Валерия.

— Райна, — Рева не смотрела на женщину. Она нашла точку на стене над ее головой. — Мой отец был торговцем, убитым людьми принца Стефана.

Сестра недовольно выдохнула.

— Тогда я — королева Серена, шутница. Думаешь, я поверю, что дочь торговца ходила по Эстале со служанкой?

— То была моя сестра, — рявкнула Рева. — Она не была служанкой, была леди Ксимин из Ирринтии. Она была у нас, но люди принца Стефана напали возле Унны, — Рева не сдержала кривой улыбки, — Ваше величество.

Ей не нужно было смотреть в глаза Валерии, чтобы знать, что они стали щелками. Валерия сжала кулаки.

— За работу, Райна. Покажешь, что умеешь работать, или я отдам тебя стражам для игр.

Рева посмотрела на Валерию, и желудок сжался от ненависти. Женщина не была сестрой Бога. Она была злой. Испорченной. Родители учили Реву, что Просвещенные сестры и братья — хорошие люди, знающие о мире. Они использовали знания для честных решений во имя бога. Как эта женщина могла носить эту мантию и говорить такое?

Сестра Валерия отвернулась, Рева прикусила язык, слова обжигали горло. Рева хотела все высказать, несмотря на последствия, но не сейчас. Она возмущалась в первые дни брака с Францисом. Она заступалась за слуг, которых бил Францис. Когда он отругал при ней служанку, она отругала его. Она каждый раз получала по лицу. Она быстро замолчала.

На второй день девушка с медовыми волосами помогала ей убирать в свинарнике. Они были в грубой ткани, ноги обмотали тряпками вместо обуви. Рева не мылась днями. От нее воняло навозом, потом и гнилью.

— Не так и плохо, — сказала девушка. — Я делала работу и хуже. Я раньше убивала куриц. Это не лучшее занятие для жизни. Так ты Райна? Красивое имя. Я — Карина.

Рева вздрогнула, услышав имя. Она не хотела знать его. Но было поздно. Девушка с медовыми волосами знала ее имя, а Рева — ее. Теперь она была целой, а не помехой, что болтала слишком быстро. Рева знала слишком много о девушке. Было уже поздно защищать сердце.

— Тишина восхищает. Ты справляешься хорошо. Но это не сработает, — Карина закрыла рот и мела свинарник. Она убрала кучу навоза в угол.

Рева работала, отвернувшись от Карины. Они почти закончили. Убрал навоз из угла в телегу, они закончили еще одно задание. Телегу нужно увезти к полям и разбросать навоз, чтобы удобрить почву.

Рева сдалась.

— Почему не сработает?

Карина улыбнулась и оперлась на метлу.

— Потому что я ненавижу тишину. И потому что тебе будет плохо всю жизнь молчать и только хмуриться, глядя на свиней.

Рева посмотрела на наглого поросенка с острыми зубами.

— Они такое заслужили.

Карина рассмеялась. Это было заразительно, и Рева улыбнулась.

— Это точно, Райна.

— Над чем вы смеетесь?

Они не заметили сестру Валерию. Рева опустила взгляд на пол, жар пронзил тело. Ей не нравилось признавать, но то было не только отвращение, но и страх.

Хлыст Валерии затрещал как удар молнии, Рева не сразу поняла, что происходит. Карина закричала, хлыст ударил ее по спине. Рева застыла, хлыст опустился еще раз на уже пострадавшую спину Карины. Ее горло сдавило, и Рева могла лишь стоять и смотреть, как Калерия снова и снова бьет хлыстом, пока Карина не упала на землю. Валерия ушла, и Рева помогла Карине встать. Обе плакали, Карина взяла Реву за руку и поднялась на ноги.

— Я н-ничего не сделала, — пролепетала Рева. Она не могла поверить, что позволила отхлестать Карину, как непослушную собаку. Как она могла? Разве она не Рева Авалон, дочь Изабеллы и Мартина Авалон? Разве она не за справедливость? Во рту была горечь, горло предало ее, когда требовался голос.

— Я поступила бы так же, — сказала Карина.

Но Рева не верила. Карина не молчала бы, если бы Реву били.

— Ничего не поделать, — продолжила Карина. — Валерия тут закон, мы должны ее слушаться.

Рева заметила, что бодрость пропала из голоса Карины. Она не была уже такой оживленной. Она звучала пусто.

— Я отведу тебя в зал, — сказала Рева. — Обработаю раны. Там есть целитель?

— Не знаю, — вяло сказала Карина. — Может, кто-то из узников... — она вдохнула, кривясь от каждого шага по двору.

Вокруг все были с каменными лицами. Никто не помогал им. Они боялись. Женщины и девушки боялись стражей в кольчуге и с мечами и сестер с хлыстами.

Их комнаты были между сторожевых башен. Это был длинный узкий зал, покрытый соломой. Ночью сестры проверяли ряды тел, чтобы все были на месте, а потом они запирали большие двери. Окон не было, только тьма, неприятные запахи и мало воздуха. Рева помогла Карине опуститься на солому и сняла растерзанную тунику с ее спины. От плеча до бедра тянулись шесть красных ран. Ее кожу словно растерзал зверь. Раны были красными, могло начаться заражение.

Карина посмотрела на Реву опухшими глазами.

— Все плохо?

Рева покачала головой, боясь, что голос выдаст ее ложь.

— Раны нужно промыть, — девушка прошла в зал. Она подошла, и Рева увидела, что это

Лотти, тощая девушка, что отвечала за уборку. Рева много часов терла с ней полы, хоть они пробыли тут несколько дней.

Лотти ушла и вернулась через пару минут с миской воды и тряпками.

— Холодная, — предупредила она и начала нежно протирать раны тканью. — Райна, нужны бинты. Среди одежды есть чистые повязки на ноги.

Рева поспешила в конец зала, где ткань была грудями на неровных полках. Сестры оставляли на день запасную одежду, но брать ее без разрешения нельзя было. Случай был экстренным. Она забрала длинные повязки и поспешила к Карине.

— Нужна чем-то обработать, но если я возьму из припасов... — Лотти нахмурилась. — Это все, что я могу.

— Ты уже сделала много, — Карина взяла Лотти за руку.

Рева и Лотти вместе перевязали раны. Когда они закончили, Рева пошла для новой туники.

— Зачем ты это берешь?

Рева отдернула руку от одежды. Она резко повернулась к строгому лицу. Девушка скрестила руки на груди. Она узнала хмурую Розу. Та встала между Ревой и полками.

— Карине нужна новая туника, — Рева попыталась обойти, но Роза преградила путь.

Рева стиснула зубы и посмотрела на девушку. Она была старше, за двадцать, с рябой кожей и янтарными глазами. Роза была бы красивой, если бы улыбалась, но она этого не делала.

— Карине не нужна новая туника. Она тут всего пять дней, как и ты. В первый месяц туники не меняют.

— Ее наказала сестра Валерия, и теперь ей нужна новая туника. Ей чистить свинарник голой?

Уголок рта девушки дернулся в улыбке.

— А почему нет? Стражи будут рады.

— Дай тунику для Карины, противная старуха! — Рева не верила, что сказала такое, но не жалела. Часть ее даже гордилась, как лев.

Роза стала цвета ран Карины.

— Сестра Валерия узнает об этом, — она забрала тунику из рук Ревы и бросила на землю. — Карина может ходить голой, мне плевать. Ты тунику не возьмешь, или я сама тебя побью.

Рева мало знала о драках, но понимала, что не победит ее. У Ревы не было на это времени. Она отошла от Розы, сняла свою тунику и поспешила к Карине. Без туники на ней остались только повязки на стопах и панталоны, груди и живот остались голыми. Она хотела скрыть живот, кожа все еще была растянутой от беременности, на животе были красные шрамы, похожие на следы на спине Карины.

— Возьми.

Карина раскрыла рот.

— Это твоя.

— Она грязная, — пожаловалась Лотти.

— Бинты защитят от инфекции. Ей нужно греться. Роза не даст тунику, и она пригрозила рассказать Валерии об этом.

Карина посмотрела на ноги.

— Я не хочу снова хлыст.

— Бери тунику. Иди с Лотти и работай там, где тихо и можно делать перерыв.

— А ты? — спросила Лотти. — Что ты будешь так делать?

— Закончу чистить свинарник, — сказала Рева.

Она бросила тунику Карине и пошла из зала, высоко держа голову, цепи на лодыжках гремели о камни во дворе. Девушки с каменными лицами замирали, раскрывали рты, стражи смотрели и смеялись. Чем ближе она была к свинарнику, тем больше спотыкалась. Поросенок смотрел на нее глазами-бусинками, пока она убирала навоз.

— Ты меня не пугаешь, — соврала она.

16

Стефан

Стефан мало думал о Зантосе до этого. Золотой порт был полон простолюдинов, продающих гадкую рыбу, твердые оливки и какое-то приторно сладкое вино из фиников. Он сплюнул его, когда торговец предложил попробовать. Он знал, что название у залива от золотых скал, что поднимаются до Замка солнца в Обаре. Он знал, что некоторые тут богатеют на золотых шахтах у берега. Он знал, что его отец не имеет здесь власти, это ему не нравилось. Но он был богатым принцем, и его ждала работа.

В его плаще были документы от отца. За спиной были корабли из флота отца, что заняли почти всю гавань. Они ждали человека из Золотого совета. Стефан оскалился. Кто звал себя Золотым советом? В Зантосе были напыщенные идиоты.

Стефан ждал со стражей, отгоняя мух от глаз, и недовольно смотрел на местных жителей. Их яркая одежда была дикой. Они так оживленно говорили, смеялись как дураки. Моряки спускались с кораблей и почти бежали до таверны наперегонки, по пути шутя над девушками. Стефан хотел уйти подальше от них. Ему не нравились их взгляды с подозрением. Они не знали, кто он? Они должны узнавать принца. Было гадко, что они не знали.

Остальной батальон ждал на кораблях. Стефан взял генерала Тику с сильной кавалерией в пятьсот мужчин и генерала Корена, старшего сына лорда Корена, с почти тысячей лучников и пехоты. Они были сильными, но Корен еще не проявил себя в бою. Генерал Барка погиб в Унне от оползня почти со всеми своими солдатами. Сын Барки собирал уцелевших и учил юных для сражений.

Стефан не знал, сколько менти прячутся как трусы в горах, но он не сомневался, что уничтожит их своими хорошими бойцами. Отец стирал магов, Стефан казнил многих. Он был уверен, что бой будет быстрым и простым. Особенно, если он сможет избавиться при этом от Луки. Он больше такой шанс не получит.

Миккел не вернулся один. Брат прошел к Стефану и страже с зантийцем. Стефан невольно заметил, как забавно выглядит его гувернер среди темнокожих зантийцев. Бледное узкое лицо Миккела было как мозоль на здоровой руке.

— Ваше высочество, ваш визит — честь для нас, — зантиец низко поклонился, вскинув бровь, и Стефан ощутил насмешку. Золотой совет пустил Стефана сюда, но они не были рады. — Я представляюсь. Я — лорд Рамсиран, лорд Асфаро и Золотого берега, — он был низким, лысым, с темной кожей и потрескавшимися губами.

— Лорд Рамсиран, благодарю за добрый прием, — Стефан недовольно огляделся. — Зантос такой яркий. Жаль, я тут не был раньше.

— Мы были бы рады визиту, — сказал лорд.

— Конечно, — они точно не обрадовались бы.

— Идемте. Ваши солдаты могут немного отдохнуть. Лошади отвезут нас в Золотой замок, а там готовы угощения.

Стефан посмотрел на брата Миккела и повернулся к лорду.

— Благодарю за щедрость, но, как и писал отец, дело срочное. Мы были бы благодарны, если бы нас направили в Пепельные горы с провизией.

Лорд Рамсиран переминался с ноги на ногу.

— Ах, Золотой совет расстроится, ведь не встретит такого принца. Но я ожидал такое, так что мои люди нашли торговца, что регулярно возит припасы кочевникам у горы.

Стефан заметил, что лорд не описал их словом менти. А если бы он поехал к совету, его точно ждали бы политические обсуждения, что затянули бы его миссию.

Лорд Рамсиран вытер руки о яркую тунику, что натянулась на его животе, повернулся и махнул солдатам, ждавшим за ним. Двое толкнули мужчину вперед.

— Мы думаем, что этот торговец даже видел вашего брата, — сказал Рамсиран. — Он — торговец, что возит еду в Пепельные горы. Хотя он тихий. Мы пытались выбить информацию, но... — он пожал плечами.

Стефан с презрением смотрел на худого мужчину. Он был в той же одежде, что торговцы в порту, хлопковая туника, шарфы на поясе и свободные штаны. Ему было около пятидесяти, глаза были темно-зелеными.

— Что ты знаешь, зантиец?

— Он не говорит на общем языке, — сказал Миккел. — Он дикий.

Лорд Рамсиран оскалился.

— Дикий?

— Простите моего гувернера, — сказал принц Стефан. — Он знает много фактов и языков, читал много книг о разном, но не научился такту.

Лорд Рамсиран улыбнулся и поклонился.

— Конечно. У всех нас есть предрассудки касательно соседей. Но мы все друзья, — он улыбнулся, а Стефан мог думать только о менти в горах. Менти, что убивали эстальцев, которых защищали зантийцы, пока король Давэд был вынужден просить разрешения убить их.

Торговец заговорил на зантийском и сплюнул.

— Он сказал, что не видел принца, — перевел Рамсиран.

— Он знает больше, чем говорит, — сказал Миккел. — Он плохо врет.

Рамсиран посмотрел на Миккела, шурясь в презрении, но заговорил с торговцем.

Торговец что-то пробормотал, и Рамсиран спросил еще, а потом вздохнул.

— Похоже, он отвез двух путников к горам. Один был зантийцем, а другой маленький эсталец, одетый как брат.

— А теперь отвезет нас. Где твоя телега? Мы требуем сопровождения, — Стефан погладил рукоять меча. Он обвел большим пальцем молнию. Может, это судьба. Может, этого хотел от него все это время Аниос. Он мог стереть последних мятежников менти, избавит мир от менти навсегда.

Мужчина заговорил на своем диком языке.

— Требуется деньги, — скривился Рамсиран. — Золотой совет это покроет.

Деньги? Он должен был радоваться, что сопровождает кронпринца Эсталы.

— Может, сработает, — сказал Миккел. — Он торговец. Мы сможем использовать его провизию в пути.

— Хорошо, — сказал лорд Рамсиран. — В знак доброй воли Золотой совет даст вам тридцать человек в путь.

Стефан стиснул зубы, чтобы не смеяться. Тридцать. Это было почти смешно. Но ничего.

Рамсиран обсуждал с торговцем плату, а Стефан мрачно думал о Луке. Он думал о нем и в море. Его брат был на похожем корабле, видел те же желтые берега, приближаясь к Зантосу. Его брат стоял здесь и говорил с тем же торговцем. Стефан почти достал его. Он был близко, его не стряхнуть. Стефан найдет его и убьет.

Но сначала нужно убить сомнения. Он не говорил с Миккелом о своем решении, боясь, что брат отговорит его, он хотел попробовать сам. Нет. Лука заслужил смерти из-за того, что сделал с Матиасом. И без Луки Стефан будет на троне после смерти отца.

Это будет скоро. Он был старым. Лет пятнадцать еще. Или двадцать. Это не так долго, да? А казалось долго. Стефан хотел власти сейчас. Он знал, это его судьба. И теперь его ждала невеста в крепости. Он старался не думать о том, как она скривилась. Он подумал о ее пухлых губах и запахе ванили. О ее блестящих волосах и невинных глазах. Да, он женится на ней как можно скорее, и она быстро забеременеет. Он был рад, что она его невеста.

— Он будет рад показать путь по Долине теней к горам, — сказал Рамсиран.

— Хорошо, — ответил Стефан. — Жано, мне нужна лошадь. Монтано, сообщи генералу Тике и генералу Корену, что мы отправляемся к Пепельным горам.

Оруженосец Стефана, Жано, нервный мальчишка с веснушками, поспешил готовить лошадей. Он трижды говорил Стефану на корабле, что звери беспокойны. Может, путь в горы их успокоит.

— Тогда тут я прощаюсь, Ваше высочество, — сказал лорд. — Жаль, вы не присоединились к нам в Золотом замке. Может, на обратном пути. Я бы поехал с вами, но путь будет тяжелым, а я слишком стар для такого.

— Не хотите приключений, лорд Рамсиран? — Стефан ухмыльнулся. — Что ж, удачи. После победы над грязными менти, спрятавшимися трусливо в горах, я навещу вас.

Лорд Рамсиран посерел, его губы дрожали, пока он пятился.

— Погодите, — крикнул Стефан и вытащил из кармана документы с подписью и печатью короля Эстала. — Документы от отца.

Лорд Рамсиран поклонился, забрал свиток и убежал, и Стефан смотрел ему вслед с довольным видом. Мужчина понял, у кого сила. У Стефана сила.

— Ваше высочество, было бы лучше провести ночь в таверне, — предложил страж, чье имя Стефан забыл. — Простите, но люди устали, и лошадям нужно отдохнуть. Говорят, долина длинная, и там жарко. Мы нагоним, если...

— С нами будет торговец с припасами. У нас есть палатки, вода и оружие. Нет причины медлить, — ответил Стефан. Он не видел, как полторы тысячи людей будут спать в Золотом порту. Они могли устроить лагерь рядом, но Стефан этого не хотел. — И не перечь мне, — Стефан посмотрел на него свысока. Страж был красным, рыжим, но больше не возражал. Стефан взглянул на Миккела, тот одобрительно кивнул.

Так Стефан будет править, твердой рукой и сильным голосом. Он не потерпит возражений. Если этот страж усомнится снова, его побьют, а то и убьют для Аниоса. И он выпьет его кровь и примет его силу...

Оруженосец вернулся с лошадьми, торговец готовил телегу, и Стефан ощущал покалывание от волнения. Скоро они отправятся в путь.

Стефан решил объехать на лошади порт, генералы сошли с кораблей с людьми и

лошадьми. Брат Миккел ехал с ним, они купили вязкие сладости, которые понравились Миккелу, но Стефану показались приторными. Розовые кубики звались зукар, явно означали тут сахар. Когда люди были готовы, сласти уже давили на желудок Стефана. Он впервые ощутил груз его миссии. Теперь он видел ждущих его приказа мужчин и жалел, что съел третью конфету и оливки до этого. Он нахмурился и кивнул торговцу вести. Тот дернул поводья ослов, и они пошли из Золотого порта, оставляя запах гнилой рыбы позади.

Стефан был рад оставить шум и вонь. Он посмотрел на Пепельные горы. Вершины были заметны вдаль. Он смотрел на большой вулкан Зин, думал о его огненной силе. Стефан сам был как тот вулкан, готовый взорваться и показать миру свою силу. Они не думали, что это место займет он. Они недооценивали его. Избегали. Отец, Матиас, мать... Они относились к нему как к грязи, но он покажет им, из чего сделан. Он отогнал тошноту.

Они ехали на лошадях. Стефан чуть не слетел, когда его конь вскочил, как змея. Он сжал поводья и склонился, но руки дрожали. Лошади были нелепыми существами. Он их ненавидел. Но в телеге сидеть не хотел. Он должен показать силу. Он не собирался сидеть с мусором.

За бухтой почти ничего не было. Виллы и таверны закончились, и дорога вилась вдоль Темной реки к Долине теней. Стефан кашлял от пыли, поднятой телегой и лошадьми. Его шея горела под солнцем, он много пил из фляги с виной. Ощущение силы, что было у него при взгляде на вулкан, быстро погасло, оставив его раздраженным из-за климата Зантоса и полным сомнений насчет атаки на лагерь мятежников.

Они пересекли мост над Темной рекой, солнце опустилось за горы, и приятный ветер задевал воротник Стефана. Его конь плясал по мосту, борясь весь путь. К счастью, мост был прочным, с каменными башнями и крепким деревом. Стефан с трепетом поглядывал на быстрые воды внизу.

Но после реки Стефан узнал, как быть в тени Пепельных гор. Быстро наступила ночь. Они только смотрели на солнце, что опускалось за горы и красило небо в красный, как уже начали быстро возводить палатки в темноте. Его оруженосец бегал по долине в поисках хвороста. Стефан съехал с коня и обрадовался земле под ногами.

— Уведи эту гадкую лошадь, пока я не перерезал ей горло, — Стефан бросил поводья тому, кто был ближе.

Он ушел от коня, снял перчатки по пальцу за раз, повернулся к телеге и увидел, что торговец сидит там и улыбается. Он склонился, упирая руки в колени, поводья телеги свободно лежали меж пальцев. Ослы тихо стояли, потряхивая хвостами, отгоняя мух.

— На кого уставился? — спросил принц.

Но слова торговца Стефан не понимал. Дикарь. Как торговец мог не выучить общий язык? Он был дураком. Он поговорит еще с лордом Рамсираном и советом после миссии. Они посмеялись над ним, отправив его с таким дураком в путь.

— Я хочу к нему стража, — приказал Стефан. — Он не должен быть один.

Стражи, занятые палатками и кострами, уставились на Стефана с пустыми лицами. После мига колебаний один бросил хворост и прошел к телеге. Стефан подумал, что отцу стоит найти людей лучше для наследника трона. Эти не подходили.

Огонь горел, Стефан снял плащ и устроился в плохо установленной палатке. Он укутал тело в шерстяную ткань, чтобы защититься от холода. Что это за климат? Жара днем и холод ночью. И странные растения. Тут не было зеленых полей, как в Ланте или Кесталоне. Тут были только растения с шипами и сухая трава. Суровая страна. Пыльная и стойкая.

Оруженосец принес ему вино, оливки, финики в меду и хлеб. Он ел с братом Миккелом. Когда еда закончилась, Миккел рассказал ему все, что торговец сказал о горах.

— Он молчит, и я ему не доверяю, — сказал Брат. — Он отвечает о менти смутно, якобы он мало знает о мятежниках. У них шесть лидеров, он плохо помнит их вид, не то, что имена. Трое допрашивали его, их не больше тысячи. Они, как мы поняли, заняли холмы у гор. Мы должны ожидать магию огня. Некоторые могут менять лица, некоторые становятся зверями, как волки или змеи.

Стефан нахмурился, холодок проник в кости.

— Тысяча? Отец не говорил мне о количестве.

— Ах, торговец врет. Я не верю, что тысяча мятежников ждет нас в тени Зина. Врать не буду, бой будет тяжелым. У вас кавалерия, лучники и хорошие бойцы. На нашей стороне внезапность. Они не ждут сейчас атаки.

— Если не поняли, кто Лука, — сказал Стефан. — Лука знает, что мы идем за ним.

— Мы пошлем скаутов, — ответил Миккел. — Они тенями проникнут туда и узнают, сколько менти, — он похлопал Стефана по колену и встал со стоном. — Суставы ломит. Поспите, Ваше высочество. Утром всегда лучше.

Стефан не знал, как хорошее настроение так быстро испарилось. Три стража охраняли его палатку, хотя он не знал, зачем они в долине в забытом богом месте. Он вонзил пальцы в твердую землю, задумался, не спал ли Лука в этом месте. Не сидел ли его брат тут, думая о следующем ходе? Не ощущал ли себя слишком юным? Он вздохнул. Может, Миккел был прав. Он поспит и избавит разум от бесполезных тревог. Аниос не переживал бы из-за такого.

Его ждали шкуры в скрипящей палатке. Не кровать короля, но сойдет. Он сел на меха, начал снимать сапоги. Он перешел к правой ноге, когда палатка распахнулась, и нож полетел к нему. Стефан уставился на сверкающее лезвие, почти застыл на месте. Его ладони двигались сами, и пальцы как-то поймали запястье человека с ножом.

Лания Менти. Лания Менти.

Слова звенели в ушах. Он давил на запястье всем весом, но не мог убрать. Его колени не выдержали, он упал на спину, а нападающий стоял, давил весом на Стефана.

— Лания Менти! Лания Менти!

Они были криком. Слова вылетали изо рта торговца, он давил на нож, что был в дюймах от груди Стефана. Стефан впервые поднял голову и увидел гнев в глазах торговца. Вес мужчины давил на него, капля пота со лба торговца упала на щеку Стефана.

На миг Стефан подумал, что все кончено. Его руки пылали от усилий, нож стал еще ближе к его груди. Торговец стиснул зубы, слюна летела из его рта, но Стефан не мог умереть. Это была не его судьба. Он должен стать королем Эсталы, а грязный торговец ему не мешает. Он двигался быстро, хоть из последних сил. Поднял колени и ударил ими торговца, оттолкнул его, отпустил запястье и перекатился по мехам, отыскав меч в процессе. Стефан вскочил и выхватил меч.

Но торговец не сдавался. Он вопил странную фразу, поднял кинжал и бросился к Стефану, уклонился от меча и чуть не вспорол принцу горло. Стефан отклонился, а потом поднял меч, отбив следующий удар. Он отбил и второй, палатка открылась, и вбежали стражи. Трое схватили мужчину, Стефан упал на землю от потрясения. Он тут же встряхнулся и поднялся на ноги. Принцы не падают от страха.

Брат Миккел ворвался в палатку.

— Ваше высочество, вы не ранены?

Стефану хватило сил, чтобы только покачать головой.

— Что он кричал? — спросил Миккел, двигаясь к торговцу, что был теперь схвачен, но смотрел на Стефана так, что тот нервничал.

— Лания Менти.

Торговец закричал, Монтано ударил его по губам. Торговец склонился, кровь текла изо рта.

— Да здравствуют менти, — сказал он. — Стоило понять, что торговец, что ездит к ним, будет верен менти.

Стефан ненавидел человека, что пытался убить его. Он ненавидел его за попытку убийства, а еще сильнее — за верность.

— Что с ним делать, Ваше высочество? — спросил Миккел. Глаза брата впервые загорелись после того, как они покинули Эсталу. — Аниос будет рад жертве.

Стефан посмотрел в глаза Брату.

— Я выпью его кровь этой ночью.

17

Лука

Таня, управляющая водой, во многом напоминала ему Матиаса, и только это видел Лука, когда сталкивался с ней. Он потирал запястье, пытался управлять дыханием. Джеральдо прижал его к земле и снял железный браслет. Теперь его тело пылало, и ручьи пота стекали по его вискам, пока он стоял под солнцем Зантоса перед противником. Таня не боялась, упирала руку в бок. Она была в коже, и только ее ладони и лицо были открыты.

— Я смогу отбить все атаки, — Таня направила вес на другую ногу и убираала грязь из-под пальцев.

— Я не могу, — сказал он. — Не буду, — он хмуро посмотрел на Джеральдо, мрачно стоящего сбоку.

Лука зря сказал брату Аксилу о том, что видел в ту ночь в палатке. Он решил, что нет другого выхода. Лука убежал как трус, стыдился этого, но он тогда увидел зло. Как отец мог причинять такую боль сыну каждую ночь? Он помнил запах горячей плоти, агонию на лице Нико. Он помнил, как Джеральдо заставлял Нико исцелять свои раны. Это было неправильно.

Лука описал увиденное, и Аксил поговорил с Джеральдо о таком обращении с сыном. Пока Аксил ругал лидера лагеря, Лука послушно сидел в палатке, но все-таки выглянул, чтобы увидеть, что происходит. В тени лагеря он скрылся и смотрел, как Аксил ругает Джеральдо. Лидер только покачал головой в ответ.

— Ты знаешь, что нас ждет? Каждый раз, когда к нам приходят новые, растет шанс атаки. Люди Давэда могут уже идти по долине, а мы не готовы. Я требую многого от сильных менти лагеря, и сын — не исключение. Он не получит особого отношения, потому что он — мой сын.

— Он вообще не получает обращения, — рявкнул брат Аксил. — Мальчик заслужил отца, а не пытки.

Лука сжался в тених от ярости на лице Джеральдо. Ноздри мужчины раздувались, он ткнул пальцем в грудь Аксила.

— Ему нужно знать боль. Ему нужно знать ее и уметь исцелить, пока не поздно. Он не боец, понятно? Я должен как-то уберечь его.

— Почему он вообще должен сражаться? — ответил Аксил. — Пусть будет в стороне. На войне есть лекари. Они в лагере помогают раненым.

— Но он менти! Король Давэд не уймется, пока не убьет всех менти.

Лука увидел, как Аксил прищурился.

— Что ты знаешь о короле Давэде?

— Знаю его род, — сказал Джеральдо сильным голосом, но опустил взгляд и отошел на шаг от Аксила. — Он пытался стереть менти и попробует снова.

И Лука ушел. А теперь он стоял перед скучающей Таней и думал о том моменте. Джеральдо что-то скрывал от мятежников. И в разговоре он понял, что выдал намек брату Аксилу. Может, он знал отца Луки.

— Быстрее, — прошипел Джеральдо, отвлекая Луку от мыслей. Он стоял, скрестив руки, расставив ноги, и хмурился. — Таня, ударяй.

— Он не готов, — Таня вскинула руки. — Людо, загляни в себя. Что ты чувствуешь?

— Жарко, — признался Лука.

— Да, потому что ты не выпускаешь это. Ты держишь огонь внутри. Он готов к использованию, а ты сопротивляешься. Загляни в себя, и ты найдешь огонь.

Лука закрыл глаза на миг, но там его ждал Матиас. Он открыл их и задыхался.

— Расслабься, — сказала Таня. Ей было просто. Она всегда была расслаблена. Никогда не теряла самообладания. Лука всегда тревожился, вина сдавливала его грудь. — Расслабь конечности. Потряси руками и ногами.

Лука послушался, и Джеральдо расхохотался.

— Вот осел!

Но Таня закатила глаза.

— Не слушай его. Сосредоточься на дыхании. Расслабь тело и загляни в себя. Ты сможешь, Людо.

Джеральдо фыркнул.

— Ябеда ничего не может. Он не справится в сражении, — Джеральдо часто теперь так говорил. Он называл Луку ябедой и смеялся, когда он падал на тренировках. Лука оказывался против сильных противников, высоких и с опасными мечами. Он уходил спать в синяках, просыпался утром, и все повторялось.

Луке было все равно. Он заслужил боль.

— Нападай, Таня, — приказал Джеральдо.

— Он не...

— Нападай!

Струя воды ударила Луку в грудь, сбив с ног. Таня отозвала воду и держала ее шаром в руках. Лука поднялся. Она забрала воду из его одежды. Он потрясенно похлопал себя.

— Сухой — подмигнула Таня. Она покружила шар воды в руках. — Хочешь делать так с огнем? Старайся.

— Еще, — приказал Джеральдо.

Струя ударила Луку раньше, чем он успел уклониться. Он ударился о землю, поднялся на ноги и глубоко вдохнул.

— Еще!

Лука упал на живот, вода пролетела над головой.

— Неплохо, — отметила Таня.

— Ты не можешь только уклоняться, — сказал Джеральдо. — Нужно биться. Ябеда

думает, что обойдется. Ябеду так убьют, — Джеральдо радостно улыбнулся.

Лука сжал кулаки. Лихорадка стала сильнее, слова Джеральдо ранили. Он ненавидел мужчину. Ненавидел почти так, как себя. Джеральдо был жестоким, мстил, и скоро он сорвется.

— Используй этот гнев, Людо, — поддерживала Таня. — Используй на мне. Я все отобью. Я — вода. Я уничтожаю огонь.

Но Лука не мог забыть сожженный труп на полу комнаты. Он не мог забыть тот момент. Запах горелой плоти, облегчение, сила, что делала его сильным, спасла его жизнь... забрав другую. Он больше не заберет жизнь.

— Целься выше, — приказал Джеральдо. — Нападай!

Таня вздохнула, но бросила в него воду снова. Лука попытался уклониться, но Таня направляла воду за ним. Вода не толкнула его, а окутала, заковав в жидкость.

Лука запаниковал, холодная вода лилась в нос и горло. Ужас наполнил его, и он понял, что не может дышать. Он размахивал руками, пытаясь вырваться. Он кашлял, легкие пылали, он безумно дергался, но вода не отпускала его лицо. Казалось, так было часами, и Таня отозвала воду, Луку стошнило до боли в животе.

— Как ты могла? — закричал Лука. — Как ты могла так со мной?

Таня отвела взгляд, перебрасывая воду из руки в руку.

— Ничего личного. Это тренировка. Мы все это проходили. Это сложно, но нужно пробовать. Будет проще, если ты нападешь.

Лука повернулся к Джеральдо.

— Ты...

— Что? — спросил Джеральдо. — Что я, ябеда? Еще!

Лука уклонился, но вода догоняла. Он упал на колени, вскочил на ноги. Он пригнулся, вода — с ним. Он пытался прыгнуть влево, но вода легко окружила его, поглотила. Он не мог дышать. Джеральдо хохотал, а Лука снова барахтался. Хоть он знал, что это не поможет, Лука невольно махал руками, не мог успокоиться.

— Дальше, — приказал Джеральдо.

Вода искажала голос Джеральдо, Лука плохо видел из-за водоворота перед глазами. Вода текла в его нос, стекала по горлу. Он не мог вдохнуть, легкие горели. Он кашлял водой, падал к земле.

— Дальше, — приказал Джеральдо.

Лука понял, что ничего не может. Пальцы впились в землю, под ногти забились грязь.

— Нет! — Таня отозвала воду, и ослабевший Лука кашлял на земле. — Хватит.

— Я скажу, когда будет хватит, — рявкнул Джеральдо.

— Он тонул. Я не буду убивать его, Джеральдо, что бы ни было со мной и с нами.

Руки Тани подняли Луку. Он попытался встать, Джеральдо ушел от них. После этого Лука поспешил к палатке, где Джеральдо оставил его железный браслет. Ноги дрожали, Таня поддерживала его, помогала, когда он спотыкался. Девушка успокаивала Луку, и лихорадка отступала. Вода для его огня.

— Ты бы лучше пытался перед ним, — сказала Таня.

Лука нашел браслет на столе с тренировочными мечами. Он надел его на запястье, и лихорадка тут же рассеялась.

— Не буду. Я слишком опасен.

— Может, — сказала Таня. — Но не в лагере. Тут все менти. Если думаешь, что мы это

е проходили, то ошибаешься.

— Ты делала что-то плохое? — рявкнул Лука. Он не представлял, как Таня навредила бы кому-либо.

— Я чуть не утопила родителей. В деревне был потоп, а я не могла управлять силой. Я направила почти все реки через мою деревню и мой дом. Они нашли братишку пару дней спустя, почти утонувшего, голодного, застрявшего на дереве. Люди потеряли дома и вещи, а все из-за того, что моя сила призвала реку. Мои родители чуть не утонули в своем доме, когда вода сломала стены. Все было из-за меня, я это ощущала. Вода нашла меня и окружила, как лидера.

— Что ты сделала? — спросил Лука.

— Я призналась Престису. Он священник, — она провела рукой по коротким кудрявым волосам. — Он сказал мне, что я — менти, и это не священо. Менти — инструменты варварского бога, рожденные магией.

— Даже в Зантосе менти запрещены?

Таня кивнула.

— Они ненавидят нас, как в Эстале. Я пошла в слезах к маме, и она отослала меня к Джеральдо. Он забрал меня, кормил и одевал. Другие менти стали мне семьей, а не родители. Ты это поймешь. Прошлое тут неважно. Все мы ошибались. Важно будущее, и у тебя его не будет, пока ты не совладаешь с огнем.

18

Рева

Рева ворочалась во сне, ей снились чешуя и крылья, что тянулись вдаль. Ее муж выбрался из земли, его серая плоть гнила. Эмми лежала в его руках, кровь текла из раны на груди, а сестра Валерия была их хлыстом. Рева развела ноги, и выбрался ребенок, но его нельзя было назвать человеком. Это была змея, уродливая и в чешуе, с острой головой и языком, красным, как кровь.

Сны терзали ее каждую ночь. Порой снился Лука под солнцем, протягивающий руки. Она шла к нему, но солнце сжигало его до пепла.

Она видела во снах смерть родителей. Она видела Франциса, Эмми, Луку и всех, кого знала, умирающими. Ей снились ее мертвые дети, те, кто так и не вдохнули. Ей все они снились, и она просыпалась уставшей сильнее, чем перед сном.

После двух дней дрожи в панталонах и взглядов стражей сестра Лори дала ей новую тунику и повязки на ноги. Рева редко пересекалась с сестрой Лори, но та казалась не такой жестокой, как сестра Валерия. Рева была рада, что не пришлось воровать тунику и вызывать гнев Розы или сестры Валерии.

После случая с Розой и туникой Рева узнала о Розе больше. Девушка была в садах почти пять лет. Лотти рассказала ей о маленькой группе Розы, как они издевались над другими пленницами. Они все время докладывали сестре Валерии. Роза была главной в группе трех или четырех девушек. Лотти рассказала Реве, как Валерия награждала других, делая их Сестрами. Они ходили по Эстале, искали других женщин и девочек для Садов. Только Роза осталась глазами и ушами сестры Валерии среди пленниц. Роза была верна Валерии и надеялась стать сестрой.

Карина молчала днями. Она работала с Лотти в башнях, где могла двигаться медленнее и без хлыста Валерии. Ей лучше было держаться подальше от глаз сестер, но Реве не хватало ее голоса. Она привыкла к болтовне Карины, ей даже нравилось. Рева больше не завела

друзей. Она была той, что работала в панталонах и с голой грудью. За ее спиной шептались, она не думала, что говорят хорошее. Но это того стоило. Она не только помогла Карине, но и помогла себе. Она вернула кусочек старой Ревы.

Время храбрости, и Рева так и вела себя. Эмми знала, когда быть храброй, и в трудное время Рева думала о ней. Если бы она еще знала, как быть храброй во время кошмаров, она бы просыпалась отдохнувшей, а не истощенной.

Рева терпела дни, ее тело двигалось само, разум слишком устал. Сестра Валерия ходила за ней почти каждый день, давала дополнительные задания. Реве доставалась худшая работа: чистка свинарника, туалета, курятника. Она уходила спать, и от нее воняло тремя видами отходов. Но даже тогда она думала о Карине, о своем триумфе, когда она нашла кусочек себя.

Кусочек. Маленький и незначительный, но большой для нее.

На пятнадцатый день в Садах Аниоса Карина пошла за ней в свинарник.

— Я с тобой сегодня, — сказала девушка.

Рева кивнула.

— Ты худая, — отметила Карина. — Ты исхудала от тяжелой работы.

— Валерия всюду следит за мной, — Рева толкала навоз к углу, как делала каждое утро.

— Ее сегодня нет.

Рева вскинула голову. Она посмотрела туда, где часто стояла и смотрела Валерия. А потом оглядела двор, проверила все углы и тени: закуток у курятника, дверь башни стражей, арку под залом сестер. Сестра Лори медленно брела по двору, кивая пленницам. Валерии не было.

— Может, надоело тебя пытаться, — отметила Карина. — Ты ведь хорошо справлялась.

— О чем ты? — спросила Рева.

— Ты делаешь все, что она поручает, без возражений, и делаешь хорошо. Жаль, ты при этом истощаешь себя. Ты так рухнешь и не встанешь. Ты хоть спишь?

Рева пожала плечами.

— Мало.

— Хмм. Так и думала. Я видела, как ты ворочаешься ночью. Сны точно не о рыцарях и летней свадьбе. У тебя кошмары, ты загоняешь себя работой и плохо ешь.

— Нас плохо кормят.

— Да. Это не изменить, но я могу помочь с работой. Стой. Я уберу в свинарнике.

— Но...

— Райна, ты не понимаешь. Не двигайся. Ты даже сейчас двигаешься.

— Сестра Валерия...

— Райна, пользуйся моментом! Отдыхай!

Рева скривилась от имени, но отложила лопату и отошла, пропустив Карину. Райна не было плохим именем, но ей не нравилось врать Карине. Она уже хотела открыть ей правду, рассказать о себе, но закрыла рот. Нельзя. Она даже не могла произнести свое настоящее имя вслух, хотя порой мысленно произносила его. Рева Авалон. Авалон. Не Унна, не Райна. Рева Авалон.

Остаток дня Карина рассказывала Реве истории, пока убирала навоз свиней. Они говорили о менти и об их силе. Некоторые истории звучали знакомо для Ревы. Она даже видела, как мама сидит у ее кровати и рассказывается ей о водной принцессе Островов насекомых, которая потоком утопила изменившего ей возлюбленного. Она забыла об этой

истории, но Карина напомнила.

— Ты знаешь о Драконьих королях? — спросила Карина.

— Все знают, — сказала Рева. — Несра был последним, оттуда и название крепости, — она не стала рассказывать Карине, как жила там когда-то.

— Ты не знаешь всего. Я слышала историю от огненного менти. Они все знают о Драконьих короля.

— Тогда рассказывай, — Рева прислонилась к изгороди, прогнав поросенка.

— В древние времена Эсталой правили четыре Драконьих короля, каждый в своем углу королевства. Ато правил Банитой, он был высоким и худым как человек, но большим серебряным драконом с синим огнем, когда превращался. Дрейк правил Ирринтией. Он был бледным с золотыми волосами как человек, но изумрудным драконом с шипами на голове и желтым, как солнце, огнем. Несра, король Кесталона, был со смуглой кожей, был красивым мужчиной, но выдыхал белое пламя, когда был драконом с черно-синей чешуей. А Эсто правил Лантой. Говорят, его кожа мерцала медью, глаза были карими. Он становился золотым драконом, его чешуя сияла как металл, огонь был оранжевым.

Рева поежилась. Она родилась в Ланте. На берегу Фиурин был ее дом. Золотой дракон когда-то правил там.

Карина бросила навоз в телегу. Она вытерла пот со лба, размазывая грязь, опустила лопату и прислонилась к ней.

— Драконьи короли были яростными, как их огонь. Они боролись между собой, но пришли к миру. Они оставили друг другу по уголку королевства, не трогали друг друга. Мир продлился какое-то время, пока их не нашла старуха. Эсто первым выслушал ее. Говорили, она спасла его сына от смерти, и король спросил, чего она хочет. Старуха сказала: «Служить королю своим разумом, ни больше, ни меньше». Эсто позволил ей сидеть в совете, хотя остальные советники были против. И старуха, морщинистая, страшная и с полным ртом гнилых зубов, советовала королю Ланты, как править королевством. Она льстила, и король Эсто считал ее лучше других, — Карина цокнула языком. — Не стоило, потому что у старухи были свои планы на него. И на королевство. Она шептала на ухо Эсто день и ночь, что он — истинный правитель Эсталы. Что другие короли плохи. Что они бедные, заставляют народ голодать, что они слабые и ужасные. Старуха сказала Эсто, что Ато нужно убрать первым. «Он дурак, — сказала старуха. — Жестокий дурак без друзей. Ты легко убьешь его». Эсто послушал ее. Он встретил Ато в воздухе и уничтожил его огнем. Это разрушило мир между королями. Дрейк и Несра объединили силы и напали на Эсто. Хоть у Эсто была и армия Ато, он все еще был в меньшинстве. Кровавая битва чуть не уничтожила Ланту.

Одна из сестер прошла близко к свинарнику, и Рева тут же начала мести солому к груде навоза. Карина бросала навоз в телегу. Рева увидела, что сестра ушла, и повернулась к Карине.

— Что произошло с Лантой?

— Ну, — Карина чуть запыхалась от работы. — После войны старуха пошла к Несре и сказала ему, что Дрейк собирает армию с его сыном, принцем Аррином, что становился драконом с рубиновой чешуей, во главе. Она шептала Несре, как тогда Эсто, пока паранойя не достигла предела, и Несра напал на своего союзника Дрейка. Но старуха была умной, она уже побывала у Дрейка и сообщила об атаке. Дрейк был наготове. Армии бились яростно, Дрейк и Несра потеряли сыновей. Принца Аррина убил сам Несра. На кровавом поле боя два дракона полетели друг к другу, бились когтями. Желтый огонь Дрейка столкнулся с белым

огнем Несры, их изумрудные и синие крылья взмахивали, пока они дрались. Говорят, люди слепли, если смотрели на яркий огонь драконов. Желтый огонь сжигал леса, а белый — таверны. Они бились днями, чешуя годами потом лежала на полях.

— Кто победил? — спросила Рева.

— Оба умерли. Одолели друг друга, превратились в людей и упали с неба.

— А потом? — Рева думала, что знала ответ, но хотелось услышать конец истории.

— Старуха нашла новое ухо. Человек, лорд с замком и людьми. Он был выбран Просвещенным богом. Они вместе создали новый мир, новую религию, что больше не была основана на пламени, а родилась из пепла драконов. Они обещали убрать магию, что уничтожила Эсталу. Больше жадные драконы не будут издеваться над людьми. Люди сами разрушали замки и боролись за рубины и бриллианты. Новый король уничтожил все замки, кроме крепости Несры, который оставил как символ того, что было. Он построил Торговый путь, чтобы север и юг торговали.

— Король Митрин, — прошептала Рева.

— Что?

— Так его звали. Король Митрин I. Предок короля Давэда.

— Да, — сказала Карина. — Ты знаешь королей. Наверное, узнала от лорда-отца, — она подмигнула Реве и продолжила убирать лопатой навоз.

Рева мела дальше. Может, Карина рассказала правду, она не знала всех деталей. Их имена, старуха. Ей говорили, что короли-драконы были злыми, правили Эсталой, убивая ее. Это было так, но история Карины сделала их... человечнее. Они хотели власть, как люди, это привело к войнам, и это не была бездумная тяга дракона к жестокости.

— Карина, — сказала Рева.

Девушка подняла голову и улыбнулась.

— Ты видела следы на моем животе.

— Да, — сказала Карина. — Мне жаль. Не представляю, как ты скучаешь по ребенку, — Карина прикусила губу и покачала головой. — Многие женщины бормочут имена во сне. Почти все, скорее всего, имена детей.

— Мне нечего шептать, — призналась Рева. — Мои дети даже вдохнуть не смогли. Я не смогла родить их... живыми.

Карина сжала руку Ревы. Этого хватило, чтобы вызвать слезы Ревы, но она сморгнула их и отпустила руку Карины. Она буркнула, что их увидят сестры, но голос был сдавленным, а сердце — переполненным.

На обратном пути в их зал, похожий на камеру заключения, она заметил, что остальные отворачивались. Никто не говорил. Только прачки болтали, как подруги, пока все даже в глаза не смотрели. Девушки тихо прошли к местам для сна, сестры заперли их в длинной камере без окон.

Женщины улеглись, Рева хотела что-то делать. История Карины тронул ее. Она думала не о королях, а о том, как слушала Карину. Она хотела услышать голоса всех женщин в тюрьме. Она хотела узнать их и их истории. Откуда они были? Как оказались в Садах Аниоса?

Она села на своей груди соломы.

— Меня отдали лорду, когда мне было тринадцать. Я была ребенком, а стала призом за его работу на другого человека. Мой муж был солдатом. Требовал послушания. Если я ошибалась, меня били. У меня был лишь один долг: родить ему наследника, но я не смогла.

Я не родила живого ребенка. Вы видели мое тело. Видели мои шрамы. Я теперь женщина, не с потерями и болью. Меня лишили родителей в детстве. Я познала горе, как и все вы. Меня почти всю жизнь обещали другому, пока не отдали моему мужу. Он был другом, остался в моем сердце. Я знала любовь, как и все вы. Я пленница, как и вы.

Она замолчала и дрожала всем телом. Она легла и скрестила руки, чтобы согреться. Холодно было не из-за ночного воздуха, а из-за тишины. Никто не двигался, не говорил. Зал ночью еще никогда не был таким тихим, всегда шуршали, кашляли и храпели пленницы. Но минуты казались часами, ведь шума не было.

А потом заговорила женщина, разбивая тишину дрожащим голосом:

— Его звали Сэм, и я любила его. Нам было пятнадцать, мы встречались за конюшней, говорили и порой целовались. О, я любила говорить с ним и целоваться. Он хотел больше, но я говорила ему ждать, пока мы не поженимся. Я знала, что мы поженимся, когда подрастем. Он был конюхом лорда Тики, отец одобрял. У него была работа, а мы были бедными. Отец работал в кожевенной, а мама была слугой, но детей было столько, что еды не хватало. Конюх был хорошей работой, и лорд был хорошим. Лорды хорошо обращались со слугами, ценили верность. А потом начался мятеж, и люди короля пришли в нашу деревню, потребовали хлеба и эля. Мы приняли солдата в доме, отдали ему кровать, остальные из нас спали на полу или на улице, когда было тепло. Он мне не нравился, как и его взгляд на девушек, словно мы — его ужин. Ему нравилось, когда я приносила ему еду, он заставлял меня стоять и ждать, пока он ел. Через месяц, когда мятеж закончился, он сделал предложение отцу. «Пять золотых за девочку с зелеными глазами». Я молила отца не отдавать меня, но пять золотых могли кормить семью месяцами. Мама выгнала меня за дверь и закрыла, Роберто закинул меня на плечо. Он бросил меня на лошадь и уехал со мной. Я помню, как смотрела, как мои слезы катятся по седлу, пока мы уезжали из дома, моей деревни и от моего Сэма. Не знаю, как он повел себя, ведь я не смогла попрощаться, — голос женщины дрогнул, никто не говорил, и она продолжила. — Через шесть месяцев после свадьбы с Роберто у меня вырос живот. Я знала, что беременна, видела маму такой. Но никто не говорил со мной. Никто не сказал мне, как будет, я ни с кем не говорила, не выходила из дома. А Роберто я начала надоедать. «Я не могу ложиться с толстухой», — сказал он и ушел искать наслаждений в другом месте. Я родила без него. Я кричала о помощи, и пришла жена мясника. Она перерезала пуповину кухонным ножом. Я все убрала и лежала в кровати с дочерью, ждала, пока Роберто придет, — она замолчала, Рева услышала всхлип и выдох. Она продолжила. — Кто-то в таверне сказал ему, что родилась девочка. Роберто разозлился, что не сын, и ушел с девкой из таверны. Я ждала и ждала с дочерью у груди, но он не вернулся. Он не оставил мне ни еды, ни денег. Я ходила от двери к двери, просила в деревне работу, но никто не брал мать с младенцем. Но в один из дней, пока я искала работу, я пришла домой, и дверь была забита. Новая семья забрала мой дом. Забрала и не отдавала. У меня не было денег вернуться к родителям. У меня была только плачущая кроха и вещи в сумке. Тогда меня нашли сестры. Они отдали малышку семье в моем доме. Они заковали меня в цепи и привели сюда. Я каждую ночь ощущаю холод в груди. Там спала Бекки. Там она опускала головку, засыпая. Они забрали ее у меня, но я была благодарна, хоть каждую ночь плачу из-за нее.

Рева вытерла слезы со щек, сжала себя крепче. Слова женщины тронули ее, и теперь она думала о своих потерях. Она хотела ответить женщине, но заговорила другая.

— Мне было пятнадцать, лихорадка забрала родителей. Я спала на улицах, пока ученик

целителя девятнадцати лет не сжалился надо мной. Он сказал, что ему нужна служанка в его комнату, пока он работает целителем. Он дал мне матрас в коридоре, кормил завтраками по утрам, и я старалась для него, убирала все, готовила еду и стирала одежду. Ночью мы стали говорить через дверь, пока не засыпали. Он рассказывал о своих родителях, которые были старыми и умерли незадолго до нашей встречи. Я полюбила его за все, что он дал мне, за его слова. Мы поженились через недели, и я была счастлива. Но все изменилось, когда я рассказала ему свой секрет. Я была осторожна. Я день и ночь носила железный браслет, чтобы не меняться. Я знала, что должна рассказать ему до свадьбы, но боялась, что он выбросит меня на улицу. Там было ужасно, я ненавидела молить, ненавидела холодные грязные ночи. Но я не могла жить с ним, не поведав свой секрет. Я не могла. И я сняла браслет и показала, кем была. Я стала собакой перед ним, пыталась показать, что не наврежу. Он испугался, не говорил со мной день и ночь, а потом все стало нормальным, хотя я боялась снимать браслет, — девушка всхлипнула и продолжила. — Сестры пришли за мной через неделю.

Рева хотела взять девушку за руку, но не знала, кто был в темноте.

Много историй звучало в ту ночь. Все страдали. Их били пьяные мужья, они голодали, их предавали любимые. Многих из-за того, что они менти, других из-за бедности. Но у всех были истории, и они говорили долго.

Рева была последней.

— Мы поделились секретами, это хорошо, потому что мы больше не будем одни. Когда вы во тьме, я обещаю всегда быть светом, ведущим вас, а вы — моим. Мы выжили, мы не должны забывать друг друга. Вы все дали мне силы, — она взяла ближайших за руки, услышала шорох тел вокруг нее. Они тоже брались за руки. Ее сердце согрелось.

19

Король Давэд

Кубок хорошего вина Ланты был нетронут на столе короля. Вино дрожало от шагов крупного мужчины по комнате. Король Давэд не мог сидеть, пока его третий сын был в Зантосе с батальоном. Вестей не было, а Стефан отсутствовал уже две недели. Он замер у стола, коснулся кубка и опустил руку. Нет, вино не поможет, и голова ему нужна ясной для вестей из Зантоса.

«Я должен знать, — думал он. — Должен знать, из них ли он», — если Лука менти, он сделает Стефана наследником. Он не мог перестать думать о Стефане. Может, зря он послал Стефана к мятежникам менти? Им владели эмоции. Он согласился слишком быстро. Стефан был плох в решениях, и он узнал, что брат Миккел поехал со Стефаном, хотя король просил порвать с гувернером связи. Он снова расхаживал. Орден тревожил, его власть росла. Три года назад, когда был мятеж менти, и карга сказала ему о пророчестве, он обратился к Ордену, растущей группе Просвещенных. Они ненавидели менти, как он, и у них были хорошие планы, как управлять ими.

Женщины беспокоили меньше. У них не было такого боевого инстинкта, как у мужчин. Они скрывали силы и старались жить неприметно. Но Давэд знал, что они все равно опасны, потому что согласился работать с Орденом. Они посылали сестер по Эстале, ловили женщин-менти, заковывали в железо и заставляли работать. Пленницы работали на земле, товары развозили по рынкам. Королю была выгода, от этого богатели и Орден, и корона, а менти подавляли. При мысли, что они могут родить больше, Давэду было плохо. Он даже позволял Ордену казнить менти и приказал Стефану убирать все, что осталось от менти после мятежа.

Король Давэд расхаживал и ждал вести. Когда слышался шум, он подходил к двери, но это советники просили печать на неинтересных делах о бюджетах и налогах. В конце дня Давэд прогнал всех и покинул покои и нетронутую еду на столе. Он взял с собой стража и пошел по лестнице Всевидящей башни, жалуясь из-за боли в суставах от каждого движения. Порой он не мог поверить, что так стар, и мысль, что он оставит Эсталу в руках Стефана, пугала его больше, чем боль в суставах.

Страж карги открыл дверь, и он прошел в мрачную башню с лучиком света.

— Месяц еще не прошел.

Женщина стояла спиной к ним, что-то мешала в миске. Давэд зажал рукавом нос от вони.

— Отходы не убирали два дня, Ваше величество.

— Я скажу страже, — ответил король.

— Хорошо.

Она не повернулась к нему. Он шагнул, желая развернуть ее. Женщина должна повернуться и говорить с королем, выразить уважение. Но он не повернул ее. Он замер в паре шагов и вздохнул.

— Вы хотите знать, кто убьет вас, — сказала карга. Ее ложка задела дно каменной миски, пока она мешала. Часть ее смеси пролилась, и король увидел. Содержимое подозрительно напоминало кровь и кишки, король быстро отвел взгляд. Он снова закрылся рукавом. Давэд давно не ощущал запах крови, кишок и фекалий. Только на поле боя, и он не любил войну. Король мог держаться позади, отдав бремя генералам и сыновьям. Он так и делал, отдав приказы. Он не любил сражения.

— Это будет мой сын?

Карга замерла, опустила ложку в миску, и король ощутил холодок, бегущий по венам. Но она не повернулась и не ответила.

— Это будет мой сын? — повторил он.

— Вам нужно знать точно, — медленно ответила она. — Взгляд так не работает.

Давэд недовольно выдохнул. Почему Карга всегда говорила загадками?

— Ты пришла с пророчеством, что меня убьет менти и захватит мой трон. Я хочу знать, что за менти меня убьет.

— Вы уже спрашивали, и ответа не было, — в голосе карги было предупреждение, Давэд не слышал этого раньше, и ему не нравилось. Она стояла спиной к нему, и он не видел ее лица.

— Ты что-то знаешь, — он коснулся ее плеча, чтобы развернуть, но карга ускользнула, двигаясь быстрее, чем он ожидал от нее. — Приказываю рассказать мне.

Он прошел за Каргой по комнате. Он должен был схватить ее и заставить рассказать все, что она знает. В горле пересохло от волнения. Старуха ускользнула от его пальцев, а он думал о Луке, самом слабом и очаровательном сыне, менти и о том, кто убьет его. Хотел ли он знать? Да? Наверное, да, и ответ должен быть решительным да, которое отразится от гор — да, да, ДА — потому что он не прекращал гоняться за старухой по комнате. Ведро с помоями опрокинулось, и он закашлялся от запаха. Она сбивала стулья, бросила каменную миску на пол, упала на колени, когда он загнал ее в угол.

— Что ты знаешь? — он возвышался над ней, схватил ее за костлявые плечи своими большими ладонями. Запах был уже не таким плохим, или он уже привык, или ему было плевать. — Это Лука. Лука убьет меня.

Карга не ответила. В старых глазах стояли слезы. Она запела старую песню на языке, что Давэд не знал. Он знали лишь, что это магия. Он закрыл уши, а песня двигала его. Он отшатнулся от карги и закрыл глаза, ведь они обманывали его. В углу он увидел красивую девушку с медной кожей и карими глазами. Он потрясенно тряхнул головой. Карга словно как-то соблазняла его. Он открыл глаза, там сидел Лука в голубых одеяниях, с короткими волосами и осунувшимся лицом. Король отшатнулся и чуть не упал на колени. Теперь там был Стефан, красный язык его мелькнул меж губ.

Король не мог выдержать. Он не видел сыновей такими. Ведьма пугала его. А если она — менти, что убьет его? Он оглянулся на дверь. Где страж? Он был заперт? Пот заливал глаза. Он сжал руками шею Стефана. Он давил пальцами, пока песня карги не прекратилась, пока ее глаза не выпучились, пока она не осела на пол, сдувшись. Она была мертва. Он убил каргу.

Давэд осмотрел комнату, пролитое содержимое миски, ведра с помоями, лужу мочи. Он склонился, его стошнило. Закончив, он встал, стукнул в дверь дважды. Страж тут же открыл, наверное, запертая дверь ему показалась. Это все была уловка.

— Убери тут. Я хочу, чтобы завтра комната была пустой и чистой.

Глаза стража расширились, он увидел мертвую ведьму на полу. Но потрясение стража быстро сменилось облегчением. Король не был удивлен. Маги, как карга, пугали людей. Почему он так долго хранил ей жизнь? Из страха. Он держал ее живой из страха.

Чего он теперь боялся? Король ушел, вспомнив видение девушки и двух своих сыновей. Чего бояться? Он должен был радоваться, как страж, но груз из груди не пропал. Смерть Карги не уменьшила бремя ее пророчества.

20

Лука

Ноги Луки погрязли в пепельной земле. Он шел, спотыкаясь, по холму, пока факелы лагеря мятежников не стали оранжевыми звездами внизу. Звезды сверху были меньше, но не менее красивыми, как белые угли, рассыпанные на небе.

Он три раза пытался снять железный браслет с руки. Первый раз смог спустить до костяшек, покачал головой, вернул его на запястье и пошел с холма. После пары ярдов он передумал и пошел к вершине холма. Он смог опустить браслет до пальцев, но вернул его, лоб был потным, а пальцы дрожали. А потом он стиснул зубы, говоря себе, что это смешно, и сорвал браслет с руки, сунул в карман штанов, пока не передумал. Он пришел сюда не просто так, и он не уйдет, пока не достигнет цели.

Браслет был снят, и он был менти, как Таня, Вин и Нико. Если Нико мог исцелять людей, то не все силы менти были злыми. Злой бог не дал бы людям силу исцеления. Хотя сила управлять огнем доброй не казалась. Может, он подумает иначе, когда овладеет ею.

Лука стоял, широко расставив ноги, и думал о словах Тани, когда начал тренировку. Она говорила ему сосредоточиться на силе внутри, это он и пытался сделать. Но было сложно сосредоточиться, когда жар растекался по телу, и он видел Матиаса в каждой тени.

— Лука, ты безумен, — сказал он вслух.

Его голос помог успокоиться. Он был здесь, существовал, браслет был в кармане. Пора учиться, на что он способен.

Сосредоточиться на силе. Что внутри? Жар. Хорошо. Это начало. Он будет думать о жаре и его значении. Жар давал ему силу, он знал это с того дня в своей комнате, когда думал, что умрет. Но сила вернулась в его тело в тот день, и в голове вспыхнул Матиас. НЕТ!

Он не будет думать о Матиасе, не сейчас, когда он один, а лагерь спит в палатках. Он далеко от них. Глупо думать о Матиасе. В чем смысл?

Он закрыл глаза и думал о жаре, текущем по его венам. Он думал о пепле под ногами, о вулкане, что когда-то извергал огонь на эти холмы. Он думал о силе внутри большого Зина, его тени на Зантосе. Он представлял себя вулканом, и его сила могла извергнуться в любой миг. Вулканы не могли управлять извержениями, но он не был таким. Он был человеком, а люди могли управлять собой, по крайней мере, большую часть времени. Нет. Все время, если он научится.

И он ощутил в себе большой шар энергии. Вот! Это оно! Сила уже начала формироваться. Ему осталось только выманить ее. Она вспыхнула и напугала его так, что он почти потушил ее. Но он дал части разрастись, добавил еще немного, потом еще, пока шар энергии не ощущался пальцами.

Лука глубоко вдохнул, энергия подступала все ближе к поверхности. Пот катился по вискам и спине, но он не стеснялся силы, как в бою с Таней. Он выманивал ее все ближе... и ближе...

Ву-у-у-ух.

Она вырвалась из него оранжевым потоком пламени. Вылетела так быстро и яростно, что Лука упал на спину, дрожа, как лист.

«Я — вулкан, — думал он, и стыд охватил его, остужая кровь. Его сила уже лишила другого жизни. Он встал на ноги и отряхнул пепел со штанов. Перед глазами плясали яркие пятна после вспышки огня. Откуда он вылетел? Из груди? Он на миг загорелся? Или из рук? Таня управляла водой руками. Лука даже не помнил, вытягивал ли руки. Он нахмурился, пытаюсь вспомнить действия. Огонь был так близко, ждал под кожей. И теперь... он ощущал себя наполненным. Дрожь пропала, лихорадка и пот — тоже.

Он закрыл глаза, Матиас появился и тут же пропал, стыд не беспокоил его желудок. Он подумал о спокойствии, что пришло от использования силы. Он думал о растущем шаре огня, что заполнял все его пустоты, что создала смель Матиаса, выжигая вину и стыд. Может, огонь не делал хуже, может, он исцелял так, как ничто не могло. Может, он избавится от плохих мыслей своей силой.

В этот раз, когда огонь попытался вырваться из него, он вытянул руки и направил его. Огонь вылетел из ладони, жаркий, быстрый и поглощающий, толкая Луку назад. Он смотрел, как огонь озаряет небо и угасает так же быстро, как появился. Он провел рукавом по лбу и глубоко вдохнул. Он все еще ощущал умиротворение в теле, но мышцы теперь болели иначе. Как на тренировке с мечом и щитом часами, но тут было тяжелее. Он сел в пепел, холодный воздух ночи поднимал волосы на его шее. Он встал и посмотрел на лагерь внизу. Через пару часов взойдет солнце, жар будет давить на них, и он будет махать мечом. Его поставят перед Таней показывать силы. Одно дело создавать огонь на вершине холма, но целиться в Таню — другое.

Или... мысль была мимолетной, но была. Он покачал головой. Он не мог. Он подумал еще. А если он уйдет? Сейчас. Остальные спят, его не заметят, раз не увидели, как он забрался на холм. Он возьмет осла и уедет к Золотой бухте или заберется на Пепельные горы и заглянет в жерло Зина. Он подумал о безумной истории, что Нико рассказал ему в тот день, когда они резали оливки для ужина.

— Знаешь о драконьих королях? — спросил Нико.

Лука знал немного, но это не рассказывали в крепости Несра. Его отец ненавидел

любые упоминания о менти, хотя ему нравилось, что его предок Митрин захватил крепость век назад.

— Говорят, оборотня-дракона не было годами. Но когда проснется следующий, проснется и Зин и покроет мир пеплом.

— Что было, когда произошло первое извержение? — спросил Лука.

— Под этим пеплом город, — Нико разрезал лимон пополам и выдавил на оливки. Он огляделся, не увидел Джеральдо и сунул одну в рот, предложил одну Луке. — Все сгорели.

Лука стоял на холме и смотрел на лагерь внизу, дрожа. Все сгорели. Может, он пока не мог убежать к вулкану. Может, стоило остаться с мятежниками и научиться использовать силы менти.

Он передвигал ноги, спускаясь по холму к лагерю. Было непросто. Он не понимал, как сильно ослабила его тренировка. Он три раза споткнулся, один раз упал на колени. Он встал на ноги, оглянулся, нахмурился и пошел дальше.

Сверху были только звезды, ни облаков, ни летучих мышей, ни птиц. И ветер. И он оглянулся, увидел только Зин и несколько дрожащих деревьев. Но кожу покалывало от ощущения, что за ним следят. Ветер подхватывал пепел. Лука укутался в одежду плотнее, поспешил, игнорируя боль мышц. Зря он пришел сюда ночью. Утром он будет уставшим, и Джеральдо захочет знать, почему. И он поймет, как всегда. Лука терпеть не мог его пронизательный взгляд, то, как он улыбался, будто все знает, будто у него были видения. Он явно все знал, всегда произносил «Людо» с презрением, словно знал, что это не настоящее имя. Кто знал, что ждало Луку утром.

Он спешил по холму, хрипя. Было глупо так быстро бежать по склону, но Лука не переставал оборачиваться. Он пару раз видел силуэт в тенях. А если Пепельные горы с призраками? А если теперь его преследует призрак драконьих королей? Он покачал головой, прогоняя такие мысли. Это были глупые мысли мальчика, не мужчины, ушедшего из крепости в Зантос к мятежникам. Он уже не был мальчиком, нечего о таком думать. Но он шел к огням лагеря и заставлял себя идти спокойно, а не нестись, как испуганный пони.

Вид лагеря успокоил его грохочущее сердце. Его палатка была справа, он делил ее с братом Аксиллом. Дальше была палатка Джеральдо и Нико. Это не успокоило, ведь он сразу вспомнил, как Джеральдо клеймил сына, заставляя Нико лечить раны. После этого он еще меньше любил Джеральдо, но еще он знал, что такое безразличный отец. Жестокий был еще хуже. Нико не заслужил такого обращения.

Лука спускался к палатке. Он был в паре ярдов от нее, был готов упасть на шкуры. Но его радость жила недолго, сзади раздалось низкое рычание. Лука застыл. Он слышал, что в Пепельных горах живут горные львы, но они не осмеливались подходить к лагерю. Рычание гремело за ним, Лука медленно повернулся туда с колотящимся сердцем.

Все произошло так быстро, что Лука не понял, пока это не закончилось. Горный лев бросился на него, и он вскинул руку, защищаясь. Жар отбросил его на землю. Он повернул голову, яркий белый огонь ударил по льву в воздухе.

Но огонь не остановил льва. Огонь отскочил с его рук и попал по палатке Тани. Лука вскочил на ноги и закричал, ударяя по палатке:

— Огонь! — он вопил, пока не охрип. Таня выбежала из палатки, и Лука оказался в воде на обвалившейся палатке, половина лагеря смотрела на него.

Джеральдо вытащил его грубо из обломков и поставил на ноги.

— Маги огня, — ворчал мужчина. — Боль в заднице.

Истории звучали еще долго ночью. Не было имен или лиц, только истории, схожие и снова и снова. Рева уснула, сжимая руку девушки, но ночью рука выскользнула, а ей снилась крепость Несры. Ее босые ноги шлепали по плитке пола, она бежала по коридорам, огибала углы, платье развевалось за ней. Ее пальцы обводили резные украшения, гобелены и каменные подоконники под окнами в форме арки. Так было в крепости летом, яркое солнце заливало комнаты, ветер трепал гобелены на стенах. Стражи стояли у тронного зала, алые плащи изящно ниспадали с их плеч.

— Я опоздала, — прошептала Рева и распахнула тяжелые двери зала.

Но комната была не длинным залом, как она ожидала. Не было короля, трона или подмостков, не было фресок на куполе потолка. Она осторожно прошла в маленькую тусклую комнатку. Ее руки помогали ей найти путь в темноте. Она знала, что должна вернуться, но она слепо шагала, пока не зажегся огонь, озаряя путь во тьме. Рева шла к свету, пока не поняла, к чему идет.

Лука стоял со свечой. Он был в красивом камзоле и с мечом, как в последний раз, когда она его видела, перед тем, как ее забрал Францис Унна со двора короля. Он был теперь старше, волосы стали короче, а под глазами пролегли круги. Глаза были печальными, хотя он улыбался ей. Она подняла юбки и побежала к нему, но Лука все время оказывался поодаль.

А потом она проснулась.

Утром в зале была напряженная атмосфера. Другие пленницы ерзали, собирали солому с каменного пола, кашляли, вставая с пола. Рева протерла глаза и посмотрела на других пленниц. Ничего не изменилось. Она вздохнула. Может, истории означали меньше, чем она подумала. Она встала на ноги, отряхнула с грубой туники солому и пошла к дверям, чтобы ждать, пока сестры их откроют. Когда двери распахнулись, и в душную комнату ворвался воздух, пленницы выстроились в очередь за куском сухого хлеба и чашкой воды, как было каждое утро.

Грудь Ревы сдавило. Это не жизнь. Это существование, и людей делали пустым местом. Она уже не была человеком, она была вещью для уборки навоза, чистки полов и сбора урожая. Все ее существование зависело от количества собранных оливок в конце дня или чистоты полов. Прошлая ночь должна была все изменить. Они должны быть вместе, а не порознь.

Она ела хлеб и пила воду, но это не радовало. Она пошла работать в свинарник, сгребала грязь. И когда днем она повезла телегу навоза к полям по двору, она заметила перемену. Был смех. Рева впервые в лагере слышала смех не сестер.

«Они говорят, — подумала она. — Говорят и шутят. Сработало!».

Она тянула телегу по тропе вдоль полей, кивала и улыбалась другим пленницам. Они кивали и улыбались в ответ. Это была победа, хоть и маленькая. Ее грудь стала свободнее.

Утро пролетело быстро. Рева работала одна, но ей нравился гул в тюрьме. Улыбок было больше, чем она могла сосчитать, женщины тихо смеялись. Сестра Валерия ходила по двору, хмурясь. Она замахивалась хлыстом на смеющихся, рывкала приказы, шипела. После обеда бульоном и битыми яблоками начались наказания.

Рева пришла во двор после чистки полов в башне стражей и обнаружила девочку, пристегнутую к столбику в центре. Ее туника была истерзана и в крови, что текла из ран на

спине. Рева бросила ведро и тряпку и побежала к девочке, но раздался треск, и ее спину обожгло.

— Куда собралась? — рявкнула Валерия.

Рева повернулась к женщине.

— Что вы с ней сделали?

— Наказала воришку, — улыбнулась Валерия.

— Всего один помидор, — прохрипела девочка.

— Это из-за одного помидора? — Реве было плохо.

Еще треск. Рева скривилась, но звук был издалека. И все же это точно хлыст бил по плоти.

— За работу! — закричала другая сестра, возвышаясь над сжавшейся в центре двора женщиной.

Рева хотела шагнуть вперед, но Валерия опустила костлявую ладонь на ее плечо и впиалась ногтями в ее плоть. Рева попыталась стряхнуть руку, и хватка стала сильнее.

— Мы даже перевести дыхание не можем? — спросила Рева. — Нужно, чтобы мы работали до смерти? Мертвыми от нас нет прока.

Валерия развернула Реву к себе лицом.

— Вас много. И всегда будет больше, и мы можем гонять вас, как собак. Возомнила себя особенной, торговка, но это не так. Девчонок менти еще десятки, и они ждут, пока их закуют в цепи. Я могу заменить тебя, когда захочу.

Осознание сбило ее, как бегущая лошадь. Все внутри трепетало от страха. Она смотрела на цепи на ее ногах.

— Верно, — продолжила Валерия. — Ты никогда не выберешься. Ты умрешь здесь. Идем.

— Что?

Валерия толкнула ладонью ее плечо.

— Иди.

— Куда я иду? — грудь сдавило, Рева не могла дышать. Что-то не так. Она оглядела лица пленниц во дворе. Холодные глаза и ухмылка Розы. Нет.

— Ты идешь со мной, — Валерия толкнула ее вперед, заставляя ноги Ревы двигаться.

Она шла рядом с Валерией под весом взглядов пленниц, следящих за ее шагами. Она могла лишь позволить гадкой женщине вести ее к западной башне стражи. Она увидела впереди здание, горечь поднялась в горле. Это было обычным делом, но Рева не слышала, чтобы так делали. Сестры говорили все время, что отдадут их стражам. Мужчины жили вдали от домов, круженные женщинами и девушками. У мужчин были свои нужды, сильнее, чем у женщин. Ее ноги не хотели двигаться. Она хотела убежать, но не могла.

— Не туда, — молила она. — Не в башню.

Но Валерия толкала ее, впиваясь костяшками в поясницу Ревы. Они были все ближе к башне. Валерия ударила хлыстом, Рева упала на колени. Сестра схватила ее за волосы и подняла на ноги. Она споткнулась, всхлипывая, Валерия втощила ее в башню. Рева прикусила губу и пыталась успокоить колотящееся сердце во мгле башни. Она обвила тело руками и дрожала под пронзающими взглядами стражи. Один оторвал взгляд от тарелки с персиком и инжиром и подмигнул ей. Другой перестал точить нож и голодно посмотрел на нее. Откуда они? Это воры... или хуже?

Но Валерия толкала ее дальше в узкий коридор с низким потолком, которого Рева легко

смогла бы коснуться, подняв руки над головой. Воздух был спертым и жарким, она едва дышала. Коридор спускался, факелы горели по бокам, огонь почти касался плеч Ревы, пока они шли все глубже в башню.

«Что это за место?» — думала она. Коридор привел к длинной комнате с камерами на одной стороне и стеной во влаге на другой. От запаха плесени, гнили и помоев тошнило. Валерия толкнула ее мимо камер, кивнула стражу за кривым деревянным столом у стены в каплях влаги. Он оторвал взгляд от ногтей, которые точил ножом.

— В камеру ее, — приказала Валерия. — В ту, что в конце.

Рева проследила за взглядом Валерии на деревянную дверь в каменной стене башни. Там было окно не больше буханки хлеба с решеткой и над дверью. Она поежилась.

— Хорошо, сестра, — сказал страж. Рева посмотрела на него. Ему было около пятидесяти, седина в бороде, морщины на лице. Но двигался он легко, держал нож, явно умея им пользоваться. — Идем, девчушка.

Он сжал ее руку, и Рева поежилась. Она старалась не смотреть на грязные пальцы. Она решила слушаться и идти со стражем к темной тяжелой двери в конце комнаты. Она обернулась и увидела улыбку сестры Валерии, скользившей пальцами по хлысту. Рева еще никого так сильно не ненавидела. Это ее даже пугало.

Страж отпер дверь двумя ключами, убрал тяжелый засов. Камера напоминала гроб, а не комнату, была не шире ее разведенных рук. Она не могла дышать, дверь захлопнулась за ней. Она говорила себе быть спокойной и смелой, но упала на колени и всхлипывала.

— Я хотела что-то изменить, — сказала она холодному каменному полу. — Хотела им счастья, — но принесла боль себе.

Она так и уснула, сжавшись и всхлипывая. Она не знала, сколько спала, но причиной была усталость. Все же она была лишь мешком костей после недель пути по Эстале в бегах от людей принца Стефана, а потом работы почти без еды и воды до боли в теле. Она была рада сну, рада тьме, что стерла воспоминания, хоть и на время. Только бы они стерлись навсегда, потому что боль от пробуждения была ужасной.

Камера была маленькой, и Рева не могла вытянуть ноги, так что проснулась от того, что их свело. Колени болели. Она встала на ноги и ходила по комнатке. Пять шагов. Это она проходила, двигаясь вдоль стен. И ее покои, что душили ее когда-то, не могли сравниться с этим местом.

Звон заставил Реву охнуть, она сразу подумала, что дверь открылась, но полоска света была маленькой. В щель упала чашка с водой, разливаясь на камни. Горло пересохло. Она поймала чашку в последний миг и быстро осушила остатки воды. А потом она схватила с пола плесневелый хлеб и проглотила с плесенью. Через час желудок заболел, ее чуть не стошнило, но Рева держалась, и позыв отступил.

Она сидела так долго, думала и слушала. Порой она слышала голоса стражей. Ей казалось, что дверь откроется, и она обвивала руками ноги и прижималась к стене, но никто не приходил. Она услышала, как стражи говорят о другом страже и сестре. Разговор был жестоким, Рева не знала, так ли это, она не могла представить сестру, поступающую так, как они рассказывали, но она и не думала, что сестры могут убить ее служанку и побить хлыстом девочку до крови.

Во тьме камеры Рева обрела ритм. Она сидела и слушала болтовню, в щель падали хлеб и вода, а потом она тревожно спала, и ей снились те, кого она знала: Эмми, Францис, Лука, родители и даже король. А потом она просыпалась с болью в мышцах и языком, прилипшим

к нёбу, такому сухому, что она подумывала слизнуть влагу со стен. После сна она ходила по камере до головокружения. А потом сидела и засыпала, пока ее не будил голод, пока снова не давали хлеб.

Порой было так жарко, и она потела, пока туника не застывала под руками, а порой было так холодно, что она сжималась в комок, обвивала себя руками, чтобы согреться. Когда пришла крыса, она накормила ее крошками от хлеба. Но когда она попыталась погладить крысу, та убежала в дыру, откуда пришла.

Рева играла с лучиком света, что падал из окна с решеткой на двери. Она поднимала руки и двигала их, ловя свет кожей, разглядывая слои грязи на себе. Она не знала, сколько времени прошло. Свет не угасал. Она не знала, приносили ли ей еду в одно время, или как захочется стражу. Она пыталась считать хлеб и воду, но быстро сбилась. Ее мысли путались, она не могла сосредоточиться на чем-то надолго.

Но ей повезло, что пришла Эмми. Она провела ладонью по груди Эмми, поражаясь тому, как ее хорошо подлатали.

— Было больно?

— О, нет. Может, лишь мгновение.

— Ты увидела семью?

— Конечно. Они обняли меня и сказали вернуться к тебе, ведь я нужна тебе.

— Ты всегда нужна мне, Эмми.

— Но так не должно быть, — Эмми опустила голову и пронзила Реву взглядом. — Тебе нужна ты и только ты. Кто тебе сейчас поможет? Кто спасет тебя? Кто поможет тебе?

— Ты, Эмми. Разве так было не всегда?

Эмми покачала головой.

— Почему ты не борешься, Рева? Ты всегда была в этом хороша.

— Я пыталась. Рассказала о себе. Мы... рассказали друг другу о себе, но вот, что вышло. Сестры запели меня тут. Я умираю. Я скоро стану костями на камнях. Я угасаю.

— Нет. Это не так. Я-то знаю о костях, Рева. Ты еще не кости. Ты знаешь, что делать.

— Да?

— Да. Ты знаешь, как сражаться. И как быть умной.

Эмми шепнула на ухо Реве.

И она услышала, как скрипит засов, ключ поворачивается в замке. Большая дверь открылась, два лица появились из коридора. Рева заплакала, когда Эмми пропала, оставив ее с сестрой Валерией и старым стражем с седеющей бородой.

— Она говорила с собой часами, — сказал страж.

Валерия улыбнулась Реве.

— Тебе пора уходить, торговка.

Сильная рука схватила Реву под рукой. Она пыталась встать прямо, но ослабевшие ноги не держали, и Валерия принимала ее вес. Рева поняла, что плачет, слезы капали с ее подбородка.

Она плакала, пока ее тащили до гостиной стражи, плакала, когда ее вытащили на солнц, и она зажмурилась от боли. Она плакала, пока ее тащили по двору, пока ее обливали холодной водой. Ей бросили чистую тунику. Она плакала, когда ее отвели в зал и бросили переодеваться.

Но когда сестра Валерия ушла, Рева перестала плакать и знала, что делать.

Стефан

Пот стекал по лбу, пропитал одежду. Солнце Зантоса все время поджаривало кожу Стефана, и он уже был похож по цвету на зелья брата Миккела. Он старался держаться тени, но так он был далеко от генералов, не слышал их. Впрочем, говорили они мало, ждали, пока скауты вернуться с миссии. Стефан с презрением смотрел на Долину теней. Она была слишком открытой и уязвимой. Они шли по ней днями, и он это ненавидел.

После смерти торговца Стефан отправил скаутов искать лагерь мятежников. Они сообщили, что батальон видно с утесов Пепельных гор, и это опасно. Мятежники заберутся выше в горы, если увидят всадников, лучников и остальных. И тогда они не смогут напасть внезапно. С одобрения брата Миккела они продумали путь, что скроет их из виду. Они все еще были открыты, но их не должны были заметить мятежники. Зато путь стал на три дня длиннее.

Его люди отдыхали меж двух холмов у Пепельных гор. Они обсуждали план атаки на лагерь. Они отправили скаутов во второй раз, чтобы узнать количество мятежников. Стефан боялся их слов, но был уверен, что мятежники будут плохо подготовлены. Он помнил, как его отец подавил мятеж, когда Стефан был ребенком. Мятежники не могли набрать силы, что одолеют его батальон.

— Стоит пойти между холмов к вулкану, — сказал генерал Корен. — Половину людей на восток, половину на запад, зажмем их в клещи.

— Нападем с двух сторон силой, — согласился Тика.

— Зачем? — вздохнул Стефан. — Они не готовы, их меньше. Мы их легко одолеем.

Генералы не слушали его.

— Не будьте так уверены, — тихо сказал Миккел.

Стефан не услышал, как подошел брат, но выпрямился, ощутив дыхание мужчины на шее.

— О чем вы? Мы знаем, что они слабы и неподготовлены. Отец разбил их при мятеже, оставив десятки. Это было четыре года назад, и они все время прятались в этом забытом месте. Они не могли набрать столько сил.

— Но они маги, — продолжил Миккел. — Маги непредсказуемы. Не надейтесь на победу, мой принц, ведь это может сыграть злую шутку.

Стефан закатил глаза и потер большой палец. Какое-то существо укололо ночью его большой палец. Укус мешал ему спать, но теперь он опух и покраснел. Миккел нанес мазь на рану, но легче не стало.

— Не бойтесь, Ваше высочество, — продолжил Миккел. — С правильным подходом, вы их сокрушите.

— Я не боюсь, — Стефан надулся, потирая палец.

— Они здесь, — сказал генерал Тика.

— Скауты? Вовремя, — принц Стефан встал в ряд с генералами и ждал двух юных солдат. Они выбрали юных и быстрых, работа требовала идти пешком и скрываться рядом с врагом. Но солдаты все равно опоздали.

— Ваше высочество, — низкому юноше было не больше пятнадцати, у него была оливковая кожа и темные глаза, поклонился Стефану и ждал сигнала. — Новости с востока лагеря. Я видел не больше сотни. Конечно, из них не меньше тридцати старых, детей или малышей. У них палатки, еда, они учатся. Юноши и девушки тренировались с мечом и щитом. И... — он замолчал. — Я видел их магию. Аниос, защити, я видел ее. Это жутко. Они

управляют воздухом, создают порывы ветра и сбивают других. Я видел, как девочка стала собакой, как воду бросили шаром.

— Видел брата? — спросил Стефан.

— Нет, Ваше высочество, но я и не видел лиц.

Стефан повернулся к высокому скауту девятнадцати лет с тонкими губами и острым носом.

— А ты? Что ты видел?

— Это же, Ваше высочество. С запада я видел их зверей, около шести ослов. Есть палатка с оружием, остальное то же самое. И был пожар. Палатка горела.

— Пожар, — Стефан потер большой палец. — И мой брат?

— Вряд ли, Ваше высочество. Может, он замаскировался. Там есть люди, что меняют облик. Это мерзко, Ваше высочество, это против Аниоса.

— Мятежников нужно стереть, — сказал генерал Корен. — После того, как мы найдем вашего брата, конечно. Будет сложно, если он скрыт. Я слышал, менти могут принимать облик друг друга. Как превращаться в зверя, но только в другого человека.

— Мы можем убивать магов, защищающих моего брата, — сказал Стефан. — Король сам так сказал. Мой брат не заслужил жить за то, что сделал с принцем Матиасом. Кто думает иначе — предатель.

Генерал притихли, скауты смотрели под ноги. Стефан наслаждался властью.

— Расскажите все, что узнали.

Скауты нарисовали на земле карту, генералы мудро кивали. Стефан смотрел на лиц Миккела, пока те говорили о тактиках. Он молчал, позволив опытным генералам принимать важные решения.

— Мне не нравятся их силы, — сказал генерал Тика. — Говорят, один менти может убрать десяток обученных солдат. Врут, наверное, но нужно быть осторожными.

— Эта магия не остановит воплощение Аниоса, — Миккел взглянул на принца Стефана.

— Конечно, — пробормотал генерал, его щеки покраснели.

Стефан нахмурился. Его люди должны были следовать за Аниосом, но они часто ввали. Ему не нравились эти генералы, но нужен был их опыт на поле боя.

— Возьмите хлеб, сыр, вино и все, что осталось в телеге торговца, и раздайте отрядам. Воду лошадям, люди пусть точат мечи. Мы нападём на лагерь ночью, не оставим никого в живых, — сказал Стефан. Генерал Тика открыл рот, но Стефан прервал его. — Мой брат уже не принц, не сын моего отца. Он — убийца и менти. Я требую его голову.

— Хорошо, Ваше высочество.

Они поклонились и поспешили передать приказы.

— Вы должны подготовиться, — сказал брат Миккел. — Нужно выпить зелье, и мы помолимся Аниосу.

— Согласен, — ответил Стефан.

23

Лука

Он проснулся от воды, льющей на лицо, стекающей в нос и горло. Лука сел и откашлялся, вытер воду с глаз.

— Решил, что тебе нужно остыть, — сказал Джеральдо. — Встань.

Переодеваться не требовалось. Лука уснул в одежде, что пахла дымом. Он скривился, встал, и руки обожгла боль. Он посмотрел на волдыри на ладонях и вспомнил прошлую ночь.

Он поджег палатку Тани, чуть не сжег весь лагерь.

— Да, — сказал Джеральдо. — Ты идиот. Железный браслет на тебе?

Лука посмотрел на левое запястье и кивнул. Глупо было возвращаться, не надев его. Он знал, как важно было управлять силой, но забыл об этом. Но будь он с браслетом, горный лев порвал бы его. Может, все было к лучшему.

Брат Аксил вырвался из палатки, Джеральдо отогнал его.

— Пусть мальчик отдохнет, Джеральдо. Ему нужно восстановиться.

— Что скажешь, Людо? Готов к наказанию за глупость?

— Все хорошо, гувернер, — сказал Лука. — Я заслужил наказание.

— За защиту себя и лагеря? Нет!

Джеральдо фыркнул.

— Хорошо же он лагерь защищал. Он чуть не сжег место и нас с ним. Отойти, старик.

Джеральдо толкнул Луку, но Аксил набросился на него.

— Не трогай...

Лука задержал дыхание. Аксил не мог раскрыть его сущность. Не мог.

Джеральдо прищурился.

— Давай, старик. Кого не трогать?

— Мальчик так юн, — Аксил нервно облизнул губы.

Джеральдо толкнул Луку к сгоревшей палатке Тани.

— Могу и буду, если он заслужил. Людо, вот работа, у тебя пара часов. Нико покажет, где материалы.

— Ч-что я должен сделать? — спросил Лука.

— А ты как думаешь, дурак? Построить подруге Тане новый дом. Чем лучше он будет, тем ей приятнее. Справишься?

Лука посмотрел на развалины палатки. Сухая трава почернела, тело горного льва было обгоревшей оболочкой. Запах сдавливал его желудок, напоминал о прахе брата. Но он взял себя в руки и думал о том, что поможет Тане. Она не заслужила такой дом. Она не сделала ничего плохого, он сам это сделал, и он восстановит, даже если придется работать всю ночь.

— Да. Я смогу.

Джеральдо шлепнул его по спине, но это не казалось угрозой, это было почти уважением. Лука склонился и начал убирать обломки палатки. Он работал методично, собирал в груды вещи, что Таня хотела бы оставить, а в другую то, что было уничтожено. Он оттащил горного льва от лагеря и закопал в земле и пепле. Пока он двигался, волдыри болели, трескались и кровоточили. Он привык дуть на руку, другой двигая обломки. Но когда дошло до строительства, ему нужны были обе руки.

— Дай посмотреть, — Нико махнул Луке вытянуть руки перед собой.

— Твоему отцу не понравится, — сказал Лука, потея от боли и солнца. — Он хочет моей боли, — но было так больно, что Лука вытянул руки. Наказание не причиняло столько боли, сколько ладони.

— Отец меня прислал, — сказал Нико. — Он не монстр, Людо.

Лука подумал об ужасах в палатке Нико и покачал головой.

— Уверен?

Лука вздрогнул, Нико обвинил ладонями его ожоги. Пока он исцелял его кожу, Лука выдохнул с облегчением, боль утихала. Лука понял, что Нико побледнел.

— Я должен быть сильным, когда будет война, — печально сказал Нико. — Их тысячи,

а нас сто. Я должен исцелять нас, пока мы не умрем. Отец это видел.

Лука резко повернулся к нему.

— Видел?

Нико провел рукавом по лбу и выдохнул.

— Я не должен был рассказывать.

— Джеральдо видел будущее.

— Лишь миг. Почему мы тут ведем себя как в безопасности? Потому что отец знает, что будет. В долине мы в безопасности, но война близко. Тут не нападут, у нас есть шпионы в Золотой бухте. Если нас будут хотеть убить, шпионы предупредят нас или остановят их. Но когда мы будем готовы, мы сразимся, как видел отец, и это страшнее, чем любая атака сейчас.

Война была ужасной. Если Джеральдо видел будущее, войну и смерть, то удар по менту будет сильным. Лука с потрясением понял, что прикипел к мятежникам, хоть они были неорганизованны. Он оглянулся на Таню, Вин и Шию. Дети смеялись, бросаясь пеплом, пока старшие занимались делами. Он не мог допустить их смерть. Но что он мог? Он ужасно управлял силами, его навыки меча и щита не были лучшими. Он мог в сражении убить и своих, и врагов. Что он мог предложить им?

— Я просил тебя строить палатку или сплетничать с моим сыном? — голос Джеральдо оживил Луку, но он успел виновато улыбнуться Нико.

Оказалось, строил Лука так же плохо, как управлял огнем. Он забивал столбики в землю, натягивал шкуры, и палатка задрожала и чуть не упала. Он смог удержать ее, но все строение склонилось влево. Лука недовольно посмотрел на него, собрал веревки и потянул вправо. Он работал над палаткой часами под палящим солнцем, не ел, обещая сделать это после работы.

— С наклоном влево неплохо, — улыбнулась Таня. — Почему ты не сдаешься, Лука? Ты не подходишь для этого.

Лука прикусил губу и отвернулся. Он хотел исправить ошибку раньше, чем Таня увидит его жалкие потуги. И он хотел искренне извиниться, но теперь она была здесь, слова застряли, и он ощущал себя глупо из-за произошедшего.

— Лев тебе язык оторвал? — шутила Таня.

— Я не знаю, что сказать. Я разрушил твой дом, а построил жалкую лачугу.

Таня посмотрела ему в глаза, и ему стало неуютно. Она всех успокаивала. Вода и была спокойной.

— Что ты делал, пожар?

— Тренировался, — признался Лука. — Я ходил к Зину, где тихо, но... забыл вернуть браслет, когда напал горный лев.

Таня рассмеялась.

— Ни на кого тут не нападали горные львы. У тебя ужасная удача, Людо. Так я теперь буду тебя звать. Неудачник Людо.

Лука рассмеялся, но ему хотелось рассказать ей, кто он и откуда. Ему не нравилось врать, особенно Тане и Нико, которые помогали ему.

— Не переживай, больше я так не буду. Я урок усвоил.

Таня покачала головой.

— Ошибаешься, неудачник Людо. Тренировка была твоим лучшим решением за все время здесь. Будь осторожнее в следующий раз. Если бы сказал мне, я бы была готова

потушить огонь, — она ущипнула его за щеку и ушла, широко улыбаясь.

После пяти ударов сердца Лука вспомнил, как двигаться. Он покачал головой и коснулся места, где его ущипнула Таня. Он поправил палатку вправо, часто думая об ее улыбке. Он не думал об улыбке девушки после Ревы. А теперь он задыхался, желудок болел от голода. Когда палатка была готова, Лука отошел и восхитился работой. Палатка не была идеальной, даже прямой, но это было лучшее, что он мог, и он трудился весь день. И Луке даже понравился труд. Не каждый день принц мог руками что-то создать, и не каждый день он строил дом другому человеку. Может, Людо ему было жить приятнее, чем быть принцем Лукой Саринтией.

— Это самая ужасная палатка, — прорычал Джеральдо. — Устал?

— Да, — Лука вытер лоб рукавом туники. Он сбросил жилетку, пока строил. Некоторые работали с голым торсом, но Лука не хотел снимать тунику, так что страдал от жары. Джеральдо был обнажен по пояс. Его смуглая кожа блестела от пота, грудь покрывали темно-золотые волосы.

Джеральдо бросил ему флягу воды.

— День еще не закончен, Людо. За мной.

Лука пил воду, пока шел за Джеральдо по лагерю. Несмотря на волнение из-за пожара, лагерь был расслаблен. Фиолетовые глаза Шии проводили его, он сменил облик с Джеральдо на Таню, а потом на Луку. Джеральдо накричал на него, и мальчик стал собой, улыбаясь. Таня набивала ногой и коленом мяч из воды, на ее коже блестели капли. Она послала игривый ручеек к Луке, рассмеялась, прикрывшись рукой. Два волка бегали по лагерю. Лука знал, что то была Вин, а другим был Хал или Сарья. Другие мятежники тренировались с мечом и щитом, а Нико разводил костер, чтобы зажарить козу на ужин. Взрослые работали на полях, дети купались в воде, все были заняты. Джеральдо уводил его от этого. Он привел Луку к траншеям вне лагеря, где мятежники справляли нужду. Лука сморщил нос от запаха.

— Сильно, да? — спросил Джеральдо. Он только повернул голову, а потом бросил лопату, что была на земле, Луке. — Закопаешь их. А потом выроешь новую в пяти ярдах отсюда. Иначе лагерь пропахнет. Женщины скоро придут, так что жги травы, чтобы скрыть запах.

Лука не успел открыть рот, Джеральдо ушел сильным шагом. Лука покачал головой. Он не думал, что его наказание закончится на ремонте дома Тани. Конечно. Джеральдо не прощал глупость. И хотя мышцы Луки болели, и ему хотелось пить, он взял лопату и начал закапывать вонючие ямы, стараясь дышать ртом. Работа была долгой, когда Нико уже подавал козу, а Лука был грязным, пальцы были в мозолях. Он замер и посмотрел, как лагерь ест у костра. Но вздохнул и продолжил работу. Солнце садилось, а он копал ямы.

Аксил принес ему воду и еду. Луке оставалось выкопать немного, отходы уже были закопаны. Он был грязным, особенно руки, и ему было плохо, но не от грязи на коже. И все же он съел все, что принес Аксил, слизнул соки мяса с пальцев и вытер руки о штаны.

— Вы трудились весь день, — отметил Аксил. — Я не сожалею, это полезно для вас. Это очищает разум и усиливает тело. Это жестоко, но справедливо. Так будет лучше.

Лука кивнула. Он едва думал о Матиасе весь день, и пока он был спокоен.

— Ты ничего плохо не сделал, Лука, — сказал тихо Аксил, чтобы лагерь не слышал, как он называет его настоящим именем, но лагерь был слишком далеко и сосредоточен на вине, чтобы слышать. — Я восхищен тем, что ты хочешь узнать свои силы. Ты скоро станешь

лучшим человеком и менти.

Аксил похлопал Луку по плечу и вернулся в лагерь, оставив Луку думать, были ли менти людьми, или чем-то другим. Может, это было не важно. Он был менти, но был и человеком. У него было сердце, желудок, кровь в нем. Он мало знал о силах, о том, откуда они — говорили, в древние времена люди дружили с магией — но его силы теперь не казались такими злыми. Это не было то, что Просвещенные звали злым или жестоким, но они и не были хорошими. Это были инструменты, от человека зависело, будут они использоваться во благо или во зло. Это его успокаивало, пока он заканчивал яму.

Он пошел не в лагерь, а повернулся к большому вулкану и подумал о прошлой ночи, когда использовал огонь из тела. Он устал к ночи, но, может, это к лучшему. Может, это поможет ему управлять этой силой. Он оглянулся на лагерь внизу, на миг подумал, заметит ли его отсутствие. Им хватало друг друга. Он смотрел в стороне. Конечно, его будет искать Аксил. Таня и Нико тоже. Джеральдо будет рад. Лука не жаловался, подумывал уйти во тьму. Но он решил забраться выше и посмотреть, как остальные пьют и танцуют.

Ночь была прекрасной, звезды ярко сияли. Зин был большим темным треугольником, закрывающим сияние луны. Лука видел далеко, когда забрался на утес. И он увидел сияющие огни внизу. Слишком много огней.

Кровь Луки похолодела. Это был не только лагерь. Огни были на холмах, факелы двигались к ним по Долине теней. Он посмотрел по сторонам, их было еще больше. Армия двигалась быстро. Король послал отряды за ним.

Он не думал. Он бежал. Ветер бил его по лицу, он спускался по склону. В этот раз он не зажигал палатку. Он кричал изо всех сил:

— Атака! Они хотят напасть! Армия! Они здесь. Они здесь!

24

Рева

Было непросто, но она была готова к труду. Она могла провалиться, но хотела рискнуть. Ей нужно было убедить остальных, и она была уверена во всех. Кроме одной.

Но ей нужен был помощник. Кто-то на ее стороне, и доверять она могла только Карине. Девушка слушала ее с большими глазами. Карина тихо обдумала слова Ревы. Они дождались, пока остальные уснут, и Рева нашептала свои идеи на ухо Карине, ее губы задевали мочку уха девушки. Рева задержала дыхание, пока ждала ответ Карины. Она кивнула едва заметно во мгле зала.

— Я помогу тебе. Помогу нам.

На следующий день они убирали свинарник вместе, смотрели, как трудятся остальные пленницы. Рева порой кивала девушке, и Карина предлагала свое мнение: «слишком подозрительная» или «слишком робкая».

Чтобы план Ревы сработал, им требовалась девушка с кухни. Два дня назад, когда Валерия бросила ее рыдающей в зале, Рева прошла к двери тюрьмы и осмотрела ее. Она была одна в зале, ее не заметили. Красными опухшими глазами она увидела то, что искала, села на солому и думала, что делать.

Карина была хорошим началом, но Рева всегда знала, что Карина поможет ей. Она всегда хорошо судила о характере, Карина была доброй. Она переживала не из-за тех, кто выбалтывал все мысли, а из-за других, так что не спешила. Им нужно было найти верную девушку с кухни, а потом проверить остальных. Многого могло пойти не так, им нужно было спешить, но Рева осторожничала.

— Плохо дело. Мы не можем им доверять, — Рева яростно убирала навоз.

— Я знаю, что делать, — сказала Карина, Рева склонилась к ней, пока мела. Девушки ни секунды не смотрели друг на друга. Они научились шептаться во время работы. — Мы пойдем к Лотти. Она работает в башнях и знает женщин с кухни. Она может сама туда пройти.

Рева кивнула.

— Хорошо. Сегодня поговорим с Лотти.

Рева ощутила трепет. Части плана соединялись, она ощущала это. Но ее руки все еще дрожали от нервов, она толкала телегу по двору к полям, что тянулись за воротами. Она взглянула на стражу у ворот. Двое смотрели со стены. Оттуда было видно двор и за ним. Рева опустила взгляд на ноги.

Навоз вонял, но она наслаждалась свежестью северного воздуха. Она полюбила его. Почти. Она оглянулась на огромные горы Тасме на севере, а потом на лес Дорвуд на юге. Она смотрела на лес так долго, что ударилась о камень на дороге и чуть не перевернула телегу. Она замерла, перевела дыхание и пошла дальше. Долгое пребывание в маленькой камере ослабило ее тело, но не разум. Рева выпрямила спину и снова проверила план.

Многое зависело на одной идее, которая должна быть правдой. Сестра Мелли, что отвечала за кухни, была старушкой в шестьдесят, ее разум был плох. Пленницы сплетничали, как Мелли путала ложки. Рева нашла одну в курятнике, а на поле как-то увидели ложку, висящую на оливковом дереве. Говорили, Мелли готовила хлеб с монетами и пуговицами. Мелли не заметит, если с кухни пропадет прибор.

Реву днем отправили на мельницу, она часами делала муку и ссыпала ее в мешки. Карину отправили куда-то еще, может, в башню или к зверям, а то и в поле. Рева все снова проверила в голове. Днем тюрьма делилась на зоны работы. Пятнадцать или двадцать пленниц шли в поля с пятью стражами и тремя сестрами. Башня и комнаты сестер были с десятью пленницами, что стирали, убирали и работали на кухне. За ними следили три сестры и страж. Еще десять или двенадцать пленниц работало у зверей и во дворе, где четыре сестры и пять стражей ходили и смотрели. Группа из пяти работала в оливковой роще, две сестры и страж — с ними, а десять — на мельнице, и там был один страж и одна сестра. Все работали в цепях на лодыжках, что не дали бы сбежать. У стражей были мечи, а у сестер — хлыст и кортик.

Реве нужно было обхитрить всех стражей и сестер, включая внимательную Валерию, которая ходила за ней по двору, пока она везла навоз или собирала яйца. Рева знала, когда Валерия следит за ней, кожу покалывало, как когда она превращалась в монстра. Валерия была криками Эмми и ранами Карины. Она была самой жестокостью, вызывала своим присутствием горечь у Ревы. Ее мама говорила, что люди получают то, чего просят от жизни, но Рева не была в этом уверена.

Той ночью после ужина из бульона и сухарей Рева села к Лотти и прошептала весть. Они прошли к залу и встали в очередь, чтобы их посчитали сестры, Рева проверила Розу. Роза была угрозой ее плану. Девушка не должна знать, что она делает. Но Роза вела себя как обычно.

Лотти пришла к ней ночью и легла на солому между ней и Кариной. Они тихо прошептали ей план, как и Карина, Лотти молчала поле этого.

А потом Лотти прижала ладонь к уху Ревы и шепнула:

— Я это сделаю

Рева сжала руку Лотти с колотящимся сердцем. Это было начало.

Рева на следующий день уходила с завтрака последней, изобразила, что проспала, а потом возилась с цепями, пока все ушли. Некоторые обвязывали лодыжки тряпками, чтобы цепи не натирали. Она так теперь и делала, обвязывала ноги. Когда другие ушли, включая Розу, Рева набила полосками ткани свою грудь соломой. Ткани пополняли каждое утро, немного оставляли в зале, но сестры забирали их, когда запирали дверь. Воровать их было смело, но Рева неделями следила за Розой и сестрами. Они считали туники на полках, но полоски для ног были в куче, так было быстрее. Она знала, что если будет брать понемногу, то сестры не заметят. Все же ткань все время меняли. Рева знала, впрочем, что делать и тут.

Она смогла съесть корочку хлеба утром, но адреналин поддерживал ее весь день. Она могла лишь ждать, пока Лотти не поможет. Карина улыбалась весь день, но они знали, что надежды зависят от Лотти. Рева до вечера ходила по лезвию ножа. Даже мелкий шум пугал ее. Она чуть не подпрыгнула, когда девочка разбила тарелку, пока они ужинали. Рева упала на солому, нащупала под ней полоски ткани. На месте. Лотти легла рядом и прижала к ее ладони холодный инструмент. Сердце Ревы сжалось. Она смогла.

Пока остальные спали, Рева, Лотти и Карина шептали планы, прикрываясь руками. У них были кости, теперь требовалась плоть. Начать нужно было с лидера каждой рабочей группы. В тюрьме не было официальных лидеров, но самые старшие и опытные часто становились лидерами для остальных. На кухне и в башне это была Лотти. Во дворе и у зверей то была полная женщина по имени Ива. В поле и роще оливок то была Уна. Они решили, что Карина тихо поговорит с Ивой, а Рева — с Уной.

Следующим утром Карина последней пришла на завтрак, Рева следила за сестрой Валерией и Розой. Так было лучше. Валерия и Роза опасались Реву, но Карину не заметили. Только Рева видела, как Карина выбежала в конец очереди, ее лицо и шея пылали. Рева молилась, что Карина успокоится ко времени, когда будет брать хлеб и воду.

Настроение в тюрьме было мрачным. Сестры сильнее издевались над пленницами. Одна из старших — Алис, которой было лет семьдесят — рухнула после долгого дня, и ее бросили в зале сестры. Рева и Лотти прижимали к ее лбу мокрую ткань, когда могли, но женщина была слабой. Если Алис не придет в себя, это будет первая смерть в тюрьме при Реве, хотя о других смертях тоже рассказывали. Чаще всего умирали от усталости, от жестокого обращения сестер. Юные с трудом справлялись с режимом, а старые быстро слабели.

Потому план Ревы должен был сработать, хотя Алис вряд ли удалось бы помочь.

Рева нервничала, толкая телегу к полям. Она плохо знала Уну, они редко общались. Сестра Лори болтала со стражем, едва замечая пленниц. Повезло. Рева вспомнила, как стражи обсуждали отношения между сестрами и стражами. Может, они не врали. Но это только помогло Реве подобраться к Уне, следившей, как она опустошает телегу.

Пленницы занялись опустошением телеги, а она шепнула женщине:

— Если бы мне требовалась ваша поддержка, я бы ее получила?

Уна была крепкой. Она четыре года провела здесь, выжила, работая, не попадая в проблемы и не привлекая внимания сестры Валерии. Лотти рассказала это Реве, но она надеялась, что Уна желала другой жизни. Она надеялась и молилась, что правильно решила включить ее в планы.

— Какая поддержка?

Рева сглотнула и не смотрела в зеленые глаза Уны.

— Остальные пойдут за вами, когда настанет час?

— Какой час?

— Да или нет?

Уна на миг прищурилась, посмотрела на сестру Лори со стражем. Она подвинула ногу в грязной ткани. На ее пальцах ног и у оков была засохшая кровь. Рева видела, как женщина обдумывает значение слов Ревы и понимает их.

— Да. Если хватит ума придумать план.

Рева выдохнула. Она посмотрела на сестру Лори и пленниц, никто не слышал. Они не говорили ничего опасного, но даже мелкого намека на план хватило бы, чтобы вызвать подозрения сестер.

— Хватит. Спасибо.

Рева с другими пленницами разбросала навоз и повезла пустую телегу во двор. Она остаток дня убирала курятник, собирала яйца и унесла их на кухню. Лотти кивнула и улыбнулась ей. Рева видела блеск в глазах Лотти, румянец на ее щеках. План складывался. Желудок Ревы трепетал, как пчелы в банке, когда она заканчивала дела дня. Она определила курс действий, решила набраться сил, значит, нужно было пить и есть как можно больше, делать перерывы и хорошо спать. Последнее было сложнее всего. Кошмары успокоились, но она слишком волновалась, чтобы спать всю ночь. Обычно они допоздна шептались о планах с Лотти и Кариной.

Той ночью Лотти принесла еще вещь с кухни, и Рева спешно спрятала ее в соломе, где уже было полно ткани. Это была последняя вещь, ее было сложнее всего спрятать. План нужно было осуществить завтра ночью, нужно было убедиться, что все пройдет гладко. Рева подумала о стражах на стене и у ворот с трепетом. Она начала плести из обрывков ткани веревку.

Следующим утром Рева шептала на ухо Уне, Карина пошла к Иве, а Лотти говорила с людьми на кухне и в башне. Никто не сказал Розе. Рева работала ближе к Розе, чем когда-либо, стараясь находить повод пройти в поле и проверить, что девушка занята и не замечает происходящее в лагере. И она ожидала, что рука сестры Валерии вот-вот схватит ее за плечи и потащит в камеру.

Но те руки не сжали ее костлявые плечи. Роза не подняла голову. Валерия была занята, ругая слабую девочку. Рева сжала кулаки и продолжила. Она думала о плане, чтобы не вмешиваться, думала о стражах на стене и цепях на лодыжках, о том, что спрашивала у Лотти и Карины. Это того стоило. Она надеялась. Валерия перестанет издеваться над теми девочками. Но стражи... тут она переживала. Некоторые стражи нервировали ее сильнее остальных.

Бульон на ночь был без вкуса. Пленницы медленно шли к залу в тишине, терпеливо ждали, пока сестры сосчитают их, пока они шли в комнату. Рева пришла к своей гуде соломы, постаралась успокоить сердце.

«Закройте дверь, — думала она. — Закройте и уходите», — она взглянула на Карину, та была за Розой без ее ведома. Рева улыбнулась Карине, что была верной и смелой, как Эмми. Нет. Рева отогнала эту мысль. Карина не закончит как Эмми.

Ее сердце грохотало в ушах, дверь шаркнула по полу и закрылась. Засов встал на место, пленницы выдохнули с облегчением. Рева услышала тихий вскрик и стук, вытащила сокровища из-под соломы и заспешила. Было темно, девушки толкались, но провели ее к Розе и Карине. Они связали девушку и заткнули ей рот, но это лишь приглушило бы. Они

оттащили ее подальше, чтобы стражи снаружи не услышали.

Рева склонилась к Алис. Старушка все еще страдала от усталости.

— Мы сбегает. Я хочу взять вас с...

— О, оставь старуху, — сказала она, хрипло рассмеявшись. — Я пригляжу за этой, — она кивнула на Розу. — Чтобы она молчала. Придвинешь меня к ней?

Рева и Лотти отвели старушку к Розе. Они осторожно усадили ее, прислонили к стене.

— Спасибо, — сказала Рева.

Она отвернулась от Алис, желудок сжимался. Но они знали, что не могут взять Алис с собой. Было больно бросать ее, Рева подумала о королях, как они принимают решение на пользу королевства ценой нескольких. Она вдохнула и вытащила поварешку из-за шкафа.

— Готова, Лотти? — спросила Рева.

Девушка кивнула. Рева прошла по залу, чуть не споткнулась о солому. Она увидела блеск ножа в руке Карины. Эти два предмета Лотти украла с кухни. Черпак был прост, сестра Мелли могла легко положить его не туда. Нож был сложнее. Это был не первый нож, украденный с кухни. Пленницы часто сплетничали, как воров с ножом в руке убивали стражи. Рева знала, что сестру Мелли легко обдурить, но другие сестры могли проверить кухни, особенно ножи. Им нужно было спешить. И начинать сейчас.

Рева прижала ухо к двери. Последние недели она часто задавала правильные вопросы и слушала. Она давно подозревала, что стражу больше интересуют ворота тюрьмы, чем их зал. Стражи и сестры думали, что пленницы не выйдут из зала, и они были правы. Но Рева знала, как убрать эту слабость.

Она слушала, сердце мешало, шумя в ушах. Ничего. Ни движения, ни звука.

— Страж ушел, — сказала она. — Они ужинают в башне.

Это тоже было в плане. Сестры закрывали дверь и оставляли их во тьме, Рева считала секунды. Через минуты после закрытия двери из башен доносился смех, порой и музыка. Сестры и стражи ужинали. Они были уязвимы. Рева знала, что сбежать не пытались много лет. Порой пленницы бежали в полях, но не были готовы и гибли в лесу или от руки стража. Стражи и сестры были так уверены, что все продумали, что расслабились. Рева была готова это использовать.

Они выбрали верный момент. Рева подняла голову и ощупала дверь. Вот. Ржавая петля внизу. Она ударила рукоятью тяжелого черпака по петле, расшатала ее. Она давила так, что, когда та подалась, Рева упала вперед и ударилась головой о дверь. Это не было больно. Она провела по шишке пальцами и принялась за вторую петлю. Эта была плотнее, но ей помогло, что она убрала первую петлю, можно было просунуть рукоять черпака в брешь между петлей и деревом. Черпак застрял. Реве не хватало сил. Она толкала, тянула, но черпак не двигался.

— Я помогу, Райна, — сказала Карина.

Девушки надавили, и ручка чуть погнулась. Рева боялась, что черпак сломается. Но нет. Он выстоял, петля отцепилась. Рева улыбнулась, вытерла пот со лба. Они убрали две из трех петель, но оставался и засов снаружи. Тяжелое железо на двух крюках за дверью. У Ревы была идея. Нужно было подвинуть дверь вправо, что и делала Карина, и она просунет ручку черпака в щель между рамой и дверью, доведет под засов. Она попытается потом поднять засов, что будет сложно.

Рева подумала о стражах и сестрах на ужине в башнях. Их не будет всю ночь. Но страж может прийти проверить их, а им нужно было еще многое сделать. Пот катился между лопаток, она толкала черпак вверх. Карине помогала Лотти и еще девочка, они двигали

дверь, запертую снаружи. Рева давила на черпак, и засов начал двигаться. Железо заскрежетало о железо. Рева толкнула еще, и засов выскользнул из крюка, ослабив дверь. Справа все еще было заперто, но они лишили дверь двух из трех петель и сняли засов. Теперь нужно было открыть дверь так, чтобы выбралась одна из них. Маленькая. Лотти.

Этой части Рева боялась. Она махнула Карине передать Лотти нож, а потом посмотрела на девушку.

— Готова? — спросила Рева.

Лотти кивнула. Ее глаза были сталью и камнем, серые и твердые. Она расправила плечи, готовая к следующей части плана. Рева, Карина и несколько других девушек толкали дно двери, пока она не извернулась так, что Лотти смогла протиснуться. Дверь вернулась на место. Рева крутила черпак в руках, поцарапанный и кривой от работы, расхаживая перед дверью. Ее руки и лицо были в пыли, в кожу вонзились занозы. Она выдергивала их, стараясь не думать, как там Лотти одна.

— Что теперь? — спросила одна из девушек. Голос был из толпы и теней.

— Мы ждем Лотти, — сказала Карина. — Она отвлекает.

— Мы пока ждем, — сказала Рева. — А потом убежим отсюда. Мы будем двигаться вместе, но если кто-то отделится, двигайтесь к пляжам, ясно? К берегу. Если не найдете группу, держитесь подальше от Торгового пути и больших городов. Сестры будут искать нас, я знаю. Будьте хитрыми и осторожными.

Группа шепталась, Рева зашипела на них. Ей нужно было слушать у двери. Она попыталась подвинуть дверь, чтобы видеть двор, но не видела ничего, кроме тусклого света факелов вдали. Рева дальше убирала занозы, а потом впиалась в ногти.

Она перешла к другой руке, когда услышала крик. Не Лотти, это она знала. Кричал страж, но Рева не знала, кому он кричал. После крика зазвучал топот, они быстро приближались к двери. Рева задержала дыхание, ключ шумел в замке. Рева и остальные отпрянули. Рева подняла черпак, жар в груди растекался до челюсти. Ее ладони были потными, она боялась, что уронит жалкое оружие, но думала об остальных. Она должна ударить по стражу и дать им шанс сбежать.

Дерево двери загремело о пол, она подняла черпак еще выше, собираясь обрушить на врага. Свет залил зал, и на миг она ничего не видела, а потом различила длинные волосы девушки, которую озарял огонь снаружи. Лотти прошла в зал.

— Нужно идти, — сказала она. — Готово, — она погромела связкой ключей. — И я украла это.

Рева посмотрела мимо подруги на источник света и улыбнулась. Лотти это сделала. Она подошла к складу, и стражи с сестрами бросились спасать свои вещи.

25

Лука

Голос Джеральдо гремел поверх шума испуганных людей, бегающих по лагерю. Лука стоял в центре и смотрел, как люди спешат к палатке с оружием, надевают кольчугу и кожаную броню на туники. Женщины хватали детей и искали мужей. Джеральдо был спокоен. Он отдавал приказы женщинам не-менти, детям и старикам, что не могли махать мечом, бежать к Зину. Забраться как можно выше, чтобы лошади не добрались, взять с собой еду и воду. Остальные вооружались. Лука пришел в себя и побежал в палатку за мечом, щитом и броней.

Таня уже была там. Она бросила ему кольчугу и броню. Они были велики ему, но лучше,

чем ничего. Он взял простой, но легкий и острый меч, большой щит черного цвета, побитый от использования.

— Люди короля все-таки пришли, — Таня призвала воду в ладонь. — Мы покажем им бой менти!

Грудь Луки сдавило от широкой улыбки Тани. Он слышал истории Матиаса о войне, там не было ничего почетного. Матиас видел, как люди молили о жизнях, как солдаты были людей, и обычных жителей мучили победители. Луку не радовал бой с людьми его отца. Не радовало, что люди умрут. Те, кого он уважал.

Таня сжала его плечо.

— Не бойся, Людо. Пора тебе использовать силы. Не переживай, что сожжешь лагерь. Выпусти все на тех, кто пришел убить нас. Ты должен. Я тебе помогу.

Лука сжал меч, они вышли из палатки в центр лагеря к Джеральдо. Их было меньше, Лука знал, и это его пугало. Нико бегал по лагерю, зажигал факелы, иначе их вела бы только луна. Аксил пришел к Луке.

— Пора снять браслет, мой принц, — сказал Аксил.

Джеральдо услышал это и прищурился, глядя на Луку, но промолчал. Лука смотрел на железный браслет на запястье. Он знал, старик был прав, но было все еще сложно снять его. Но он сделал и отдал браслет на хранение Аксилу.

Первая волна шла с востока. Лука смотрел, как отряд замирает на вершине. Он думал, что они ждут их атаку, но тут посыпались стрелы.

— Джосс! — крикнул Джеральдо.

Тощий юноша с темной кожей выступил вперед и поднял руки. Лука видел его в лагере, знал о его силах, но не видел их в полную мощь, как теперь. Стрелы смело от взмаха его руки, они полетели к палаткам. Луку поразила сила Джосса. Ветер ударил его в лицо, вокруг кружил пепел.

Но лучники не унимались. Стрелы снова летели к лагерю, и Джосс использовал силу. Стрелы сдуло, и пехота пошла к ним по склону. Лука сжал рукоять меча и нервно сглотнул. Это было его первое сражение, адреналин бежал по венам. Стало видно лица солдат. Они были из Эстала, кожа была смуглой, как его, точеные скулы виднелись у пехоты. Рычание, рядом оказались два больших волка. Вин и Игги или Беа, юные, но яростные.

— Вперед! — крикнул Джеральдо, оно бросились к солдатам.

Волк рядом с ним прыгнул, сбил солдата на спину. Лука отбил удар, попал щитом по груди врага, едва успел увернуться от другого удара. Он развернулся к врагу. Мужчина был старше других в пехоте, тридцать лет, а то и больше. Его глаза расширились при виде Луки с мечом. Но мужчина не убежал, не стал защищаться. Он обрушил меч с силой, целясь в голову и грудь Луки.

Лука понял, что король приказал убить его. Солдат узнал его, но все равно хотел убить. Лука уклонился, взмахнул мечом и ранил горло мужчины. Он отвернулся от смерти и пошел по полю боя с кровью на броне.

Он ощутил вспышку паники в теле, думал о враге. Он отбивал щитом, пронзал мечом. Сталь была частью его больше, чем когда-либо. Он бездумно двигался, как на тренировке, но сражение нельзя было сравнить с тем, что он испытывал раньше. Удары были сильнее, часто лишали его равновесия. Меч задел его руку, ранив, но он едва ощутил это. Ему повезло уйти с пути удара, что лишил бы головы, когда он споткнулся, ударив щитом другого солдата.

Таня появилась рядом с мечом в крови, вода струей сбивала врагов на землю. Она

пронзила солдата, атакующего Луку, и кивнула ему с улыбкой.

— Назад, Людо, — приказала Таня.

Лука поспешил встать за ней, смотрел, как Таня создает волну, что врезалась в пехоту, сбивая солдат на землю. Лука и Таня поспешили к другим мятежникам, вторая атака была с запада. К лагерю галопом мчались всадники.

Лучники на конях выпускали стрелы, силы Джоссы уменьшились. Он смог сбить лишь половину. Другие падали на менти, Лука в ужасе смотрел, как упал волк. Аксил получил стрелу в руку. Сердце Луки сжалось, когда он увидел боль на лице старика. Он смело сражался, и Лука видел, что Брат махал мечом не хуже других, но его место было не на поле боя.

— Вам нужно к целителям, — сказал Лука наставнику. — Нико вас исцелит.

Но старик сжал плечо Луки и сказал:

— Сегодня ты используешь силы, Лука. Менти без тебя не выживут.

— Нам нужно в лазарет, — Лука повел Брата прочь, но солдат побежал к ним. Лука отбил удар и разобрался с врагом. Через миг лошадь без всадника преградила путь. Он отшатнулся, врезался в Таню, Аксил отпрянул. Лука проследил, как Брат ушел в палатку к Нико, выдохнул с облегчением и повернулся к сражению. Всадники легко терзали бойцов-менти. Таня сбивала нескольких с лошадей, волки атаквали с яростью, Шиа превращался во врагов, пока кружился по полю боя, атакуя людей с их лицами. Но они были в меньшинстве.

Лука увидел, что Джеральдо в беде. Он был против трех врагов, и хотя его сил хватило бы на двоих, третий наступал с мечом, готовый вонзить ему в спину. Лука поспешил туда, остановил меч солдата своим, толкнул его и пронзил мечом живот. Джеральдо расправился с двумя и повернулся к Луке.

— Это было хорошо, — Джеральдо посмотрел на всадников. — Нужно что-то с ними сделать. Используй свою силу.

— Я если я попаду по нашим?

— Они будут со мной. Я уберу их от сражения.

Лука не успел ответить, он отвлекся на атаку от юноши с большими глазами. Солдат был с головы до пят в крови, грязи и пепле. Лука смог поднять щит вовремя, но юный солдат попал по дереву так, что кусок отвалился в центре, удар толкнул его на землю. Лука откатился влево, солдат направил меч к его горлу. Он на коленях остановил меч. Лука понимал, что противник сражается куда лучше, а Джеральдо занят солдатом на коне. Руки Тани были подняты, вода отталкивала врагов. Земля была скользкой от воды Тани. Лука пытался встать, но поскользнулся.

Солдат всеми силами толкал меч к горлу Луки. Если один враг поймет, что он уязвим в бою, сражению конец. Матиас всегда говорил, что на поле боя не щадят, а пронзают, ранят и идут дальше. Нельзя биться только с одним, особенно, если ты принц, ведь всегда кто-то будет готов ударить в спину. Бой заканчивался, когда погибал командир армии. Или когда цель — Лука — была убита.

Но Лука не хотел умирать, особенно, на коленях в грязи. Он направил вес влево, толкая меч солдата, откатился от противника. Он вскочил на ноги и напал на солдата, пока тот был без равновесия. Сталь звенела, юноша ударил по щиту Луки, утомляя его. Он чуть не упал на колени, но устоял, уклонился и чуть не получил стрелу, поднял щит для другого удара. С боевым криком он бросился, толкая юношу щитом. Когда он вонзил меч во врага, ненависть, страх и смятение охватили его. Дикая глаза юноши стали стеклянными. Луку стошнило на

траву. Его колени ослабели, рука схватила его и подняла на ноги.

— Людо! — кричал Джеральдо. — Людо!

Лука видел, как стекленели дикие глаза, враг был хорошим, отлично бился, но умер. Ладонь ударила его по лицу. Ему на миг показалось, что перед ним Матиас, но он вспомнил, что убил и его. Он был убийцей.

— Лука!

Голос раздался издалека, парил над криками на поле боя. Он моргнул, пытаясь сосредоточить взгляд на размытых фигурах в лагере, покрытых кровью и огнем. Он снова моргнул и увидел сбитый факел на земле, огненные стрелы в воздухе. Как долго длился бой? Небо оставалось темным, но вокруг было светло. Он понял, что палатки горят.

— Это я сделал? — спросил Лука.

— Нет, — сказал Джеральдо. — Это огненные стрелы. Там лидер, на холме с лучниками.

Лука посмотрел, куда указывал Джеральдо.

— Я должен идти к ним.

— Что за чушь ты несешь?

— Я должен. Я их принц.

Крики звенели по лагерю. Лука хотел закрыться от них. Может, если тьма упадет сильнее... он не будет хоть видеть...

— Они тут из-за меня, — сказал он. — Я могу это остановить. Я должен.

— Да, это не важно. Как ни крути, ты — менти, ты один из нас.

— Нет, — сказал Лука. Он вырвался из хватки Джеральдо и пошел по лагерю к людям на холме. — Нет, мне нужно к ним, — он смотрел на тени, ждущие его. Отряд лучников и мужчина на коне, окруженный солдатами. Джеральдо был прав, лучники остались с командиром, который не сражался. Но кто это был? Кого король послал убить его? Кто сидел бы на холме, не сражаясь среди других? Кем не рисковали бы?

Лука сразу понял, кто это. Другого варианта не было. Его брат. Стефан.

26

Стефан

Брат Миккел поднял факел выше. С его места на холме было видно лагерь менти. Стефан видел сражение. Менти хорошо боролись с атакой с востока, но их силы не справлялись с кавалерией, а теперь его люди подожгли лагерь. Многие менти бегали, как дураки, пытаясь потушить огонь.

Стефан сильнее хотел увидеть брата. Хотел видеть его лицо, когда тот умрет. Но в темноте брата видно не было, а брат Миккел настоял, чтобы принц не шел в бой. Хотя Стефан видел смысл в этом — он все же был наследником престола — часть Стефана хотела крови на мече. Может, тогда его люди станут уважать его, как Матиаса. Его старший брат всегда бился вместе с солдатами, хоть Матиас и был доверчивым идиотом. Потому и умер.

— Их меньше, они слабеют, — радостно сказал брат Миккел. — Нужно будет наградить генералов, когда мы сообщим вашему отцу о великой победе.

— Пока брат не мертв, это не победа, — сказал Стефан. — Я не буду рад, когда не получу его голову, — Стефан стиснул зубы и сжал поводья. Конь плясал под ним, волнуясь и желая боя.

— Пли! — крикнул генерал Тика, огненные стрелы полетели на лагерь вниз.

— Устали, — сказал Миккел. — Уже едва двигают стрелы. Видно только одного волка.

Маг воды угомонила, почти устроив в лагере болото. Остальные бесполезны.

Стефан видел, как юноша меняет облик, как девушка стала волком, как его люди ударили себя из-за уловки с управлением разума. Юный менти бросал слабые огненные шары в его людей, но был слишком низким для его брата, хоть стоял далеко и в темноте. Может, то был Лука. Стефан надеялся, что Лука мертв. Он только этого хотел.

— Человек приближается, Ваше высочество. Отправить к нему солдат? Может, менти хотят переговоры? — сказал генерал Тика.

— Поднимите факел. Хочу увидеть его лицо, — приказал принц Стефан.

Стефан задрожал. Он сразу понял, что к ним идет Лука. Он склонился к шее лошади, чтобы рассмотреть человека. Фигура была в тени долго, а потом факел озарил лицо. Это был он.

— Пусть подходит, — Стефан съехал с седла.

— Ваше высочество, это принц Лука! — сказал Миккел. Брат преградил Стефану путь. — Мы не знаем о его силе, но знаем, что он сильный менти...

— С дороги, брат Миккел. Я хочу увидеть брата, — мертвым. — Лучники, цельтесь в принца Луку! Ждите приказа!

Мужчины натянули тетиву, целясь в фигуру, идущую по склону. Стефан шагнул вперед, оставаясь подальше от Луки, чтобы стрелы не задели его.

— Стой! — крикнул Стефан. — Ты уже близко, брат.

— Хорошо, — Лука замер.

Стефан едва узнал его. Он был выше, сильнее, крепче. Его волосы были короткими, мягкое лицо ожесточилось, и он был в грязи. На его мече была кровь, глаза блестели так, как Стефан еще не видел. Лука выглядел плохо, но Стефан завидовал, разглядывая его. Принц Лука стал бойцом. Стефан встал прямее. Пусть так, Стефан был командиром, и он приведет армию к победе.

— Твоим не победить, брат. Пришел сдаться? — спросил Стефан.

— Я пришел сдаться, — ответил Лука. — Покиньте лагерь и отведите меня к отцу. Он хочет моей смерти, пусть убьет меня сам.

Стефан рассмеялся.

— Не отец хочет твоей смерти, брат. Это я, — Стефан обрадовался удивлению в глазах Луки. Он был так глуп?

Лука вздохнул.

— Конечно. Я тебе мешаю, брат, — голос Луки был резким от сарказма. — После смерти Матиаса и моего побега ты стал наследником. Ты не хочешь, чтобы тебе помешали.

Вопль. Стефан и Лука вскинули головы. Стефан мог поклясться, что это сокол, но странно, что он летал тут ночью. Может, он прилетел за мертвыми. Скоро соберутся вороны, волки и горные львы, чтобы поесть мертвечины. Стефан поежился.

— Ладно, — Лука опустил меч на землю. — Казни меня. Я убил нашего брата Матиаса. Не намеренно, но это произошло, и я заслужил умереть. Но оставь этих людей. Они ничего не сделали королю.

— Но учились биться и прятались как трусы. Они оскорбляют князя правды Аниоса. Они — маги, заслужили умереть за преступления. Скажи, брат, что ты за маг? Ты дракон, братец? Выдохнул огонь на бедного Матиаса и превратил его в пепел?

Лука повесил голову.

— Нет, я не дракон.

— Просто маг огня? Отец говорил, их было много, как медяков, но дракон — золотая корона. Помнишь? Он много говорил о менти. Помнишь, что он любил говорить?

— Да.

Стефан невольно улыбнулся.

— Он сказал бы, что магией менти обрекают вечные души. Он говорил, что менти — звери, а не люди. Что их разум дефективен. Что они не думают как я или брат Миккел, или даже генерал Тика. Бедняжки менти, — он наслаждался собой. — Когда я убью тебя, твоя душа разобьется на тысячи осколков, ты перестанешь существовать.

— Мне плевать на мою вечную душу. Перестань убивать людей в лагере.

— Казните его, принц, — вмешался Миккел. — Пришло время.

Стефан хмуро взглянул на Миккела. Как он смел так говорить? Как смел приказывать? Он потер большой палец, болящий от укуса, что побагровел. Сокол кружил над головами, безумно хлопал крыльями.

— Да, брат. Хватит убивать, или мне придется остановить тебя, — сказал Лука.

Стефан повернулся к нему, прошел к брату, забыв о стрелах.

— Ты не будешь мне грозить! Кем ты себя возомнил? Ты не принц. Ты убийца и менти. Отец послал меня избавить мир от таких, как ты, это я и сделаю. И начну с тебя, а потом убью твоих друзей по одному, — Стефан выхватил меч и приблизился к Луке.

Лука схватил меч с земли, клинки встретились. Стефан пытался сбить Луку ударом, но Лука оказался сильнее, чем в крепости. Это Стефан отшатнулся на склоне, отбивал удары Луки, как мог. Его брат нападал со всех углов, заставлял Стефана защищаться, уклоняться и пригибаться. Пот выступил на его лбу. Он в ярости бросился на брата, сбил на холм. Он поднял меч, готовый ударить по горлу Луки, но тот ударил его с силой по подбородку, отбросив. Стефан вскочил на ноги, Лука был на шаг впереди. Он схватил Стефана сзади и прижал грязное лезвие меча к горлу.

— Останови бой, и я пойду с тобой в крепость Несры, — сказал Лука.

— Убейте его! — приказал Стефан. — Пли!

— Нет, — приказал генерал Тика. — Слишком опасно, Ваше высочество. Стрелы попадут по вам.

Лука и Стефан повернулись к людям. Стефан понял, что брата Миккела с ними нет.

«Он за нами, — подумал Стефан. — Он покончит с этим раз и навсегда».

— Я не хочу убивать тебя, брат, — сказал Лука. — Ты все еще мой брат, и мы росли вместе. Я не желал тебе вреда. Но я должен защитить людей в лагере. Они не заслужили быть убитыми как звери. Менти не звери, мы — мужчины, женщины и дети с теми же мыслями, что и люди. Наши силы не злые, я узнал это...

Болтовню Луки прервал крик и хлопанье крыльев. Хватка Луки ослабла, Стефан смог вырваться. Генерал Тика тут же оказался рядом с мечом. За Лукой большой сокол терзал Миккела, его кинжал упал на землю.

— Ты хотел ударить меня в спину, — сказал Лука. Он едва дышал от удивления. — Ты знал, что он за мной, Стефан, и хотел, чтобы я умер без чести.

— Это смерть для мага.

Стефан напал с генералом, побежал на Луку, пока тот был отвернут. Лука развернулся к нему, и Стефан увидел, как брат помрачнел, чуть не заставил его ощутить жалость. Он видел предательство на лице Луки. А потом Лука поднял руку, и мир побелел.

Жар ударил по его лицу и груди. Высокий крик пронзил воздух. Все произошло за удар

сердца, но Стефан сперва подумал, что крик его. А потом понял, что нет. Кричал генерал Тика, сгорая. А Стефан горел, но не погибал. Он менялся.

Это было почти облегчением, словно его тело всю жизнь ждало момента. Это казалось естественным и нет. Он ощущал, как кости двигаются под кожей, вставая на место. Его руки вытянулись, пока не стали крыльями, что тянулись к небу. Его кожа загорела под огнем из руки Луки. Он посмотрел на свое тело и увидел чешую. Он дышал глубже, хрипел. Его ноги стали большими чешуйчатыми лапами с острыми когтями.

Лука отшатнулся, спотыкаясь от шока. Стефан раскрыл пасть и заревел. Поток огня вырвался из его рта. Он увидел, как Миккел спрятался за камнем, а Лука чудом успел отбежать от огня. Стефан остановил поток огня и повернулся к Луке. Он хлопнул крыльями, но не знал, как взлететь. Он побежал за Лукой, лапы били по земле. Он был выше, возвышался над людьми. Многие замирали от потрясения, указывали на него.

«Кланяйтесь», — подумал он.

А потом увидел Луку с водной девушкой. К ним подбежал менти воздуха. Огонь вырвался из рук Луки и попал по груди Стефана. Чешуя защитила его, но огонь обжигал, и он взревел от боли. Он выпустил огонь, но девушка водой погасила его поток, ветер другого сбил остатки огня в другую сторону.

Стефан устал и испугался. Он еще не становился зверем, не понимал, как использовать силы, насколько он силен. Поток огня обжег его крыло, и Стефан бросился прочь. Он бежал от обожженных людей. Он бежал по холмам, хлопая крыльями, но не взлетая.

«Я достоин золотой короны, — думал он. — Я дракон. Но не могу даже так победить».

27

Рева

Рева впервые увидела разрушительную силу огня. Лотти подожгла солому на складе, и вскоре амбар пылал, заставляя сестер и стражей бегать по двору с водой. Вода проливалась из ведер на камни. Черный дым поднимался от амбара, пропадая в темном небе. Красно-оранжевый огонь плясал, громко хлопая, содержимое склада взрывалось от жара. Рева ощущала жар кожей, пока вела пленниц по двору.

Многие держались за руки, как и сказала им Рева. Цепи мешали двигаться, и они падали. Но вместе они держали равновесие лучше и никого не теряли по пути.

Впереди виднелись ворота из толстого дерева. У Лотти были ключи, им повезло, это упростило задачу. Рева была с ножом с кухни, сжимала его в потной ладони. Карина рядом была с тяжелым черпаком. Реве не хотелось признавать, но она боялась сейчас сильнее, чем когда-либо. Но не за себя, не за свою жизнь. За жизни девушек вокруг нее. Она устроила безумный побег. Она попросила Лотти поджечь склад. Она прятала украденные у сестер вещи и связала Розу, чтобы та не побежала к сестре Валерии. Она вела их, но не знала, что делать дальше.

План вел за ворота из тюрьмы. А если их увидят? Ночь, но огонь горел ярко, их было видно во дворе. Да, сестры и стражи были заняты, пока тушили огонь, но они все еще могли помешать побегу.

А потом она придумала.

Рева пошла не к воротам, а влево, к маленькой хижине с садовыми инструментами. Карина разбила старый замок черпаком, и дверь легко открылась. Сестры не думали о хижине, ведь пленницы были заперты, и стражи следили с мест.

— Заберите все, что может быть оружием, — сказала Рева женщинам и девушкам за

собой.

Одна взяла вилы. Другая — мастерок. Рева улыбнулась, когда Уна взяла лопату, которой Рева чистила по утрам свинарник. Пленницы теперь могли дать отпор тем, чем их заставляли работать в заточении.

Они выбежали из сарая, когда почти все нашли орудия защиты, побежали к воротам. Рева вела женщин по периметру. Склад был западнее, они были в тени, прижимались к стене, как могли. Рева миновала свинарник, приближаясь к воротам. Она подумала о поросенке, что кусал пальцы ее ног каждый день, подумала о грязных повязках на ногах и туниках, что редко меняли. Они редко мылись, холодная вода лилась на них, и они дрожали ночью, мокрые, пытались уснуть после дня труда. Она подумала о страже с сестрами, они ели виноград, хлеб и оливки, пока пленницы выживали на бульоне и сухарях. А еще она подумала об Эмми, умирающей на земле в лесу, пока сестра Валерия стояла над ней.

Рева заставила себя идти к воротам. Она хотела бежать к огню, толкнуть туда сестру Валерию и смотреть, как та горит. Но она была в ответе за женщин. Она должна открыть ворота. Она кивнула Лотти, у которой был ключ. Они с Кариной подняли тяжелый засов. Это было просто. Дальше были ворота за домами зверей, и там была тяжелая решетка, которую требовалось поднять. Пока им везло, но стража была на посту рядом с решеткой, эта часть плана не давала Реве спать. Она следила, пока они шли по дворе, никто не входил и не выходил через главные ворота, и стражи все еще были у решетки.

Они открыли ворота так, чтобы женщины прошли по две за раз, но не так широко, чтобы это привлекло внимание. Пленницы выходили. Рева передала нож Карине.

— Когда доберешься до решетки, поднимись к платформе на стене и усмири стража. Пусть Лотти сделает так на другой стороне. Они будут смотреть на огонь, не будут ожидать вас. Хватит сил перерезать горло стражу, если придется?

— Да, но...

— Хорошо. Заберешь его меч и с тремя женщинами подними решетку. Другие три пусть откроют амбар коров, конюшни, выпустят коз. Животные тоже важны. Если они сбегут, сестры будут ловить их раньше, чем нас. Займите лошадей, Можно забраться по три на лошадь. Мы все легкие. Уне потребуется одна...

— Зачем ты мне это рассказываешь? Ты сможешь сделать это! — глаза Карины блестели в свете огня.

— Она должна заплатить.

— Райна, — сказала Карина.

— Не... Это даже не мое имя.

— Я знаю, — сказала Карина. — Думала, я глупая? Конечно, ты не Райна и не дочь торговца. Ты леди мертвого лорда, и тебя ищут король или принц. Не смотри на меня так. Ты не доверила мне имя, но доверила жизнь, так что ты хоть как-то меня ценишь. Миледи, идти за ней нет смысла. Это не принесет радости или справедливости... будет лишь пустота и неминуемая смерть. Идемте с нами, будете жить.

Последние пленницы прошли ворота, Рева повернулась к пылающему складу. Она не видела лицо Валерии, но знала, что многие сестры и стражи были жестокими. И все же Карина, наверное, была права. Если Рева пойдет мстить, получит ли она шанс? Рева выживала. Пережила убийство родителей. Пережила неприятный брак и смерть детей. Пережила нападение на замок Унны и людей принца Стефана в Херено. Переживет и это. Она кивнула Карине, они закрыли ворота.

Они двигались в тених к конюшне. Рева по пути шептала пленницам план. Сначала две женщины должны проникнуть в конюшни и начать освобождать коней. Рева и Карина заткнут стражу. Они выбрали пятерых, что выпустят скот и коз, когда Рева и Карина махнут тряпками. Потом приведут лошадей, и откроют решетку. Она многое просила от женщин, но она верила в них. Она смотрела в их лица, они сжимали орудия. Они были сильными, смелыми перед лицом настоящего страха, настоящей опасности.

У конюшен Рева кивнула двум, кого выбрала. Анжелика и Элоиза знали лошадей, были сильными и умелыми. Сестры плохо кормили их, но работа на ферме укрепляла. Рева знала, что Анжелика и Элоиза смогут. После пары попыток открыть дверь, две женщины тихо проникли в конюшни, пока стражей отвлекал пожар. Рева видела, как их лица озарял огонь. Ее желудок сжался при мысли о схватке со стражей. Она их узнала. Они были юными и опасными. Она сглотнула.

Пленницы двигались дальше. Женщины прошли к скоту и загону коз. Рева сказала им прижаться телами к стене под двумя сторожевыми башнями. Она приказала пятерым идти к загонам, смотрела, как их силуэты сливаются с тенями. Она молилась, чтобы в шуме у склада не слышали звон их цепей. Она сама едва его слышала.

Они еще не обнаружили пустой зал? Если они найдут их слишком быстро, все будет напрасно. Это могло произойти в любой миг. Она глубоко вдохнула, взяла себя в руки.

— Карина, — прошептала она.

Девушка повернулась к ней.

— Поменяйся оружием с Уной.

— Зачем, Райна?

— Ты должна оглушить стража одним ударом, нужно большое оружие. Мы поднимемся вместе. Считай со мной, — Рева считала с Кариной, пока они не выбрали ритм. — По шагу на счет, — продолжила Рева. — Я сосчитала ступени, когда шла в поля. Их сорок одна на каждой башне. На сорок первый раз ты ударишь стража изо всех сил лопатой, чтобы он упал. Если не упадет, ударишь еще и еще. Понятно?

Карина кивнула. Рева не видела выражение ее лица, но та точно переживала, как и она, тоже была бледной.

— Нужно, чтобы стражи упали одновременно, иначе они успеют предупредить. Наше оружие — внезапность. Никто не ждет, что мы сбежим, никто не пытался за много лет. Это наш шанс, Карина. Как ты и сказала, мы будем жить, еще и без цепей.

Она прижала лоб ко лбу Карины и отошла. Они пошли к башням, пока остальные пленницы касались их плеч, поддерживая. Рева добралась до низа лестницы, увидела Карину поверх голов пленниц и кивнула.

Раз...

Два...

Три...

Рева сжала нож.

Четыре...

Пять...

Шесть...

Семь...

Восемь...

Девять...

Десять...

Она сможет дальше жить с кровью на руках?

Пятнадцать...

Шестнадцать...

Семнадцать...

Восемнадцать...

Она могла и не выбраться живой. А если он увидит ее первой? А если...

Двадцать один...

Двадцать два...

Ступеньки поскрипывали под ней, цепи гремели, даже если она двигалась медленно. Но крики со двора были громче. Она молилась, чтобы они заглушили ее движения.

Тридцать три...

Тридцать четыре...

Она была так близко. Ощущала запах его пива. Хорошо. Если он пьян, ей будет легче.

Тридцать шесть...

Тридцать семь...

«Готовься, Карина...».

Тридцать восемь...

Тридцать девять...

Он не смотрел на нее. Хорошо. Она сжала нож.

Сорок...

Он услышал ее. Повернулся.

Сорок один...

Рева бросила вес на мужчину, застала его врасплох, и он отлетел. Она вонзила нож под его подбородок, смогла пустить кровь. Свободной рукой она выхватила меч из-за его пояса и бросила на ступени. Не было времени думать о Карине, она надеялась, что подруга хорошо ударила стража.

— Слезь, стерва, — рявкнул страж. Он был юным, даже красивым — был бы, если бы не большой шрам, идущий через его нос, и отсутствие пяти зубов.

Рева увидела, как его рука тянется к ней. Она всей силой ударила коленом по его паху. Мужчина завыл от боли. Рева зажала его рот рукой. Нужно спешить, если она хочет выжить. Проще было перерезать горло, но она не могла себя заставить. Она выхватила из панталон запасные тряпки и сделала кляп и повязку на глаза. Она перевернула мужчину на живот, связала его руки и ноги. Она встала, сердце билось дико. Она махнула последней тряпкой.

Через пару минут загремела решетка, двери амбара открылись. Рева присела и выдохнула с облегчением. Она вытерла лоб ладонью и спустилась с дрожью в ногах. Ее встретили улыбки пленниц. Анжелика подвела лошадь к ней.

— Ты первая, Райна, — сказала девушка.

Рева посмотрела на каштановую кобылицу.

— Нет, я должна убедиться...

— Ты это заслужила.

Анжелика и Элоиза подняли Реву на спину кобылицы. Из-за цепей ехать придется боком, но она это умела еще с крепости Несра, у нее было равновесие. Она взяла поводья. Другие усадили за ней Карину и Лотти.

Рева с гордостью смотрела, как другие пленницы помогают друг другу забраться,

придерживают друг друга. Решетка была поднята и закреплена. Они были готовы.

Но ворота двора открывались, и стражи выбегали из них.

— Нужно бежать! — крикнула Рева.

— Решетка, — крикнула Уна. — Я опущу ее, когда вы уедете.

— Нет! — начала Рева.

Карина ударила их лошадь, и они помчались через ворота из тюрьмы.

— Она это сделает, — шепнула Карина, их лошадь бежала. — Она нас спасет.

Рева оглянулась на стражу, бегущую из ворот двора, поняла, что Карина права. Она увидела, как скот и козы бегут из лагеря, некоторые направились в лес Дорвуд, некоторые — к горам Тасме на севере, они разбегались, как жуки. Решетка и звери задержат их. Рева и пленницы собирались к лесу, а оттуда — к берегу. Лотти знала кузнеца у порта Монте, который мог разбить их цепи.

— Пляжи, — крикнула Рева женщинам. Она не знала, все ли ее слышали, но старалась докричаться. Эту часть она не сильно продумала, потому что не была уверена, что они до нее дойдут. — Помните мои слова. Двигайтесь к берегу, встретимся на пляжах. Осторожно. Если отделитесь от группы, будьте осторожны.

Ее слова затерялись на ветру, лошади мчались. Она могла лишь надеяться, что ее услышали. Но они ехали. Ехали в лесу Дорвуд в темноте, вокруг выли волки. Лошади двигались медленнее, но Рева не хотела, чтобы они спускались. Скорость помогала сбежать. Жертва Уны не была напрасной. Она подумала, что сестра Валерия сделает с Уной, ее желудок сжался. Она отогнала мысль и сосредоточилась на задании. Алис и Уна не могут умереть напрасно.

Они ехали с криками всю ночь. Но они ехали, выбрались из леса и увидели, что черный дым от склада все еще поднимается в утреннем небе. Некоторые с трудом держались на лошадях от усталости.

— Нельзя останавливаться, — сказала Рева. — Мы должны быть сильными, — она гнала лошадь, но не так, чтобы остальные отстали. Она оглядывалась, боясь, что в темноте девушки потеряются в лесу. Она была уверена, что они двигались по прямой. А если нет? А если они бежали по кругу или к тюрьме?

Рева жевала губу. Она хотела остановиться, развести костер, сжаться на листьях и отдохнуть, но не могла. Их преследовали. Они старались оторваться. Если они остановятся, их нагонят. Она шурилась, старалась увидеть, что за деревьями. Ничего не было видно, и она перестала пытаться. Она гнала лошадь дальше. Она не оглядывалась, Карина дремала у нее на плече.

Посреди дня Рева увидела, что деревьев стало меньше. Она разбудила Карину, которая забыла, что она на лошади, и чуть не сорвалась. С воплем Карина сжала запястье Ревы и чуть не сбросила их обеих.

Рева поправила себя и указала вперед.

— Смотри, — сказала Рева.

Карина посмотрела и увидела солнце за деревьями. Они выбрались из леса. На них не напали призраки или волки, они выжили, и сердце Ревы пело. Они добрались до края леса, Рева дождалась остальных. Считать времени не было. Она надеялась, что никто не потерялся. Никто об этом не говорил.

— К утесам, — сказала Рева. — А потом оставим лошадей и спустимся.

Женщины шептались, но Рева не слушала их. Она ехала. Она хотела бы их выслушать, но

времени не было, нужно было довести план до конца. План хороший, работал.

— Твой кузнец нам поможет? — прошептала Рева Лотти.

— Да, — сказала Лотти.

Дрожь в ее голосе заставила Реву нервничать.

Она вела группу к западному берегу Эсталы близко к Дорвуду. По лесу они видели, что ехали из тюрьмы не по прямой, но она надеялась, что они все равно успеют. Им только нельзя было подбираться к деревне Херено, где Реву чуть не схватили люди принца Стефана.

Край леса вызывал боль у Ревы. Там убили Эмми. Часть ее хотела найти тело Эмми если оно еще там было. Или его съели волки или бродячие псы? Она не могла думать об этом. Не могла и остановиться. Она это знала. И она ехала дальше.

Они были близки к краю королевства, спешили и отпустили лошадей. Рева похлопала свою лошадь по плечу. Кони помогли им. Они храбро прошли лес, были сильными. Без них девушек поймали бы и вернули в тюрьму.

Карина прошла вдоль утесов, легла на живот и выглянула за край. Рева подошла к ней.

— Пойдем тут, — сказала Карина. — Там не так отвесно. Сможем даже пройти. А там придется лезть. Если бы была веревка, — она нахмурилась. — Будем держаться за руки. А потом видна тропа к пляжу. Узкая, но выглядит безопасно.

Рева сжала плечо Карины.

— Спасибо.

Рева и Карина выстроили женщин в ряд. Карина пошла первой, показывала, как шагать, где хвататься. Одной из ночей Карина рассказала ей, как почти все детство провела на берегу Моря королей, где она лазала по скалам и собирала ракушки на берегу. Рева первые десять лет жила на берегу Фиурин, но была леди, а леди не лазали по утесам. У нее и сил бы не хватило.

Линия женщин двигалась вниз, Рева была последней на случай, если появятся стражи или сестры. Нож был за поясом ее туники. Она была рада, что они без обуви. Сквозь повязки она ощущала трещины. Камень ранил ноги, но это не имело значения, важно было поставить ноги. И не смотреть вниз. Карина сказала это всем. *Не смотрите, если хотите выжить. Внизу ждет сестра Валерия. Внизу — пустота. Жизнь — держать голову высоко и искать, куда поставить ногу.* Рева слушалась совета, ни разу не посмотрела вниз. А когда уставшие израненные ноги коснулись песка, произошло что-то необычное. Ее обвили руки. Лица пленниц прижались к ее лицу. Ее целовали в щеки, крепко обнимали. Ее руки сжимали, по плечам хлопали. Были слезы. Она повернулась влево и увидела море.

28

Лука

— Это не предсказанная битва, — Джеральдо покачал головой. — Я ее не видел. Почему? Это не она, — он пинал землю и сжимал кулаки, лицо было гневным. Они потеряли Беа, юную девочку-волка, двух алхимиков, и палатка с Нико была полна раненых. Джеральдо винил себя. Но бой мог закончиться хуже. Им повезло.

Лука не мог подобрать слова, так что молчал. Бой не был виной Джеральдо, но он хотел бы убедить его принять меры безопасности. Мятежники были скрыты годами. Они зря думали, что них не знают. Похоже, в Эстале узнали, и с прибытием Луки... Нет, виноват был не Джеральдо, а он. Он никому не рассказал правды о себе, он подверг риску все жизни здесь, когда пришел.

Лука прижал ладони к коленям и смотрел на вулкан. Полдень, солнце жарило лагерь.

Остатки лагеря. Он сидел в грязи, но не переживал. Он думал о Стефане, о том, что увидел.

Стефан был драконом.

Он пытался понять, что произошло в бою между ним и братом. У Луки было небольшое преимущество в бою на мечах, а потом все было размыто. Сокол напал на гувернера Стефана, спас ему жизнь. А потом в гневе Лука ударил по Стефану огнем, и Стефан стал драконом. Его огонь убил одного из генералов Стефана, но он не знал о гувернере.

Стефан был драконом. Большим черным драконом с оранжевым огнем. Он подумал о крыльях Стефана шириной с дом, тело содрогнулось. Лука был не одним менти в семье. Стефан оказался сильнее Луки, и если бы не Таня, Лука был бы мертв.

— Слушаешь? — возмутился Джеральдо. — Я сказал, это не предсказанная битва.

— И что? — рявкнул Лука. — Что с того? Мы их отбили. Они убежали, поджав хвосты, — его бравада скрывала вину, что терзала его.

— О, это важно, — продолжил Джеральдо, — потому что мы снова столкнемся с ними, помяни мое слово. И ты еще сразишься со своим братом-драконом.

Лука не хотел думать о бое с драконом. В этот раз было тяжело. Ему было страшно.

— Какой же гад, — возмутился Джеральдо. — Он с Орденом Просвещения борется с менти, когда сам менти. Грядет расплата. Будет твоя семья против нас. Твоя семья. О которой ты не рассказал нам. Не доверяешь, да, Лука Саринтия?

Лука только повесил голову.

— Доверие заслуживается, малый. И меня не волнует твой статус при рождении. Ты теперь один из нас. Ты заслужил это право, даже если мне мало нравишься.

Лука впервые повернулся к Джеральдо. Его слова удивляли.

— Иди. Иди и помоги моему сыну с ранеными, — Джеральдо помахал, словно прогонял раздражающую собаку.

Лука не мешкал. Он пошел в лазарет к Нико, тот исцелял столько раненых, сколько мог. В палатку попал огонь в бою, остались черные следы стрел. Лагерь тушил огонь, начав с лазарета, чтобы раненые были в безопасности.

— Что я могу сделать? — спросил Лука.

— Тем солдатам нужно сменить бинты, — сказал Нико. — Бинты на столе — Нико вытер пот со лба. Он был бледен, руки дрожали.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Лука. — Ты использовал слишком много силы.

Нико покачал головой.

— Я должен им помочь.

Лука оглядел палатку. Везде были раненые — менти и солдаты Стефана — помощники, как Таня и Вин, или разные мази и бинты. В палатке напротив менти-алхимики делали зелья исцеления.

— Ты не поможешь им, доведя себя, — напомнил Лука. — А ты уже истощил себя. Поспи час-другой. Я присмотрю за ранеными.

Нико нахмурился, но Лука видел, что он слушается. Он отдал Луке мокрую ткань и вышел из палатки.

— Я часами это ему говорила, но он не слушал, — сказала Таня. Ее темная кожа казалась серой. Она тоже устала, но держалась лучше Нико. — Он упрям, как его отец.

Лука взял бинты для солдат. Он улыбнулся Тане и хотел идти, но замер.

— Спасибо.

Таня опустила взгляд.

— Это пустышки.

— Ты спасла мне жизнь, — сказал Лука.

— Пустышки.

— Ты сражалась яростнее всех, — продолжил Лука. — Я не знал, что вода может быть так опасна.

Глаза Тани вспыхнули, она хитро улыбнулась.

— О, ты будешь удивлен.

Таня посмотрела ему в глаза, Лука ощутил жар в теле. Он опустил взгляд и пошел к солдатам. Он занялся обработкой раны, чтобы не думать о Тане. Его реакция на ее взгляд и прикосновения пугала его. Казалось, чем больше он знал о Тане, тем меньше думал о Реве. Это ему не нравилось. Рева с детства была его любовью. Она была для него, он хотел ее, но не мог получить. Он даже думал о ней на смертном одре в крепости месяцы назад. Казалось, то было давно. Столько всего случилось, столько изменилось, что это словно было в другой жизни. Он с болью вспомнил Матиаса. Он хотел, чтобы брат увидел его сейчас. Он хотел бы поговорить с Матиасом.

Что сказал бы ему старший брат? Рева потеряна для тебя. Таня здесь, она красивая. Она не как Рева, но у нее много хорошего. Доброта, ярость, дух...

— Я вас знаю, — прохрипел солдат. — Принц Лука. Вы... вы...

— Не говори, силы кончатся, — сказал Лука. Он работал методично, разматывая бинты в крови, как его научил Нико.

— Не важно, — сказал солдат. — Мне конец, — он указал на рану на животе. — Ни один солдат не выживал от такого. Ваш паренек пытался исцелить. Это замедлило процесс, но не более.

— Он отдыхает. Я попрошу его попробовать еще, когда он вернется, — сказал Лука.

— Ага, но я за себя не переживаю. Это того не стоит. Мне конец. Я не должен был идти в армию. Нужны были деньги. Это казалось хорошей идеей тогда. Ваш брат мне никогда не нравился. Вы всегда были лучше, если честно. Но потом вы убили наследника, и все сломалось. Принц Стефан, — процедил солдат, — лидер без части. Осторожно, Ваше высочество. Он скверный. Он пьет кровь врагов по ночам. Говорят, это делает его сильнее, но он не силен. Говорят, он — воплощение Аниоса, но никто не знает, что за Аниос. Какой-то бог правды. Никто в это не верит. Даже его друг, Брат. Миккел. Забавный он, — солдат застонал, Лука убрал последние бинты. — Вот. Моя кровь. Она есть у всех, да? Я видел кровь менти, она как моя, — он сжал плечо Луки и притянул его ближе. — Убейте брата. Скорее. Он погубит мир. Он превратит королевство в пепел, — глаза солдата закатились, он выдохнул в последний раз.

Лука опустил голову мужчины на пол, собрал бинты. Тут он заметил дрожь своих рук. Он закрыл глаза солдата и повернулся унести из палатки грязные бинты и сообщить Джеральдо о смерти, когда к нему подошел брат Аксил.

— Он умер, — сказал Лука.

— Я вижу, — сказал Аксил.

Что-то невысказанное мелькнуло между ними. Лука вспомнил их путь, когда его терзали вина и горе из-за смерти брата. Брат Аксил говорил ему простить себя, говорил, что это не его вина. Но он теперь только видел правду в словах Аксила. Он еще не простил себя, но понимал, что однажды сможет, и этого пока что хватало.

— Джеральдо устроит похороны, — сказал Аксил. — Как ты, Лука?

— Честно? Я пытаюсь все осознать. Стефан... менти, дракон. Он намного сильнее меня, и это пугает меня. Я боюсь за Эсталу, за всех.

Аксил серьезно кивнул.

— Понимаю.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Лука.

Голубые глаза брата Аксила были печальными.

— Мы одолеем его, Лука. Так делают хорошие люди, когда испорченные вредят миру. Стефан пересек черту. Он стал опасен для королевства, но я верю, что ты сможешь его одолеть.

— Он сильнее меня.

Брат Аксил вывел Луку из палатки в угол лагеря.

— Он сильнее тебя, Лука, но не сильнее нас.

Лука кивнул. Бой был не только его. Он был и для мятежников менти. У него были Джеральдо, Нико, Таня и остальные. Они найдут больше, они смогут отыскать других мятежников. Мысль о войне сдавливала все внутри Луки, но брат у власти пугал сильнее. Как и мысль о том, что менти убивали просто за их вид. Он выступит и будет сражаться. Он сделает это ради Матиаса, Ревы, Тани и Нико. Он сделает это ради себя, чтобы посмотреть на отражение и не стыдиться.

29

Стефан

Стефан проснулся в Долине теней с двумя мыслями. Он был обнажен, лицо обгорело. Он коснулся красной кожи на щеке и закричал от боли. Он огляделся, мятежники за ним не последовали. Это хорошо. Остальное — нет.

Он встал на ноги и огляделся. По пути он отметил, что почти вся Долина теней выглядела одинаково, и он снова подумал об этом. Он лежал на участке жесткой травы у голого дерева. Сапоги пропали, как и одежда. Солнце было высоко в небе, грело его кожу, жгло его лицо. Он хотел в тень, но тут было только голое дерево.

Вода. Он пошатнулся вперед. Он знал, что нужно идти на восток, чтобы найти Темную реку. Вода остудит его. Вода утолит его жажду.

Он двигался с трудом, мышцы болели, спина устала. Он был без сил, как загнанная лошадь.

Стефан шагал по желтой траве долины и думал о сражении в лагере мятежников. Он подумал о своем превращении в дракона, о том, что ожогов на лице не хватало, чтобы наказать его за то, каким он был. Он не заслуживал жить. Он был проклят. Он был менти. Брат Миккел всегда говорил, что его избрал Аниос. Стефана никто раньше не выбирал, тем более, бог. Но как бог правды мог выбрать лжеца? Все менти были лжецами. Они врали о магии. Все было неправдой. Только люди жили правдой. Менти были как звери, слушались желаний и силы.

Но Стефан был один из них.

Он хотел упасть на колени и рыдать. Но не стал. Он сделал еще шаг. Нога зацепилась за корень. Он удержался и пошел дальше.

«Отец меня убьет, — подумал он. — Я не справился. Я ни на что не гожусь. Альбертс получит корону. Я — менти».

Эти два слова звенели в голове.

«Нужна вода. Я — менти. Если не дойду до реки... Я — менти. Может, брат Миккел...

Я — менти», — это было в каждой мысли. Менти. Менти. Менти.

Когда стало видно реку, Стефан побежал. Он хромал, как подбитая собака. Он чуть не прыгал, спеша добраться до реки. Вода дразнила, манила, была близко, но и далеко, и тело болело от усилий. Оставалась пара футов, Стефан сорвался, споткнулся и упал на живот на расстоянии руки от берега. Дальше он полз, повторяя: я — менти, я — менти. Свежая вода могла помочь ему, но это не уберет.

Он полз к воде. Тут трава была зеленой, как изумруды, но вода была темной. Стефан старался не думать, почему река темно-синяя. Он сосредоточился на том, как вода успокаивала обожженную кожу. Он был рад пене на бурной реке, бегущей к Пепельным горам. Он не хотел видеть свое отражение.

Он придвинулся, думая, больно ли умирать, утонув. Он впился в траву и опустил лицо в воду, закричал, когда холод ударил обожженную плоть щеки. Ожоги были плохими, он был уверен. Его брат выпустил белый огонь в него, Стефан пострадал от этого. Стефан убил бы его, если бы не гадкая менти. Он пил из реки, думая, как близко был к тому, чтобы убить Луку.

Хватка Стефана на троне всегда была слабой, пока Лука был жив, хоть и был грязным менти. И он был менти. Но Стефан мог скрыть силы, а вся Эстала знала о Луке и смерти Матиаса из-за него. Стыд Луки был известен, а свой Стефан мог скрыть.

Он выбрался и прошел по берегу, вода там была спокойнее, была как зеркало. Он опустил на колени и охнул. Он закрыл глаза от увиденного. Менти. Монстр. Когда Стефан открыл глаза, он знал, что это правда. Он был монстром.

Огонь Луки сделал левую часть его лица неузнаваемой. Кожа была красной и в волдырях, брови и ресницы сторели, даже часть волос на голове пострадала. Он не смотрел на отражение, склонился и зачерпнул воду. Он полил водой голову и ожоги.

— Я — менти, — сказал он.

Он сделал это снова, думая о Луке. Может, если налить больше воды, он родится снова. В этот раз чистым. Он встал и прошел к воде. Большой палец снова болел. Он забыл о ране, посмотрел туда. Ладонь опухла, большой палец был багровым. Он не замечал раньше, переживая из-за лица. Не важно, в нем многое было сломано. Он шагнул в воду и зашел по плечи.

Он шел дальше. Он хотел погрузиться в воду. Орден верил, что вода очищала душу, потому что они часто топили жертв. Стефан в этом участвовал. У них было три смерти. Утопить, повесить, пронзить. Стефан подумал, как капитан бился под морской водой. Стефан вонзил в его живот нож, и братья повесили его у входа в их пещеру.

Смерть Стефана не будет тройной, но очистит его. Он шагнул вперед, вода ударила в нос.

— Ваше высочество!

Стефан не слушал. Ему это требовалось. Наглотаться воды и все отпустить. Луку, отца, борьбу с тем, кем он должен быть. Он — менти. Он не этим должен быть. Никто этого не хотел, тем более, он.

— Принц Стефан!

Он опустил голову в воду и закрыл глаза. Вода наполнила уши, и он не слышал голос. Стефан выпустил воздух из легких и ждал, пока вода наполнит его тело.

Но рядом прозвучал всплеск. Руки обвили его тело. Он вырывался, а руки тянули его к берегу. Он пытался кричать «Нет, я — менти!», — но слова были бульканьем. Его вытащили

на берег к тому, что он хотел забыть.

— Что вы делаете, мой принц? — брат Миккел. Конечно. Верный гувернер защищал его.

— Я... я... — Стефан откашлял воду. — Я — менти, — он заплакал. Брат Миккел держал его, голого, как ребенок, мокрого и рыдающего, как новорожденный.

— Ничего, — сказал Миккел. — Вы — менти, и что? Аниос сделал вас таким, но это не значит, что вы должны быть как остальные. Разве это не проверка, мой принц? Других драконов-менти ведь нет? Я не видел. Вы все еще избранный. И у вас будет вся власть над Эсталой, Зантосом и не только. Вы, мой милый принц, избраны очистить мир и вернуть нам Аниоса.

Стефан вдохнул, исцеляя легкие.

— Да?

— Да.

Брат Миккел помог Стефану встать, укутал Стефана в свою мантию, оставшись в легкой тунике. Брат застегнул на нем пояс с молнией на коже, и Стефан вдруг ощутил себя лучше.

— Я потерял меч, — сказал Стефан со смешком. — Когда стал большим драконом, я потерял все вещи.

— Так у многих оборотней, — ответил Миккел. — Так мы их ищем. Если ходят слухи о голых людях в городах и деревнях, мы их отыскиваем.

Стефан подумал, что, не будь он принцем, на него могли бы охотиться братья. Конечно, Стефан не был обычным оборотнем. Он был драконом. Единственным известным, значит, он был другим. Если бы брат Миккел не нашел Стефана, он утонул бы как обычный менти. Он не понял бы, что миссия не завершена. Аниос его не бросил. Он потер палец и прислонился к Миккелу, они пошли обратно по Долине теней.

— Мы вернемся к бухте, — сказал Стефан. — Там мы найдем целителя, обработаем мои раны. И отправимся в Эсталу, если хватит людей для кораблей отца. Лорд Рамсиран подождет. Мне срочно нужно в крепость Несры.

— Как пожелаете, Ваше высочество — сказал Миккел, тонкие губы изогнулись в улыбке. — Что мы будем делать, вернувшись в Эсталу?

Но Стефан не ответил. Только улыбнулся.

30

Рева

Рева почти всю жизнь была у берега. Она всегда любила соль и холодный ветер моря. Первым делом она сорвала грязные повязки и прошла в океан. Море было холоднее, чем она привыкла, и она охнула, но была рада, когда песок терся о ее кожу в мозолях.

Женщины устали, но были бодрее, чем раньше. Они переродились на свободе. Они поспешили по пляжу на юг. Им нужно было покинуть пляж и отправиться в Мадеро, деревушку у порта Монте. Сестры отправляли корабли с товарами в этом порту, так что им придется быть осторожными. Рева знала, что сестры заняты пожаром и зверями, но не была бы удивлена, если бы они уже послали людей в порт выискивать их.

Они прошли дальше по пляжу, она сказала девушкам быть осторожнее. Они шли ближе к утесам, оставались на открытых участках пляжа. Рева хотела войти в море, чтобы вода успокоила натертые лодыжки, но не могла. Она должна была дальше оставаться на шаг впереди сестер.

Когда они добрались до порта Монте, адреналин побега рассеялся. Они были голодны,

хотелось пить. Рева думала поймать и приготовить крабов на пути в Мадеро, но переживала, что это их замедлит. Они помогли друг другу перебираться через песчаные дюны на востоке порта. Рева замерла, нашла лучший путь, чтобы их не заметили. Им придется пригибаться, чтобы не попадаться на глаза. А потом держаться подальше от троп, что сильно вытоптаны.

— Я пойду вперед, — сказала Лотти на последней дюне. Подъем был сложным, по спине Ревы стекал пот. Лицо Лотти было бледным, она задыхалась, но пыталась говорить. — Я поговорю с Диего и упрошу его помочь нам.

— Осторожно, — предупредила Рева. Ей было не по себе, что-то ужасное могло произойти. Она вспомнила рану Эмми, кровь на земле.

«Прости, Эмми, — подумала она. — Прости, что не вернулась за тобой»

Они нашли уединенное место меж двух последних дюн и решили ждать Лотти там. Рева опустила голову на плечо Карины и хотела спать. Веки слипались, но разум будил ее. Лотти была в плену почти год. А если Диего переехал? А если Лотти схватят по пути в Мадеро? Девушка в цепях сразу пострадает. В Эстале были люди хуже Просвещенных сестер, хотя редкое было хуже цепей. Ей было больно. Она не знала до этого, как сильно. Если бы лекарь сказал ей, что все ее тело изломано, она бы ему поверила.

Рева встряхнулась, чтобы не спать. Она решила проверить остальных. Было опасно, хоть они и были меж дюн. Она двигалась среди женщин, многие спали. Они так устали. Но были такими храбрыми. Ее горло сжалось от эмоций, взгляд скользил по лицам. Они пошли за ней. Они терпели, надеясь найти лучшую жизнь. Они не смирились с судьбой, а решили изменить ее, и она любила их. Но она была уверена, что девушек стало меньше. Часть пропала, ее сердце сжалось. Они потеряли женщин в лесу? Вероятнее всего. Там было темно, все происходило быстро. Ее охватил стыд. Она загнала их. Она бросила людей. Но как она могла поступить по-другому?

Рева медленно забралась на дюну, чтобы посмотреть на порт Монте. Она месяцами видела только Сады, было непривычно видеть людей без цепей, мантий или брони. Она видела знать в камзолах, торговцев в цветных жилетках, женщин в длинных платьях, что подметали землю. Она впервые в жизни скучала по тем платьям. По красной, синей и зеленой ткани, вышивке на рукавах и корсете. Ей не нравилось раньше учиться вышивать, но сейчас она была бы рада часами шить себе платье, только бы избавиться от грязной туники.

Порт кипел. Он был не таким большим, как Порт королей, но много торговцев разгружало товары, белые паруса красивых кораблей хлопали на ветру. Моряки сидели на палубах, закрыв глаза, отдыхая. Среди всего этого Рева увидела фигуру, что лишила ее дыхания. Она пригнулась за дюной, вдохнула, успокаивая сердце.

«Не может быть, — подумала она. — Как она уже попала сюда?»

Рева выглянула из-за дюны и проверила, что глаза не обманывают ее. Сестра Валерия была в порту. Она говорила с капитаном, кивала и улыбалась, и Реве было не по себе. Женщина играла Сестру. Она притворялась святой, скромно горбилась. Валерия благодарно похлопала мужчину по плечу, прошла к рыбаку, что продавал белую рыбу на подносе на шее. Еще пара улыбок, и она прошла к морякам, играющим в кости.

Рука сжала плечо Ревы и развернула. Рева вскинула руки, но их убрали.

— Рева! Диего здесь! Он разрежет наши цепи. Рева, я свободна! И ты скоро узнаешь, какая ты менти! — Лотти покраснела.

Рева взяла Лотти за руки, не взглянув на Диего.

— Нужно работать быстро. Сестра Валерия в порту.

Ноги Лотти были свободны, и Диего нашел Лотти новую одежду. Простое платье, что было велико в талии, но было хорошей идеей. Теперь Лотти не заметят в Эстале.

— Тогда ускоримся, Диего.

Рева не могла описать радости от свободы от оков. Несмотря на опасность, Рева хотела обнять Диего до боли в его ребрах. Она потирала кожу лодыжек, двигала ногами, пока Диего помогал остальным кусачками и маленькой пилой. Он был юным и нервничал. Он поглядывал на Лотти, она улыбалась ему.

— Он любил меня когда-то, — призналась Лотти, передав Карине флягу воды. Диего принес оливки, и они жадно ели их. — Мы не виделись больше года, но он меня любил. Мы поженились бы, если бы сестры не забрали меня.

Рева грызла ноготь, желая, чтобы Диего торопился. Их ноги были без оков, они бы двигались быстрее, но они все еще были в одежде грязных пленниц. Им нужно уходить, придется разделиться. Так больше шансов выжить. Эту часть плана Рева не продумала. Кто ей поможет? Куда она пойдет? Она подумывала отправиться в крепость Несры, попросить аудиенции короля, но кто ее впустит? Она не выглядела как аристократка. Она снова выглянула из-за дюны. Сестра Валерия ходила по порту, и стало ясно, что она не одна. С ней было два стража. Не хватит, чтобы поймать всех, но ранить их они смогут. Может, Валерия не собиралась гнать пленниц в Сады. Может, она пришла мстить. Это не радовало.

— Поешь, — Карина дала Реве две оливки.

Она взяла их, но они были горькими. Это была ее первая еда после бульона и хлеба перед побегом. Они работали весь день перед побегом, не спали — ехали всю ночь и шли все утро. Рева не хотела говорить им, что грядет бой.

— Нужно уходить отсюда, — сказала Рева. — Диего, куда мы можем уйти? Где будет безопасно?

Диего открывал и закрывал рот. Он был милым, с большими голубыми глазами, что казались Реве добрыми.

— На вашем месте, — он нервно облизнул губы, — я отправился бы на юг. Если украдете вещи и помоеетесь в море, сможете работать в Тианте или на рынках Илкты. Но нужно быть осторожными. На торговой дороге полно бандитов. Некоторым лучше идти в Реялон или к семьям. Или... — он сделал паузу, — если доплывете до Зантоса за Морем королей, можно попасть в лагерь мятежников у Пепельных гор.

— Лагерь мятежников? — спросила Рева.

— Там менти. Те, что были против короля Давэда, когда он запретил магию. Там менти смогут укрыть вас.

Рева обняла Диего.

— Спасибо. За все, что ты для нас сделал. А теперь иди. И береги себя.

— Куда ты пойдешь? — спросила Карина, Рева провожала юного Диего взглядом.

— Думаю, отправлюсь к Пепельным горам Зантоса, — сказала Рева. — Я хочу найти мятежников и научиться, как быть менти.

Карина сжала ее руку.

— Я бы тоже хотела.

Рева посмотрела на сломанные оковы на песке.

— Странно, но я всегда думаю о замке Унны, когда вижу железо. Я даже немного скучаю.

— А что там? — спросила Карина.

— Там я жила, пока меня не поймали Сестры. Не лучшее место, но я все равно скучаю.

— Почему железо напоминает тебе о замке?

— Оно было там всюду. Францис украсил им стены и двери, даже нашу кровать. Я была закована в железо.

Карина нахмурилась.

— Он знал, кем был, но не знал, какая ты. Райна...

— Меня зовут Рева.

— Рева, железо не только подавляет силы менти. На женщин оно влияет сильнее.

Рева посмотрел на Карину.

— Железо не дает нашим детям расти. Мешает размножению. Понимаешь?

— Что? — выдохнула Рева.

— Ты говорила, что не могла родить. Ты сказала, что все дети остались в замке. Да?

— Да, — признала Рева.

— Ты не виновата, Рева. Это из-за железа в замке. Оно не давало родить здорового ребенка.

— И это... делает их... кривыми? — спросила Рева с дрожью в голосе.

— Железо пугает нашу магию. Порой ребенок может быть получеловеком, наполовину зверем. И... наверное, ты, когда превратишься...

Колени Ревы дрожали. Карина схватила ее локоть, чтобы она не упала в песок. Мир кружился в тумане. Это могло быть правдой? Она жила с виной из-за выкидышей. Она терзала тело болью из-за шрамов и живота. Она считала себя виноватой, знала, что это было ее частью. Но все же... А если это было правдой? А если железо мешало, а она не знала? Карина сжала ее плечи, трясла, но почему? Потому что она плакала. И плакала громко.

Женщины окружили ее. Столько лиц смотрело на нее. Они знали? Знали о ее стыде? Или это уже не стыд? Она съехала по мягкой дюне. Это была не ее вина.

Эмми была бы рада.

Францис простил бы.

«У меня есть шанс на другую жизнь».

Так Рева думала. А потом услышала крики и треск железного хлыста. Карина упала, вытянув руки, Рева зажала рот рукой. Она моргнула раз, другой, и увидела Эмми на земле с кровью, вытекающей из нее.

Не в этот раз.

Сестра Валерия и два стража напали на пленниц, и тело Ревы задрожало. Ее руки стали крыльями, ноги покрыла чешуя, из спины вытянулся хвост. Она возвышалась над женщинами. Сестра Валерия перестала бить Карину и повернулась к новому облику Ревы, хлыст выпал из ее руки. Карина оттолкнула Валерию, Рева двигалась инстинктивно. Она бросилась, схватила Валерию зубами. Кровь сестры была теплой, но горькой. Она понесла кричащую и корчащуюся Валерию к морю. Рева знала, что люди кричали, но бросила Валерию в море. Она смотрела, как падает в воду женщина, что заковала ее в цепи, и ревела. Она выпускала с ревом всю боль и гнев. Ревела из-за потерянных родителей, мужа, подруги и детей.

Она ревела, пока не лишилась сил.

А потом оказалась голой, сжавшейся Ревой, которой касалась волна. Карина подбежала к ней.

— Ты — дракон, Рева, — сказала Карина. — Дракон.

Рева смотрела на подругу. Ей показалось? Она вытянула руки, и они стали крыльями? Она видела чешую на коже и выдохнула желтый огонь на Валерию, бросив ее в море? Она впервые убила?

Да. Она это знала. Она все это сделала. Карина была права, она была драконом, и теперь она знала свой путь.

31

Король Давэд

А вот и новость. Прошло больше недели с его полета, он едва спал с тех пор. Он поступил глупо, он знал. Но любопытство одолело его, и он полетел к Пепельным горам.

Там он увидел сына, принца Луку за работой. Он трудился. Мальчик строил дом голыми руками, копал яму среди вони под палящим солнцем. Впервые принц Лука действовал как сын, которой он всегда хотел. Лука был сильным, умелым, не боялся работы. Он был не слабаком, как раньше.

В облике сокола король ощущал все проще. Он хотел сыну жизни, даже если он был менти. Не важно, что он сказал Стефану, он хотел, чтобы Лука жил. Но не знал, как защитить Луку, не раскрыв, что и он — менти.

Давэд знал, что стоит вернуться, но когда увидел сына, бегущего предупредить друзей об атаке, не смог оторваться. Он смотрел. Смотрел, и птичье сердечко трепетало в груди. Он смотрел, как смело бился Лука с людьми принца Стефана, и он болел за Луку. Он радовался, когда Лука побеждал, даже когда бойцы-менти порой помогали и спасали Луку. Он видел Стефана, сидящего на лошади и смотрящего на бой свысока.

Но менти проигрывали. Давэд помнил слова карги, старался верить, что хотел менти смерти. Но храбро сражающийся сын тронул его. Если умрут менти, умрет и его сын. Он полетел к холму, где был Стефан. Может, он как-то раскроется Стефану. Может, сын его послушает. Но потом он увидел, как Лука идет по холму к Стефану, и решил выждать и увидеть, что будет.

Лука выступил, чтобы защитить остальных. Это было благородно, хоть и глупо. Давэд знал, что Стефан не даст мятежникам жить, даже если Лука будет в цепях. Давэд давно правил, понимал политику войны. Лука — нет.

Его сыновья бились. Давэд переживал, но не решил, остановить ли это. Он летал вокруг них, бил крыльями, переживая из-за ударов мальчиков. Ни один родитель не хотел бы видеть, как дети убивают друг друга. Даже король.

И он увидел Брата, что подкрадывался к Луке. Стефан знал, что задумал Брат, это точно. Он видел, как Стефан с пониманием улыбнулся, не увидев Брата среди остальных. Стефан не остановил Брата, он мог победить без чести. Гнев заполнил птичье сердце Давэда, он действовал инстинктивно. Он напал на Брата, терзал его глаза. Брат Миккел закричал от боли, но успел ударить кинжалом под левым крылом. Давэд завопил и улетел, пока по нему не попали снова. Крыло беспокоило его, он медленно перелетел море, порой опускаясь так низко, что мог попасть в воду и утонуть. Но выжил. Он вернулся в крепость и считал себя трусом.

Он бросил сыновей в забытом богом месте, они все еще бились. Он бросил их посреди боя, не знал, каким был результат. Хуже было, что ему приходилось делать вид, что он не знал о случае в Пепельных горах. Будто он не побывал там один, в пути его сопровождали только чайки. Было сложно объяснить, где он пропал, и откуда рана на ребрах.

Неделя была невыносимой. Но вести прибыли.

— Его королевское высочество, принц Стефан Саринтия.

После дня жалоб напыщенных лордов король Давэд сел прямее на троне.

— Стефан? — прошептал он.

Сердце сжалось. Стефан вернулся, значит, принц Лука не выжил. Он сжал подлокотник большого позолоченного трона. Если Лука мертв, то Стефан Змей точно как-то подставил его.

Большие двери распахнулись, его сын вошел в зал с высоко поднятой головой. Лорды и леди охнули. Мальчик выглядел плохо. Он потел. Волосы прилипли ко лбу, он шел сбивчиво, словно сильно старался. Но толпа охнула при виде жутких красных шрамов на левой стороне его лица. Он был обожжен от скальпа до шеи, лицо было в жутких ожогах. Он подошел ближе к трону, и Давэд увидел, что его нос течет. Мальчик шмыгнул и вытер его платком из кармана камзола. Он был без меча. Это было необычно. Он учил принцев всегда носить мечи.

Сын не успел заговорить, король Давэд рывкнул:

— Двор оочен. Я поговорю с сыном в своих покоях.

Стефан стиснул зубы, глаза вспыхнули. Король встал, подумал, что вспышка гнева в глазах сына могла оказаться и триумфом. Не было времени переживать об этом. Ему нужно было наедине с сыном узнать о судьбе Луки, чтобы не слышали лорды и стражи. Ему нужно было скрыть от двора чудовищную версию сына. Он не хотел, чтобы на кухнях обсуждали смерть Луки и раны Стефана. Его реакцию на смерть Луки не должен запомнить двор, несмотря на гнев, Давэд переживал, что заплачет при всех. Он плакал о Матиасе в своих покоях, но после недели тревоги и почти без отдыха он мог не подавить эмоции.

— Отец, нужно многое обсудить, — сказал Стефан. Его голос звучал сдавленно от простуды или ожогов. Давэду не нравилось смотреть на лицо сына. — Было умно пойти в твои покои, — он держал руки за спиной, словно старался выпрямить спину сильнее. Может, так он скрывал дрожащие руки. — Отец, ты не спросишь о ранах? Как видишь, из боя я вернулся раненым.

Давэд не ответил. Он не мог слышать голос сына, не доверял себе говорить, стражи все еще были при нем. Наедине он все выскажет. Но пока они шли по извилистым коридорам крепости, он молчал, как хороший король, что знал, что и когда делать. Его разум был полон картинок судьбоносной ночи в Пепельных горах, но он не хотел это показывать. Он шел так быстро, как несли ноги. Стефан шмыгал, и Давэд подавлял желание отбить его, как муху. Что его так злило? В этом была проблема. Он знал, что с такими ранами должен жалеть сына, выражать переживания. Но он не мог. Что-то в нем отталкивало. Давэд знал, что не любил его. Не любил. Остатки любви пропали, когда он увидел, как работает и храбро сражается Лука. Давэду было сложно любить без уважения. Он любил Луку в ту ночь. Может, это было не вечно, но он любил его.

Давэд приказал страже остаться за дверями. Он впустил Стефана и запер дверь. Он подумал о вине. Он всегда наливал его, когда в комнате были гости. Но он не мог позвать слугу, а сам это делать не собирался.

— Плохие новости, отец, — начал Стефан. Несмотря на мрачные слова, его голос звучал почти радостно, хоть и сдавленный болезнью. — Я должен сообщить кое-что важное, — Стефан теребил высокий воротник камзола. — Тут так жарко. Могу я открыть двери балкона?

— Можешь.

Давэд смотрел, как юноша пересекает комнату, открывает большие ставни и впускает морской воздух в пространство между ними. Давэд чуть не завопил, чтобы он поторапливался. Он сжимал кулаки и подавлял желание избить сына. Мертв Лука или нет?

— С сожалением сообщаю о провале моей миссии в Пепельных горах. Ваше величество, вы отправили меня туда убрать мятежников менти и привести брата, принца Луку, чтобы вы казнили его за убийство.

— И? — сказал Давэд. — Что с ними?

— Мои люди храбро сражались, — продолжил принц Стефан. — Мы напали с востока и запада лучниками, пехотой и кавалерией. Я брал с собой батальон. Путь был сложным, но люди добрались готовыми и здоровыми. Нас было больше, мы сражались лучше, но у них была магия. Мы их подавляли. Мы почти победили, но тут принц Лука выпустил сильный порыв огня и убил моих генералов, а меня сильно покалечил, как видите. Нам пришлось отступить. П-признаюсь, отец, я потерял сознание от атаки. Боль была слишком сильной, я не мог командовать отрядами. Брат Миккел спас мне жизнь.

— Говоришь, принц Лука жив? — спросил Давэд.

Голос Стефана похолодел:

— Да, отец. Он жив. Он покалечил меня и ушел к мятежникам.

Король Давэд невольно улыбнулся. Он увидел гримасу Стефана и посерьезнел.

— Твои раны обработали? — спросил Давэд.

— Я искал лекаря в Золотом порте, — сказал Стефан. — Боюсь, их методы не такие, как в Эстале. Похоже, я подхватил простуду в Зантосе. Там так грязно, что я не удивлен.

Давэд кивнул.

— Тебе обработают раны. Уверен, они хорошо заживут, — хотя Давэд сомневался.

Стефан покачал головой.

— Мои раны не заживут, отец. Затянутся, но не заживут. Брат ранил меня волшебным огнем, — голос Стефана стал криком. Правая половина лица стала красной, как обожженная. — Я сражался за тебя, отец. Я вел батальон против грязных менти за тебя, и ты переживаешь только за моего брата-убийцу.

— О, ты не чист, сын, не говори так. Ты убивал. Я знаю. Ты убивал с тем фанатиком, которого зовешь гувернером. Ты жертвовал людьми во имя своего бога, пил кровь жертв. Ты не чист. Ты, Стефан, убийца. ТЫ.

Стефан пошел к нему, и король Давэд ощутил гнилость его дыхания. Он отвернул голову от шрамов юноши, стыдясь признать, что они пугали его, как когда-то карга.

— Брось, — сказал Стефан. — Не нужны мне твои осуждения. Ты не достоин судить меня. Ты — недостойный король. Я не понимаю, почему не понял раньше, какой ты. Раньше я равнялся на тебя. Ты был высоким, отец. Самым высоким из людей. Ты был всем, чем я хотел быть. Но уже нет. Теперь я знаю, каким должен быть, и мне жаль.

Давэд открыл рот, чтобы спросить, из-за чего ему жаль, но потом он резко закрыл рот. Он отпрянул, не понимая, что происходит перед ним. Его сын вырвался из одежды и стал огромным монстром. Давэд закрылся руками, Стефан стал драконом и занял комнату. Король от шока забыл, как кричать. Забыл позвать стражу. Он был потрясен. Он думал, что Стефан слаб, но ошибался. Наоборот. Стефан был черной чешуей и желтыми зубами. Он был когтями и крыльями, заполонившими его комнату.

Давэд переживал о сыне, когда тот был ребенком, но не знал, из-за чего. Теперь догадки встали на место, как в детской головоломке. Он боялся, что Стефан вырастет монстром.

Он переживал не зря.

Давэд потянулся к железной цепи на шее. Может, он сбежит, став соколом. Его пальцы не успели коснуться металла, дракон схватил его за плечи большими зубами. Он одним движением бросил его в окно балкона. Король Давэд полетел в соленый воздух. Море королей виднелось вдали, он падал, плечо кровоточило от глубокой раны от зубов Стефана. Вот и все. Это была его смерть.

Король бросился в ров замка. Он был уверен, что слышал смех карги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net